

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

КАТАЖИНА

БОНДА

Очкарик

ЭТОТ ЗЛОВЕЩИЙ «МЕРСЕДЕС» ВСЕГДА ТАМ,
ГДЕ СОВЕРШАЕТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕ...

Писательницу называют европейским Стивеном Кингом
и польским ответом Ю Несбё.

В ЕВРОПЕ ПРОДАНО СЫШЕ 500 000
ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ АВТОРА!

Иностранный детектив

Катажина Бонда

Очкарик

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)

Бонда К.

Очкарик / К. Бонда — «Центрполиграф», 2015 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08037-0

Полицейский профайлер Саша Залусская приезжает в небольшой городок у восточной границы, чтобы встретиться с Лукасом Полаком, главным подозреваемым в деле серийного маньяка по прозвищу Красный Паук и отцом ее ребенка. Поговорить с бывшим любовником не удастся. Его выписали из частной психиатрической клиники, и где он сейчас – неизвестно. Пока Саша пытается отыскать Полака в городе, убивают девушку, а вскоре прямо со свадебного торжества исчезает молодая жена местного бизнесмена. Возможно, они стали жертвами Полака. Но и сам новобрачный не без греха. Это уже третья близкая ему женщина, пропавшая без следа, и когда-то его подозревали в убийстве, только не смогли доказать вину, хотя принадлежащий ему «мерседес-очкарик» был связан с преступлениями. Саша пытается разобраться, какие тайны скрыты в здешних местах с такой непростой и трагической историей.

УДК 821.162.1-31

ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-227-08037-0

© Бонда К., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

Очкарик	6
Пролог	6
Коля, 2002 год	11
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Катажина Бонда Очкарик

* * *

Художественное оформление Е. Ю. Шурлаповой

© by Katarzyna Bonda 2014 The moral right of the author has been asserted.

«Очкарик»

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

© «Центрполиграф», 2018

Очкарик

Памяти моей бабушки Катажинны, погибшей в 1946 году во время погромов православных деревень в Полесье.

*Моей маме, Нине, осиротевшей в возрасте шести лет. Поклон силе ее духа, которую посчастливилось унаследовать и мне.
С любовью*

Известные факиры чаще всего используют именно очковых змей. На глазах у публики отвратительные рептилии становятся послушными, благодаря магической силе заклинателя. Иногда все дело в совершенно обычном приеме: змеям удаляют ядовитые клыки или зашивают пасть. Бывает, что заклинатель обладает иммунитетом к яду, благодаря частому введению в кровь его микродоз. Случается, правда, что заклинатель не защищен абсолютно ничем, кроме мастерского знания психологии змеи и виртуозного умения обращаться с нею. Нередко факир, слишком уверенный в себе, платит самую высокую цену. И цена эта – его собственная жизнь.

В. Я. Станек

Большой атлас животного мира

Тебя можно назвать здешним, если прах твоих предков покоится в этой земле.

Пролог

Сопот, май 2014 года

Когда он наконец поднял трубку, она промолчала, хотя следовало попросить к телефону Зою.

До нее доносился звук включенного телевизора и детский смех. Домысливалась картина семейной идиллии. Супница с бульоном на столе, домашний пирог на фарфоровых блюдах. Малышня превращает квартиру в полосу препятствий, не имея понятия о профессии деда, который каждый год переодевается Дедом Морозом. Дети смотрят «Том и Джерри». Взрослые пьют грушевую наливку, перекикивая героев мультика. Служебное оружие с отделенным магазином и запасом патронов подремывает в сейфе.

– Зофии нет. – Он подал голос первым. – Ее отвезли в роддом.

Саша с облегчением вздохнула. Когда она увольнялась со службы, у ее непосредственного начальника был уже сорок один год стажа, но, как видно, он все еще в строю. Его первый внук родился незадолго до того, как он ее завербовал. Саша заметила фото младенца на рабочем столе его компьютера. «Марсель, – с гордостью объявил офицер и прибавил: – А его сестра уже в пути». С тех пор она и называла его Дедом. Прозвище быстро прилипло, и вскоре все стали так его называть. Шли годы, а ей по-прежнему не удавалось узнать его настоящую фамилию. Вплоть до вчерашнего дня. Она рассчитывала, что Дед пока не в курсе. Хотя бы раз преимущество было на ее стороне.

– В роддом? – Саша улыбнулась. Теперь уже офицер не бросит трубку. Ему слишком интересно, чего от него хочет бывшая протеже. – А что с ней?

– Не знаю, – буркнул он согласно давним инструкциям.

Сейчас она слышала его свистящее дыхание, легкое покашливание и стук. Он извинился перед гостями и медленно перемещался в другую комнату. После того как Дед закрыл дверь и воцарилась тишина, она хотела сказать что-то в свое оправдание, но он опередил ее:

– Телефонных книг уже не существует. На Фейсбуке меня тоже вряд ли найдешь.

– А ты где взял мой номер, когда втравливал меня в дело Иглы?

– Но у тебя-то кишка тонка...

– Ты прав, – признала. – Однако у меня свои методы.

– Еще две секунды, и начнется запись, – предупредил он. В его голосе не было враждебности. Скорее, обыденность. – Это может усложнить жизнь и мне, и тебе.

Она положила трубку. Села на полу по-турецки. Закурила.

Монитор компьютера заморгал и перешел в энергосберегающий режим. Перед тем как он уснул, мелькнуло лицо профессора Абрамса. Им следовало обсудить прошлый семинар. Профессор был обеспокоен ее молчанием. Он уже несколько дней пытался поймать ее в скайпе. Написал как минимум десяток сообщений. Саша работала, но сначала хотела закончить заключительную часть и обсудить с ним всю диссертацию в целом. Она пообещала себе, что завтра с самого утра выловит его в институте. Сигарета заканчивалась. Когда она встала, чтобы затупить ее под струей воды из крана, подал голос ее телефон. Она взглянула на дисплей. Номер не определен. Ответила, не дожидаясь начала припева.

– Один вопрос, – бросила она без вступлений, все еще держа в руке тлеющий окурок. – Какова была моя роль в деле Иглы? И работал ли Лукас на нас? Считаю, что имею право знать.

– Я никогда тебя не обманывал, – заявил Дед. Голос был спокойный, не такой хриплый, как несколько минут тому назад. Посвистывания при дыхании почти не было. Видимо, перед тем, как позвонить, он успел воспользоваться ингалятором. – Таков был приказ. Но вообще-то это уже два вопроса.

Она вздохнула.

– Лукас знает?

– Даже я не знаю всего, – начал он, но запнулся. – А если дело в тебе?

Саша подошла к холодильнику. Налила себе холодного молока и отпила глоток. Ждала.

– То есть Красный Паук – это дымовая завеса?

– Я был в этом почти уверен. Но после всего, а также после твоего отъезда, оказалось, что все не так очевидно. Тетка Поляка, жена известного режиссера... Один звонок, и дело в шляпе. Ты прекрасно знаешь, как это решается. Думаю, это Сонька, прилипала Карпа. Он тогда руководил бригадой уборщиков. Потом лавина пошла вниз. Следак позаботился о том, чтобы бумажки были чистенькие. Меня никто не спрашивал.

– Он работал на нас?

– Планировалось одно дельце.

– То есть – да, – вздохнула она. – Значит, ты толкнул меня на мину.

– Я бы так этого не назвал, – поспешно парировал он. – А если уж ты так сильно хочешь знать, то не думаю.

– Он продолжает это делать.

Саша придвинула к себе газету. С первой полосы вопил желтый заголовок: «Булка страха». Текст был иллюстрирован изображением малопривлекательной дамы с глазами вытаращенными при виде чудовищных размеров гамбургера. Саша быстро пролистала газету. На восьмой полосе, в узенькой колонке криминальной хроники, сегодня утром она прочла об исчезновении Лидки Вроны, студентки факультета туристического бизнеса из Тарнова. Нераскрытое дело трехлетней давности. Для журналистов висяк – разогретая котлета, не заслуживающая ни громкого названия, ни фотографии. Сашу, однако, потрясла эта информация. Находясь за границей, она не читала желтой прессы. В журнале «Политика» о Лидке не писали. Сегодня из короткой заметки она узнала, что в день исчезновения девушка выложила на своей

странице в соцсетях художественное фото. Этот снимок мог отыскать в Сети любой желающий. Достаточно было написать: «Лидка Врона, исчезновение». Прodelав это, Саша остолбенела. Она тут же узнала уникальный стиль преступника. Фотография была сделана сверху. Прекрасный, художественный кадр, как будто взятый из альбома Красного Паука. Контрастные, усиленные с помощью фотошопа цвета играли более важную роль, чем фотографируемый объект. Лидка лежала в красном платье, словно в луже крови на фоне сочной зеленой травы. Журналист, подписавшийся как ПН, сообщил, что полиция исключила последнюю из имевшихся версий. Следствие прекращено по причине отсутствия подозреваемых. Дело все еще в производстве, уверял пресс-атташе. Но пока не появятся новые обстоятельства, оно будет лежать в архиве вместе с тысячами прочих нераскрытых дел.

– Мы этого не знаем, – подал голос Дед после продолжительного молчания. – Могу лишь сказать, что Паук действовал не в одиночку. Это был не сексуальный маньяк и не психопат, как нам казалось поначалу. Информация в прессу просочилась только благодаря давлению СМИ. Задействованы большие шишки.

– Политика?

– Не только. В оперативных материалах засветилось несколько известных персон из большого бизнеса. Обе партии подмочили себе репутацию. Правда, под прицел попали в основном пешки. Выкрутились. До громких арестов не дошло. Скорее... – Дед запнулся, – исходя из высших соображений.

– Честь и кровь?

– Типа того, но не вполне.

– Значит, дело в бабках?

– Дело всегда в них, дорогая.

Саша не понимала, что обо всем этом думать. Высшие соображения могли означать все что угодно. Она догадывалась, что, несмотря на официальную версию о закрытии дела, Центральное бюро расследований все-таки держит ухо востро. Как только обнаружится что-то новенькое, они сразу возобновят следствие.

– Возьмешь меня в дело?

– Не могу, – слишком резко отреагировал Дед. – И не потому, что не хочу.

– Я уже не пью.

– Знаю, Саша.

Услышав свое имя, она удивилась. Обращаясь к ней, он неизменно использовал служебные псевдонимы: Милена, Дюймовочка или просто номер ее жетона 1189. Она задумалась, стоит ли выкладывать сейчас все козыри. Дед может испугаться, узнав, что она сдернула с него маску. Саша взяла листок бумаги и принялась рисовать мандалу из цветов, не заметив, как на рисунке появились витые инициалы К. В.

– Мне на днях пришлось попросить техника купить за собственные деньги внешний диск, на который мы скопировали данные с компьютера подозреваемого, – продолжал офицер. – Естественно, нам нужно прикрыть задницу на случай, если вдруг что обнаружится, а клиент уйдет в глухой отказ. А контора не дает бабла.

– Издевательство. – Саша не верила своим ушам. Неужели в двадцать первом веке польская полиция работает в таких условиях?

– Я им сказал то же самое, – согласился Дед. – Главный надулся и ответил, что если там что-то обнаружится, то они вернут потраченные деньги. А если нет, то выдернуть из бюджета нужную сумму не будет никакой возможности. Так и вышло. Компьютер был чистенький. Зато у техника теперь свободный диск за несколько сотен. В качестве утешительного приза я купил ему бутылку. И не какую-нибудь там бормотуху, а приличный виски за две сотни. И это уже седьмой, что ли, такой случай в этом году. Как будто кто-то опережает нас буквально на шаг. Два года работы коту под хвост. Не знаю, может, кто предупредил клиента? А может, мы взяли

не тот след? Короче, у нас на руках сплошные безосновательные обвинения. И длинный список известных фамилий. Очень известных. Естественно, все залегли на дно. Несколько задержанных пешек, готовых сотрудничать, резко преставились на зоне. Суицид, ясное дело.

– И несчастные случаи, – добавила Саша. – Классика.

– Как видишь, нет никаких оснований для расширения команды.

– Я могу работать бесплатно. Просто очень хочу сделать этот профайл.

– Я слышал, что ты реально крута, – перебил Дед. – Но увы. Служебная тайна. К тому же нет тела. А когда нет трупа...

– *Ex nihilo nihil fit*¹, – закончила за него Саша. – Бывают и показательные обвинительные процессы, которые происходят, несмотря на отсутствие тела.

– Посмотрим. Это не вопрос доверия.

Саша не верила ему. Но все-таки почему-то он с ней разговаривал. И так много сказал. Из кучи информационной ваты она выудила контекст, и оба об этом знали. Она понимала, что он рискнул, подошел к черте. Может быть, боится потерять кресло? Или уже знает, что вскоре дело передадут кому-нибудь другому. Например, тому, кто запрячет его подальше. Но, несмотря на это, он все-таки говорил. Видимо, предчувствовал, что она ему вот-вот пригодится. Они скоро встретятся. Точно. Вдруг у нее промелькнула мысль, что на ситуацию могла повлиять смена премьер-министра. Дело было приоритетным, пока у руля стояла конкретная политическая партия. Это они приказали ЦБР и другим службам вплотную заняться расследованием. В те времена никто не жалел денег на внешние диски.

– Можешь рассказать мне, – перебила она.

– Я и без того сказал слишком много.

– Я ценю это, – заверила Саша. – Но мне надо знать. В личных целях.

– Это не личный разговор. – Он вдруг заторопился. Испугался? Их подслушивали?

Наверняка.

– Ты предполагал, что Лукас Поляк может быть невиновен?

– Тебе виднее. Я не спал с ним целую неделю. И детей от него у меня нет.

Саша прикусила губу.

– Может, мы ошибались?

– Не знаю.

– А ты как считаешь? – не отставала она. – У меня Каролина. И если его обвинили безосновательно...

Саша запнулась. Бросила окурок в мусорное ведро, после чего встала у окна и разглядывала свое отражение, как в зеркале.

– Эта информация очень важна для меня. Она может изменить все. Не в моей жизни, но в жизни моей дочери точно. Она уже начала спрашивать об отце. Что мне ей говорить? Уверена, ты понимаешь меня. У тебя у самого дети, внуки.

– Это не он, – прохрипел Дед. Послышался звук ингалятора в аэрозоли. Сердце Саши забило сильнее. Ей показалось, что время остановилось.

– Во всяком случае, он действовал не в одиночку. И точно не был мозгом шайки. Но в какой-то степени участвовал. Предполагаю, что он знает, кто за всем этим стоит.

– Стоит? – спросила она. – То есть это продолжается? Я была права.

Зеленая трава оттенка недозрелого авокадо. Красное платье. Белые округлые груди Лидки. Рыжие кудрявые волосы. Остановившийся взгляд. Девушка могла бы сойти за младшую сестру Саши. Сходство было потрясающим. Почему только сейчас это пришло ей в голову? Гипотеза была слишком смелой, но Залусская ведь профайлер. Ей следовало принимать во внимание все возможные совпадения. В том числе и то, что Красный Паук похитил ее, потому

¹ Ничто не возникает из ничего (*лат.*).

что она вписывалась в профайл его жертв. Это не могло быть случайностью. От этой мысли волосы у нее на голове встали дыбом.

Прежде чем позвонить, она еще раз вбила в графический поиск Гугла фамилию пропавшей. Саша была почти уверена, что снимок был сделан посмертно, хотя это невозможно доказать, пока тело не найдено.

– Кто? – уверенно бросила она. – Ты ведь знаешь, кто является настоящим Красным Пауком. Дело лишь в доказательствах. Я права?

Как ни странно, она почувствовала облегчение. Словно гора с плеч свалилась. Но можно ли доверять Деду?

– Спроси у Поляка, – ответил он с издевкой. – Может, успеешь, прежде чем его устроят. Не знаю, как ты, а я не собираюсь его оплакивать.

Раздались гудки. Саша на всякий случай набрала номер еще раз, но абонент находился «вне зоны действия сети». Несмотря на это, она сохранила его номер в списке контактов: Каэтан Врублевский – Дед.

Коля, 2002 год

Поросенок лежал на металлическом столе копытцами кверху. Рыло его было перекошено, словно в издевке над собственным вспоротым брюхом. Миколай Нестерук заканчивал разделку туши. Он смахнул остатки потрохов в стоящее рядом ведро и оттолкнул его ногой. Ведро заходило ходуном, но не перевернулось. Вот и хорошо. Вытирая рукавом пот со лба, Миколай решил, что дополнительная уборка ему не улыбается. Жена и без того устроит головомойку за то, что он разделяет свиней в гараже, после чего ей там чудится запах крови. С тех пор как они переехали в город, мадам вдруг сделалась неженкой. Полюбуйтесь на нее. Как есть мясо, так все горазды, но пусть лучше кто-нибудь другой убивает, разделяет и запекает.

В старые времена мужик в одиночку разбирался со свиньей, кроликом или косулей. С курами женщины справлялись сами, не решаясь ради такой мелочи беспокоить хозяина. Хватили за башку, клали на пенёк, да и дело с концом. Топор в каждом доме всегда был заточен. Тупой топор означал, что хозяин не следит за домом, бьет баклуши либо пьет сверх меры. Но те времена давно миновали. В некоторых домах нет даже маленького топорика или хотя бы приличной отвертки. Даже для самых мелких работ вызывают мастера. Миколай в таких домах любил запрашивать втридорога.

Кто из нынешних помнит, что перед разделкой тушу надо сначала повесить на крюк, чтобы кровь стекла? А чтобы она не пропала почем зря, необходимо собрать ее всю, до последней капли? Иногда выходило несколько посуды этой юшки. На Полесье суп с кровью – чернину уже не делали, зато «кровянка» из свежей крови и гречки после каждого свиноубийства была очень даже в цене.

Нет уже настоящих мужиков, бормотал себе под нос Миколай. Да и кто будет сейчас затрудняться убоем, если «экологически чистый банкетный поросенок» с ближайшего мясокомбината (четыре килограмма – маленький, шесть четыреста – большой), в вакуумной упаковке и с инструкцией приготовления на цветной этикетке, стоит столько же, сколько живой, а живого надо еще выпотрошить. Но Миколай был уверен, что откормленная на домашней картошке домашняя же свинья даст фору фирменному «идеалу вкуса и эстетики». Впрочем, на эстетику Миколаю было и вовсе наплевать.

Через четверть часа начнет светать. А пока, при свете стоваттной лампочки, качественно закончить работу было непросто. Помощника у Миколая не было. В старые времена убой свиньи считался работой для двоих. Один вбивал длинный остро заточенный нож прямо в сердце животного, а другой перерезал горло. Три визга – и дело с концом. Правильно выполненный убой не доставлял животному страданий. Смерть наступает мгновенно, если делом занимается специалист. Мытьем, осмаливанием и разделкой мяса занимались женщины. Если требовалось, то звали на помощь соседок, сватий, подрастающих дочек. Чем быстрее перерабатывалось мясо, тем вкуснее получались приготовленные из него кушанья. Сам Миколай предпочитал «пальцем пиханную» колбасу, которую заливали в ведре разогретым жиром. Так она могла храниться в кладовке всю зиму, до самой Пасхи и никогда не зеленела, как современные покупные ветчины. Хотя, по правде сказать, времени испортиться у нее не было. Она слишком быстро исчезала из ведра по случаю праздников, выходных дней и приездов гостей. У каждой хозяйки был свой рецепт такой колбасы, передававшийся дочерям вместе с остальными семейными секретами. Его собственная дочь совершенно не годилась для такой работы. При виде крови Мариола тряслась как осиновый лист.

По счастью, свинка попала небольшая. Миколай справился с ней в одиночку, хотя и не был уверен, что успеет выполнить заказ в срок. Теперь нужно начинить поросенка гречкой, салом и потрохами, положить в яму и запечь, на это уйдет еще несколько часов. Как всегда, ему придется лично следить за процессом. Свадебные гости в накрахмаленных рубашках уже

ждут. Вот-вот подъедет заказной автобус, чтобы отвезти их в «ресторацию». А у него еще и половина работы не сделана.

Миколай замер, прислушиваясь. Неподалеку проходило шоссе. Видимо, у кого-то колесо лопнуло, подумал он и вернулся к работе. Но, услышав еще три подобных звука, уже был уверен, что это выстрелы. До леса отсюда далеко, это не браконьеры.

Миколай подошел к ведру с чистой водой, сунул в него руки и хорошенько их сполоснул. Вышел из гаража. Предрасветные серость и туман сильно ограничивали видимость. Миколай двинулся напрямик, через поле, в сторону шоссе. Осмотрелся. Никого. Но не только он услышал этот звук. В нескольких домах загорелся свет. Он уже возвращался, раздраженный из-за потерянного времени, когда заметил силуэт человека. Кто-то бежал, согнувшись пополам.

– Люди! На помощь! – крикнул незнакомец из последних сил, после чего упал на колени и подняться уже не смог.

Миколай резво направился в сторону черного силуэта, хотя бежать уже не получалось. Возраст давал о себе знать.

– Кто кричал?! – прохрипел он, с трудом хватая воздух. – Что случилось?

– Убили, – с трудом выдавил мужчина и поднял голову.

– Петя? – шепнул шокированный Миколай.

Присев, он распахнул пиджак немолодого уже мужчины. Одежда раненого была густо пропитана кровью.

– Кто тебя так?

– Я не видел, – прозвучал ответ.

По всей видимости, выстрел пришелся в живот. Пострадавший истекал кровью, как раненый зверь. Калибр был довольно крупный. Охотничье ружье? Винтовка на оленя либо зубра? Самопал? Одна из пуль пробила ключицу навывлет. Дыра шириной в два пальца. Остальные пули наверняка застряли в теле. Миколай знал, что делать в таких случаях. Во время войны ему не раз доводилось сталкиваться с огнестрельными ранениями. Он снял с себя рубашку, порвал ее на полосы и попытался остановить кровотечение, но это было нелегко. Он даже вспотел от усилий и напряжения. Пот заливал глаза. Когда ему наконец удалось хоть как-то забинтовать рану, небо уже розовело от первых лучей солнца. Погода точно будет хорошая.

Миколай встал, чтобы как можно быстрее добраться до ближайших построек. Он знал, что на старой мельнице есть телефон. Чтобы человек выжил, нужна неотложная помощь. В этот момент раненый протянул к нему руку.

– Спаси ее, Коля, – прошептал он по-белорусски. – Там стоит машина. Лариса внутри. Мертвая.

Миколай поднял голову и огляделся. На шоссе не было ни одного автомобиля.

* * *

Гданьск, 2014 год

Мишень со скрежетом сдвинулась с места, и поток воздуха поднял ее вверх, словно парящего на ветру воздушного змея. Саша потянула за правый нижний угол, расправила листок и подсчитала пулевые отверстия. Она едва заметно улыбнулась, но от комментариев воздержалась. Она ни разу не промазала. Все шесть пуль попали в нижнюю часть силуэта, как она и хотела. Нападающий нейтрализован, но не мертв. Она положила револьвер на небольшой столик, покрытый сукном, и высыпала гильзы. Надо не забыть взять себе одну на счастье. Саша не была в тире восемь лет. Это как если начинать тренировки заново. Хотя умение ездить на велосипеде, говорят, остается с человеком навсегда.

– Молодец, собралась, – похвалил ее инструктор. – Что теперь? «Глок»? Или сразу «Калашников»?

Саша сняла очки. Сжатые наушниками уши сильно болели. Подполковник Духновский стоял у стены, покрытой инструкциями «как обезвредить агрессора», и одобрительно улыбался. В клетчатой рубашке и ковбойских сапогах, с большими пальцами, засунутыми в карманы джинсов, он походил на героя вестерна. Какое счастье, что он отстриг эту ужасную косу, подумала Залусская. Сейчас у него были коротко подстриженные, всегда немного взъерошенные волосы. И, несмотря на то что они окончательно потеряли свой натуральный цвет в пользу благородной стали, выглядел он намного моложе, чем тогда, когда они встретились по поводу убийства Иглы. Он протянул руку к каталогу оружия и многозначительно причмокнул.

– Я бы предпочла что-нибудь подходящее для женской руки, – промурлыкала Саша. – Какую-нибудь «пчелку».

– «Беретта»? – предложил Дух.

– Подойдет. И еще я хочу попробовать с большего расстояния.

Саша обернулась, оценивая дистанцию. Отсюда она едва видела саму мишень, не говоря уже о ее центре. Очки опустились на переносицу.

– Я и не ожидал иного ответа, – прозвучало у нее за спиной.

Она покачала головой, как мать непослушного мальчика, которая сама не знает, почему позволяет вить из себя веревки и водить за нос.

– Как легко, оказывается, тебя удовлетворить, – отрезала она для порядка.

– Вовсе нет, но раз ты не хочешь в этом убедиться... – провокационно рассмеялся Дух.

Инструктор, с кривой миной, поглядывал на них из-за мишени.

– Десять метров – это стандартное расстояние, – поучительно сказал он Саше и обозначил маркером предыдущие попадания. – Олимпийская дистанция – двадцать пять.

– Желание клиента – для нас закон, – перебил его Дух и нажал зеленую кнопку. Мишень отодвинулась до упора, к самой стене. Инструктор вернулся на свое место.

У соседней стойки мужик, в штанах милитари и брендовой футболке в стиле дряхлый винтаж, наяривал из калаша. В очереди уже ждал его сын, лет тринадцати, не больше. Жена, с дредами из голубой пряжи, не слишком одетая, но и не вполне голая, поскольку вся была покрыта разноцветными тату-фресками, вслушивалась в металлическую канонаду падающих на пол гильз. Это место не производило на нее никакого впечатления. Видимо, супруг регулярно заставлял ее присутствовать на своих шоу. Матрона то и дело вынимала блеск для губ и слишком старательно мазала им рот. В перерывах она внимательно всматривалась в мысы своих фиолетовых туфель на высоченной платформе. Саша наблюдала за ней как за редким явлением природы, выпав на время из реальности.

Она очнулась, когда на столике уже лежала «Беретта-950» и комплект патронов в пластиковой коробочке. Саша примерила небольшой пистолетик к ладони. Идеально. Он был черный, слегка потертый по краям. Какой красивый, подумала она. В голове промелькнула мысль, что неплохо бы обзавестись таким. Она чувствовала его намного лучше, чем предыдущие модели. А может быть, попросту припомнила времена, когда игры с оружием были для нее обычным делом. Она всегда прекрасно стреляла и не гонялась за большим калибром и эффектными позами.

– Ей было бы хорошо в твоем кармане. – Дух будто прочитал ее мысли.

Саша покачала головой. Решение принято. Да, она вернется на работу, будет офицером полиции. Но только ради того, чтобы заниматься профайлингом. Зачет в тире необходим, как санитарная книжка для продавца гастронома. Так что, не считая тира – никакого оружия, даже на службе. Исключительно интеллект. Она зарядила пистолет, сняла с предохранителя. Ноги

на ширине плеч, верхняя часть тела расслаблена. Неподвижны только плечи. Мушка наведена на цель.

– Примерила, поиграла, теперь покажи, что умеешь, – подстрекал Дух. Она его толком не слышала. Наушники хорошо изолировали звук. – Левый круг – три гвоздя. Остальные в правый, – прозвучал приказ.

Саша не ответила, но приняла информацию к сведению. Уже после первого выстрела поняла: что-то не так. Легонькая «беретта» очень симпатично дымила при выстреле, но была исключительно нестабильна. И чем сильнее Саша старалась, тем труднее было удержать цель. Профайлер хотела как можно быстрее закончить этот экзамен. Наконец патроны кончились. Она сделала контрольный выстрел и положила пистолет на стол. На этот раз Дух первым оценил результат.

– Не так уж плохо, – подбодрил он ее. – Бери автомат, и будем закругляться.

Саша подошла и с удивлением обнаружила, что промазала лишь дважды. Обе пули попали в лоб нападающего. Остальные оказались в правильных местах, как велел Дух.

– Я убила его. – Она разочарованно вздохнула.

– Дрова рубят – щепки летят. – Роберт пожал плечами. – Я и не знал, что ты так крута.

– Я не стреляла много лет. – Саша притворялась скромницей, хотя на самом деле была очень довольна собой.

– Это не забывается, если жажда борьбы у человека в крови. – Он растянул губы в улыбке. – А у тебя она есть. Я так и думал.

– Ты, как всегда, всеведущ.

– Как и пристало Духу, – ответил он, не скрывая удовольствия.

Залусская взяла автомат Калашникова. Магазин был туговат. Она сломала ноготь, пока заряжала последние патроны, но уже чувствовала себя уверенно. Только полный идиот не попадет в цель из автомата, говаривал ее бывший босс, и Саша была согласна с его мнением. Сначала она не очень хорошо контролировала отдачу, но быстро приспособилась. Она была уверена, что после этого у нее будет болеть правое плечо. Результат превзошел все ожидания. С облегчением сняв наушники, она растерла кожу за ушами и бросила очки в сумку, не заботясь о том, чтобы положить их в футляр.

– Значит, ты без них ничего не видишь? – подколот ее Дух.

А поскольку она не ответила, он принял это к сведению, как факт.

– Дай сигарету, – сказала она, когда они оказались на улице.

Какое-то время молча курили, но наконец Сашу прорвало.

– Неплохо получилось! – Она дернула подполковника за рукав рубашки. – Тебе придется это признать.

Он скривился, но глаза его смеялись.

– Если ты так же постарайшься в понедельник... Но меня там не будет, – подчеркнул он и потушил сигарету. – Ты голодна?

– Думаешь, я без тебя не справлюсь? – Саша по-сократовски сморщила лоб и заявила: – А ты постеснялся пойти со мной к ребятам.

Она повела плечом. Тир был любительским и находился на территории соснового заповедника. На одной из бревенчатых стен висела афиша: «Свадьбы, поминки, банкеты. ДиП – Дешево и практично». Сначала стрельба, потом пьянка. Или наоборот, промелькнула мысль.

– Было по пути, – соврал Дух. – В понедельник покажешь все, на что способна, и ни у кого не останется сомнений, что ты достойна занять место в моей команде.

Теперь уже он не смотрел на нее.

– Значит, это еще не точно? – Не обратив внимания на подвох, она обиженно надулась. – Тогда зачем все эти заявления, рапорты и прочее? Я не намерена ни перед кем заискивать.

– Не сомневаюсь. – Дух старался разрядить обстановку. – Но я хотел бы посмотреть, как заискивает Саша Залусская. Это могло бы быть интересно.

Она рассмеялась. За долгие годы он оказался первым человеком, сумевшим ее рассмешить. Топор войны был зарыт. Тем не менее их разговоры по-прежнему больше походили на шуточные перебранки. Это он уговорил ее вернуться, перечислил все возможные плюсы. Получив должность начальника убойного отдела, он зарезервировал для нее вакансию. Собственно, она должна была занять его прежнее место. Валигура, начальник Главного управления, был не против. Он ценил ее, даже рекомендовал людям из других управлений. Если бы не совместное предложение Духновского и Валигуры, Саша даже не осмелилась бы мечтать о возвращении. Она подала необходимые бумаги, прошла базовый курс в школе полиции в Пиле, быстро написала прошение на индивидуальную программу, которое Дух пропустил по своим каналам. Несколько раз съездила в Пилу, чтобы сдать экзамены, которые больше походили на милую светскую болтовню с преподавателями.

Уйти всегда намного проще, чем вернуться. Уход – это прыжок навстречу свободе. Раз – и готово. Возвращение же означает подъем по вертикальной стене, необходимость показать, что ты по-прежнему чего-то стоишь.

Дух, само собой, поставил условие: чтобы получить место, ей следует пройти через то, что она ненавидит: тесты по физической подготовке и экзамен по стрельбе. Психологические тесты она выполнила, ясное дело, играючи. Тем не менее тяжелое бремя ответственности не отпускало. Ей нельзя было подвести Валигуру и Духновского, они за нее поручились. Она знала это, несмотря на то что гордость не позволяла ей громко признаться себе в этом. Делай хорошо или не делай ничего. Это был принцип, которого она придерживалась. Однако жизнь расставляет все по местам. Мечты мечтами, но иногда надо изменить тактику и перераспределить силы. Саша решила, что если что-то пойдет не так и ее не примут на службу, то она не станет рвать на себе волосы.

Практически ничего из того, что она воображала, возвращаясь на родину, – частные заказы, независимость, судебная аналитика, – не выгорело. Если бы не деньги ее семьи, она бы едва сводила концы с концами. В Польше профайлер, не работающий в полиции, не допускается к серьезным делам. Поэтому заказы, которые она получала, лучше или хуже оплачиваемые, были, как правило, слишком тривиальными и не требовали высокой квалификации. Саша чувствовала, что сдувается, профессионально выгорает. Да и, по правде говоря, она скучала по регулярной службе и хотела вернуться. Она поняла это после успеха в деле Староней, так называли в управлении последнее серьезное расследование, в котором она принимала участие и благодаря которому получила шанс на возвращение. Причем речь шла не только об удовольствии от выполняемой работы, адреналине и том факте, что она занималась своим любимым делом. Речь шла о стабильности и спокойствии.

Саше хотелось уверенно встать на ноги. Почувствовать под ними твердую надежную почву и смело смотреть в будущее. Она не винила себя за прошлые ошибки, поскольку никто не идеален. Но ей следовало восстановить репутацию, а это можно сделать только там, где она была потеряна.

- Идем, – сказала она, потушив сигарету. – Ты не увидишь, как я заискиваю. Никогда.
- Никогда – это по поводу моего будущего богатства, а все остальное возможно?
- Достаточно, что я богата, – прозвучал ответ. – И что с того?

* * *

Дух припарковался в неполюженном месте и выложил под лобовое стекло инвалидную карту. Саша скептически наблюдала за происходящим.

- Ты уж носил бы с собой трость хотя бы, – фыркнула она.

– Хватит того, что ты со мной.

– Я не намерена принимать участие в твоих выходках, – парировала она. – Когда-нибудь попадешься.

– Уже участвуешь. – В ответ он сунул ей в руку удостоверение помощника СБР номер 0184/2013. Саша, откровенно веселясь, разглядывала кусок пластика. Документ был стопроцентно фальшивый. Саша не имела отношения ни к одной организации. После возвращения в Польшу она даже не вступила в Польское общество криминалистов.

– Где ты взял мою фотографию?

– В базе данных, – соврал Дух.

– Надеюсь, что в этой базе есть и твоя ДНК.

– Даже в нескольких разных версиях.

Она рассмеялась и смотрела ему в глаза до тех пор, пока он не решился дать честный ответ.

– Ну конечно же из поданных тобой документов. Секретарша отсканировала и сделала удостоверение. Все легально. Почти.

– Почти спасибо. – Она бросила корочку в сумку. – Пригодится на парковке.

Они стояли на переходе. Движения почти не было, и Саша дернулась, пытаясь перебежать на красный свет, но Дух схватил ее за предплечье и заставил дожидаться зеленого сигнала.

– Какой законопослушный гражданин! Даже не верится.

– Надо же блюсти хоть какие-то принципы.

– Хотя бы один.

– Один я блюду. Я неисправимо моногамен.

Загорелся зеленый.

* * *

Суббота была днем свиданий, поэтому перед воротами гданьского СИЗО на улице Курковой собралась толпа женщин с коробками, по всем правилам обвязанными веревкой, и нарядно одетых детей. Сегодня у Саши и Духа было два дела. У каждого свое. Духновский шел к информатору в мужское отделение, а Залусская – в женское. Неделю назад в Гданьск перевели Мажену Козьминскую, псевдоним Оса, одну из самых известных польских женщин-убийц. Саша решила воспользоваться случаем и еще раз попытаться поговорить с осужденной. Во время отбывания наказания в другом городе та трижды отказала профайлеру в разговоре. Сейчас ей предстояло давать показания на процессе бывшего подельника. Саша предполагала, что Оса будет в бешенстве, потому что Рафала Громека, псевдоним Электрик, уже выпускают из тюрьмы на регулярные побывки, а вскоре состоится судебное заседание по поводу пересмотра его дела. Было похоже, что у Электрика реальные шансы на условно-досрочное освобождение. Он женился в тюрьме и даже обзавелся отпрыском. Ему было куда и к кому возвращаться, а ожидающее по ту сторону решетки семейство добавляло немало дополнительных баллов к положительному криминалистическому прогнозу.

Что касается Мажены, то ей не светила даже замена строгого режима на общий. Она по-прежнему оставалась одной из самых опасных польских заключенных. Саша хотела воспользоваться этим фактом и уговорить ее принять участие в исследовательском проекте. Докторская Саши была уже почти готова. Профессор Том Абраме не скрывал, что очень доволен результатами, но если бы она добавила к коллекции еще один редкий экспонат, то можно было бы рассчитывать на грант. Саша предпочитала быть лучше всех.

Они вошли в шлюз – небольшое, оборудованное камерами помещение, в которое запускали не больше трех человек. Ожидающие родственники осужденных сыпали проклятьями, когда Дух и Саша протискивались без очереди.

Теперь они молча сидели на пластиковых скамьях без спинок, ожидая, когда ими наконец займутся. Дух хрустнул костяшками пальцев, хотя знал, что Залусская этого не переносит. Она не позволила себя спровоцировать и повернула голову в его сторону. Дух смотрел на нее, подняв бровь, – он явно что-то замышлял.

– Что? – буркнула она.

Он наклонил голову и, получив толчок локтем в бок, притворился тяжело пострадавшим.

– Говори.

– Ты голодна?

– Ты уже спрашивал. – Она пожала плечами. – Еще не знаю. А что?

– Может быть, сходим потом поедем пиццу... – начал он и запнулся. – Или что-нибудь еще?

– Что-нибудь? – Она фиглярски наклонила голову. – Заискиваешь?

– Ага, – засиял Дух. – И как тебе это?

Саша сглотнула, заморгала глазами, почувствовала, что краснеет, и очень удивилась тому, что совершенно себя не контролирует.

– Как только выйду отсюда, сразу уеду из города, – прошептала она. – Мне надо закончить, подчистить кое-какие дела, прежде чем я плотно займусь работой. Это нужно решить прямо сейчас. Или, если точнее, завтра в десять утра.

– В десять? – повторил Дух, с трудом скрывая разочарование. – Завтра в десять я не подумаю высунуть нос из-под одеяла, так как намерен впервые за последний месяц хорошенько выспаться. У меня удобная кровать, но при этом я настолько занят, что ею пользуется только косоглазый кот, да и то не по назначению.

На этот раз у него не получилось ее рассмешить.

– Каролина полетела с бабушкой на Крит, – продолжала Саша. – Каждый день присылают мне фотографии. Им там хорошо. А я должна захлопнуть дверь. Сейчас или никогда.

Дух теребил ключи от машины. Заметно было, что он поник, видимо приняв ее ответ за очередной «от ворот поворот».

– Это очень личное, – начала она. – Сегодня ночью я должна добраться на другой конец Польши. Хайнувка, на краю Беловежской Пуши. Восемь часов пути. Во всяком случае, так утверждает мой навигатор. Вернусь через два дня. А вот после этого чертова экзамена – с удовольствием. Только без кровати.

Они молча посмотрели друг на друга, а потом одновременно улыбнулись.

– Опять не получилось, – вздохнул Дух, притворяясь разочарованным, но глаза его смеялись.

– Я очень быстро справлюсь, – заверила Залусская.

Духновский протянул в ее сторону свою огромную костистую лапу. Она напряглась, стараясь успокоить учащенное дыхание, но чувствовала, что заливается румянцем до самых кончиков ушей. Он едва дотронулся до нее, а когда убрал руку, она обнаружила на своей ладони потертую «беретту» калибра 9,5, ту самую, из тира. Залусская потеряла дар речи.

– Не украл, не бойся, – хихикнул Дух.

Саша подумала, что этот сорокапятилетний мужик во многом походит на хулиганистого мальчишку. Раньше она не видела в нем ни тени обаяния. Неужели он мог настолько измениться? Или это, скорее, с ней произошла метаморфоза?

– Пистолет принадлежал моему отцу. Семейная реликвия, – пояснил он. – Вот, принес тебе.

– Я не ношу с собой оружия, – неуверенно запротестовала Саша. – Нет необходимости.

Дух ожидал иной реакции и был явно озадачен отсутствием восторга с ее стороны.

– Поупражняешься в лесу перед экзаменом. Или как?

– Или как.

– Это подарок, – отрезал он. – К прошедшему Рождеству.

– А разрешение?

– Уже ждет у меня в столе. – Он подмигнул ей. – Только патронов нет.

– Я все равно очень долго привыкаю. – Саша взвешивала пистолет в руке, после чего положила его на колени и принялась рассматривать. – Когда я купила себе посудомоечную машину, то наблюдала за ней две недели, прежде чем включить в первый раз. Это хорошо, что нет патронов. Я пока не буду ей пользоваться.

– Совсем-совсем?

Она растянула губы в улыбке и повторила слова подполковника, пародируя тембр его голоса:

– Почти совсем-совсем.

Тогда Духновский раскрыл вторую ладонь и пересыпал в ее карман горсть патронов, словно это были леденцы.

– Я пошутил. Все-таки во мне дремлет клептоман. – Он наклонился к уху Саши. Она почувствовала запах его одеколона, кожи и сигарет. Голова сразу закружилась, она с трудом пыталась сосредоточиться. Когда он говорил, она чувствовала тепло в области уха. Он почти касался ее. – Следы преступления я затер, спокойно. Нас не догонят.

Саша взорвалась смехом и с трудом воздержалась от того, чтобы не прильнуть всем телом к раскидистому дереву, которым в предыдущем воплощении наверняка был Дух.

– Красавица, – только и смогла выдать она.

– Знаю, – гордо заявил Дух. – Поэтому вы и подходите друг другу.

Оба были смущены. Саша слегка отстранилась и убрала оружие в карман. Они с облегчением вздохнули, когда открылось окошко дежурного и их пригласили к воротам.

Надзиратель выдал им документы, бейджики, а через минуту к нему присоединилась женщина в форме. Представилась майором. К сожалению, Залусская не расслышала фамилию, так как была слишком ошеломлена поведением Духа. Он явно флиртовал с ней, и хуже того, это доставляло ей удовольствие. Склонив голову, она пыталась взять себя в руки.

Начальница охраны дамской тюрьмы была в белоснежных чулках, а волосы ее были уложены в стиле актрисы, играющей немку в комедийном сериале «Алло, алло». Саша без труда представила себе ее в латексном костюме и с плеткой в руках. Мысленно она тут же окрестила ее Хельгой. Имя подходило идеально. Видимо, когда-то она была похожа на нордическую королеву. А теперь округлилась и от былой царственности осталась исключительно дисциплина, которую она старательно направляла на каждого встречного и поперечного. Сейчас она методично вытаскивала пластиковые контейнеры и расставляла их на столе перед Духом и Сашей.

– Оружие, зажигалки, мобильные телефоны.

Залусская положила в контейнер «беретту», а потом осторожно пересыпала патроны. Дух тоже сдал служебный пистолет. Надзиратель мужского отделения был менее придирчивым, или, возможно, осужденный, к которому шел Духновский, был менее опасным, ибо у Саши отобрали даже пилку для ногтей и пластырь. Провожатый Духа лениво указал на ковбойскую пряжку на поясе подполковника, но, как ни странно, не потребовал ее снять, а пригласил пройти к решетчатой двери. Тем временем Хельга сунула нос в каждую деталь гардероба Саши.

Дух уже почти исчез из вида вместе с сопровождением, когда надзирательница тщательно анализировала содержимое подошвы Сашиных ботинок.

– Там нет тайных ножей, – пожаловалась профайлер, но послушно сняла обувь и положила на сканер.

– Попробуй только опоздать! – крикнул Дух на прощание. – Понедельник, восемь утра. Следующая форточка откроется не раньше осени. Но все будет хорошо. После обеда отпразднуем возвращение в лоно семьи, если я не пожалею о том, что не умер в воскресенье, потому

что Валигура устраивает именины и объявил, что предполагает по полкило «Духа Пуши» и «Потухшего Экрана» на рыло. Ты обещала.

– Посмотрим. – Саша пошевелила пальцами ног. Она все еще стояла босиком, а чистота тюремного пола не восхитила бы инспектора санэпидстанции. Она повернулась к Хельге и попыталась пошутить: – Я же иду не к Ганнибалу Лектеру?

– Именно что так, моя дорогая, – отчеканила Хельга, не прерывая осмотра сумки. Она остановила картинку, так как заметила некий острый предмет. По приказу надзирательницы Саша вынула брелок для ключей. Показала. Хельга практически вырвала его из рук профайлера, осмотрела с каждой стороны, как будто в него мог быть встроен складной пистолет, после чего поместила его в контейнер.

– Алкоголь, наркотики?

Залусская лишь иронично усмехнулась. Но Хельга не умела считывать эмоции с лиц и вела себя как робот. Сейчас она отстегнула ремешок от сумки и, обернув его вокруг запястий, проверила эффективность в качестве орудия удушения. Саша услышала, как металлическая пряжка звякнула о дно контейнера. С этого момента ее перестало что-либо удивлять. Она объехала все польские тюрьмы, в которых отбывали наказание жестокие убийцы, но такой проверки не проходила нигде. Даже когда Хельга вынула дезодорант, открыла, дважды брызнула им в воздух и скривилась, так как ей не понравился запах, Саша стояла, замерев, и не моргая смотрела на надзирательницу, как на неприступную крепость.

– А это? – указала та на длинный заостренный предмет.

– Обыкновенный карандаш. Поломанный, если это имеет значение.

– С этим уж точно не впуссу, – буркнула Хельга.

Карандаш отправился в депозитный контейнер. А за ним по очереди: зажигалка, изолянта, жвачки и блокнот.

– Блокнот? – не выдержала Залусская. – Это уже все-таки перебор.

Хельга указала на лежащие в депозите предметы и совершенно серьезно пояснила:

– Ремешок: попытка удушения сокамерницы. Зажигалка, дезодорант, изолянта, жвачка – из этого она сделала огнемёт. Моя сменщица до сих пор на больничном. Карандаш, блокнот: попытка лишить зрения.

Развеселившаяся Саша взяла карандаш и жестом показала удар в глаз.

– Так, что ли?

Хельга заточила карандаш, растерла грифель в блокноте, стряхнула лишнее и жестом показала, будто втирает грифель себе в глаз.

– Тринадцать человек с тех пор, как ее привезли сюда, – заявила она. – Никто не хочет с ней сидеть. Носится по камере, устраивает спектакли и вдруг неожиданно нападает. Все равно на кого. – Она провела пальцем по горлу.

Улыбка застыла на лице Саши.

– Она ведь сидит уже несколько лет, и вроде бы жалоб на нее не поступало. Я чуть не встретила с ней в Грудзёндзе.

Хельга лишь пожала плечами. На ее лице появилась жалостливая гримаса, которая, видимо, должна была быть улыбкой.

– Войти с вами?

– Спасибо, я справлюсь.

– Прикажу доставить ее в комнату для опасных, – решила Хельга.

Она взяла контейнер, но, передумав, забрала еще и сумку, вернув Залусской только ботинки. Пока Саша обувалась, раздался сигнал по рации. Надзирательница тут же назвала координаты своего местонахождения.

– Несчастный случай в швейном цеху, – прозвучало из динамика. – Начальник отдела П-2 вызывается к выходу двадцать три. Есть раненые.

– Я отведу гостью и приму их там.
Обе женщины двинулись к выходу.

В конце длинного, без окон, коридора виднелась лестница, а дальше переход в следующее здание. Там они остановились. Доносились крики толпы разъяренных женщин. Хельга ввела цифровой код на пульте у двери. Решетка открылась, но они продолжали стоять на месте. Ждали. Вдруг прямо к ногам Саши упал окурок. Залусская подняла его и, не обращая внимания на укоризненный взгляд надзирательницы, потушила о стену и положила на парапет. Подняв голову, на верхних ступенях лестницы она увидела группу женщин. Они были разного возраста, телосложения и уровня привлекательности. Некоторые с бинтовыми повязками.

– Вот мои красотки, – заботливо доложила Хельга.

Саша окинула осужденных коротким взглядом. Они же всматривались в нее, словно быки, готовые броситься на красную тряпку. Одна из них, самая младшая и красивая, протяжно присвистнула, что было воспринято как сигнал к атаке. И, несмотря на то что несоблюдающая субординацию заключенная тут же получила дубинкой по спине, из второго ряда долетело издевательское хихиканье, а с дальнего фланга – стоны. На первый план выдвинулась массивная, взлохмаченная и потная персона, которую трудно было принять за представительницу прекрасного пола. Зато ей идеально подошла бы роль Соловья-разбойника, причем безо всякого грима. Предплечье ее было забинтовано. Рана, по всей видимости, была свежей, поскольку бинт промок насквозь, и по руке заключенной, до самого локтя, стекала тонкая струйка крови. Женщина не обращала внимания на эту деталь. Сложив руки за головой, она закатила глаза, после чего принялась недвусмысленно вертеть бедрами.

– Жанет, не надо выступлений. – Надзирательница приложила дубинку к ее подбородку. – Это ни на кого не производит впечатления.

Соловей-разбойник послушно отступила на шаг. Тем временем сверху спускались остальные женщины. Они уже не помещались на лестнице, поэтому Хельга приказала им, чтобы первые ряды продвинулись в том направлении, где стояли она и Залусская. Через минуту вокруг Саши совсем не осталось свободного места. Заключенные заполнили весь проход. Профайлер слышала, как они перешептываются. Некоторые без стеснения показывали на нее пальцем. Только шестерки, находящиеся на низших ступенях иерархии, стояли без движения, и на их апатичных физиономиях не отражалось ни единой эмоции.

– Красивая, – прозвучало откуда-то сзади. – Берем ее к себе на зону.

Саша старалась игнорировать комментарии, хотя это было непросто. Она знала, что женщины провоцируют ее от скуки и на самом деле им ничего от нее не нужно. Но когда одна из них едва не схватила ее за пах, Саша резко увернулась и на лице ее отобразился страх. Именно этой цели и служила провокация, потому что вместо одобрения прозвучал дикий гогот. Возле Саши опять возникла гладиаторша с повязкой.

– Смотри, принцесса. – Жанет примирительно усмехнулась. Только сейчас Саша смогла оценить, насколько та огромна. Ростом она была около двух метров, выше Саши на две головы. Гигантша театрально сорвала пластырь и продемонстрировала собственноручно нанесенное увечье. – Выходной нам дать не хотели, суки.

Спасла Залусскую надзирательница, ведущая заключенных из швейного цеха.

– Достаточно, Жанет, – сказала она устало. – Вернись в строй.

Потом она подошла к Хельге, подписала документ и дальше уже «белоногая» вывела толпу женщин во внутренний двор. Ее кудри подпрыгивали в ритме марша. Под командованием Хельги ни одна из подопечных не решилась даже пикнуть. Но Саше еще долго казалось, что она слышит их шепот. Вторая надзирательница была посимпатичнее, даже улыбалась. Еще раз обыскав Сашу, она ввела ее в маленькое помещение, из-за прозрачных стен напоминающее аквариум.

По другую сторону кубика из оргстекла уже ждала Мажена Козьминская, с которой так долго и безуспешно пыталась встретиться Саша. На первый взгляд, она совершенно не была похожа на опасную преступницу. Такие особы встречаются в банках, на почте. Их полно в центрах занятости, на парковых аллеях, когда они одновременно курят, говорят по телефону и толкают коляски с детьми. Определить ее возраст непросто. Эдакая не слишком ухоженная тетя, бабушка, мама. Она подошла бы на любую из этих ролей. И наверное, ей случалось их играть. Стройная. Пропорционально сложенная шатенка. Лицо совсем не выразительное, если бы не легкое косоглазие, которое только придавало привлекательности. На носу дешевые очки, с заклеенной изолентой дужкой. Стрижка каре. Поношенные шлепанцы, поверх белоснежных, хоть и ветхих носков. Штанины оранжевой униформы для особо опасных преступников, подвернутые до колен, демонстрировали худые, белые как молоко, гладкие ноги.

Саша не узнала бы убийцу, если бы встретила ее на улице. Тетенька по ту сторону стекла совершенно не была похожа на ту блондинку неблагополучного вида, которую Залусская запомнила по снимкам из оперативных материалов после ареста за убийство варшавского выпускника. Но это была она. Мозг банды. Оса. Первая и до сих пор единственная в Польше женщина, осужденная пожизненно без возможности условного освобождения через тридцать лет. Ее образование закончилось восьмью классами, но во время психологического обследования, выяснилось, что IQ Козьминской составляет 178. Если бы она продолжила учебу, то без труда окончила бы вуз. Она была отличным стратегом, обладала коммуникативными способностями и лидерскими качествами. Диагностированная психопатка. Андрогинный тип, каких полно сейчас на менеджерских должностях в крупных компаниях.

Но, к сожалению, Мажена происходила из неблагополучной семьи, с раннего детства сталкивалась с агрессией и другой жизни не знала. Оса жила за счет преступлений, пока ее не задержали. Сама она ни разу не взяла в руки орудие убийства. Не нанесла ни одного удара. Не участвовала в убийствах, за пытками же наблюдала как зритель. Обычно она стояла в стороне, тщательно контролируя процесс. Следила, чтобы мокрая работа была выполнена согласно ее плану. Исполнителями убийств, как правило, были актуальные любовники Осы, либо те, кто рассчитывал на ее благосклонность. Как она их соблазняла при своей красоте, а точнее, ее отсутствии, до сих пор остается тайной. В течение долгих лет она была слишком хитра, чтобы позволить поймать себя. Оперативники утверждали, что у нее на счету множество серьезных преступлений, хотя доказать удалось лишь одно. Она так ни в чем и не призналась.

– Я не согласна, – вместо приветствия произнесла Мажена и широко улыбнулась, демонстрируя отсутствие одного зуба.

Саша села на табуретку. Не зная, куда деть руки, она сунула их в карманы куртки. В заднем кармане джинсов она чувствовала выпирающую пачку сигарет R1. Она вынула ее и переложила в нагрудный карман. Надзирательница забрала у нее зажигалку, но в этом помещении все равно нельзя было курить. Камера бдительно наблюдала за ними.

– С чем? – Залусская не собиралась быть слишком вежливой, она слегка нервничала, из-за чего чувствовала мурашки на затылке.

Она пришла сюда не затем, чтобы о чем-то просить, а лишь хотела раздражить заключенную. Разогнать обманчивое спокойствие и хотя бы на минуту сорвать маску Осы. А потом, возможно, подвернется случай, чтобы применить другую стратегию. Сначала ей нужно было удостовериться, что стоит ломать копыя.

– Ни с чем не согласна, – прозвучало из-за стекла. – Я невиновна.

– Значит, мы обе теряем время? – Саша вынула руки из карманов и заметила черную полосу на запястье. Оттерев ее дочиста, она указала на кубик из бронированного оргстекла, который их разделял. – И почему тогда ты находишься вот в этом?

Мажена гордо вздернула подбородок. Когда она начала говорить, Саша почувствовала контролируемую мягкость. Люди этого типа ничего не делают просто так. Профайлер убедилась, что тон разговора был выбран правильно. У Козьминской было к ней дело.

– Ты обследовала Шимону, – заявила заключенная. – Это моя хорошая знакомая, сокамерница.

– Интересный объект.

– Сколько платишь?

Саша покачала головой.

– Но кофе и сигареты тебе куплю. Или фильмы, а может, книги. Не знаю, что тебе нужно.

Я научный работник.

– Бреешь. – Саша напряглась. – Ты легавая. Я чувствую.

– Это имеет значение?

Мажена уселась поудобнее. Расстегнула униформу. Под оранжевой робой была поддета зеленая майка с вышитыми люрексом цветочками, облегаяющая большую красивую грудь. Может, это и был тот самый манок. Декольте демонстрировало след, оставшийся от попытки суицида. Рана плохо заживала и выглядела отвратительно.

– Ты обманула девочек. Они недовольны, потому что не хотели говорить с легавыми.

– Тогда была другая ситуация, – начала Саша, но передумала. Она не обязана отчитываться перед Осой.

– Меня устраивает.

Козьминская вытаскила из кармана помятую фотографию и прислонила ее к стеклу. На фотографии были две молодые женщины: красивая и некрасивая. Обе стройные, загорелые, улыбающиеся. Их обнимал мужчина с золотой «омегой» или неплохой подделкой на руке. Видный, но уже немолодой. На столе перед ними красовались русское «Игростое», хрустальные бокалы, а также газета с недоеденной скумбрией.

– Это я. – Мажена указала на некрасивую. Потом передвинула палец на красавицу. – А это Моника. Но на работе все знали ее как Йовиту. Моника Закревская. Была да сплыла. Кумекаешь?

Саша просматривала дело преступницы и без труда догадалась, кто эта красотка с фотографии. Они вместе с Маженой занимались эскорт-услугами в Варшаве. Считались подругами. В одно прекрасное воскресенье девушка села вместе с ребенком в белый «мерседес» модели «Очкарик», который подъехал к дому ее матери, и пропала без следа. Через несколько лет, во время расследования убийства варшавского школьника, дело о ее исчезновении всплыло вновь. Один из компаньонов Мажены пошел на сотрудничество со следственными органами в обмен на смягчение наказания. Согласно его свидетельствам, Козьминская заказала убийство подруги из-за того, что та якобы отбила у нее парня. Тело Закревской до сих пор не найдено.

– А это кто? – Залусская указала на недоделанного Пирса Броснана на снимке.

– Не знаю, как его зовут, но голову даю на отсечение, что он в курсе, кто убрал Моникку. Я хочу, чтобы ты нашла этого клиента и передала привет от меня.

Повисла тишина.

– Над этим делом работали три группы, – начала после паузы Залусская. – Как я могу это сделать по истечении стольких лет?

– Ты легавая. Ты поможешь мне, а я дам тебе материал на Нобелевскую премию или что там раздают психиатрам.

Саша встала.

– Этот номер не пройдет. Тем более я – психолог, а это большая разница.

В течение какого-то времени на лице Мажены рисовалось разочарование, которое спустя несколько секунд сменилось злостью.

– Мне известны вещи, о которых я не пискнула нигде и никому, – взорвалась она и ударила себя по ногам. Потом принялась тараторить, повысив голос: – Тогда у меня не было этой фотки. Я купила ее кое у кого на воле за кучу бабок, при том что работаю швеей. Мне платят восемьдесят грошей за штуку. Бабла едва хватает на курево и прокладки. То есть работала, пока меня не вышвырнули. Сейчас выживаюсь, потому что терять больше нечего. За себя я не переживаю, могу и сдохнуть, все равно не выйду отсюда. Но у меня дети. Они живы. Там, за забором. Старая Закревская, мамаша Моники, издевается над ними, изводит, а я ничего не могу с этим сделать. Я хочу, чтобы она отвалила от моих детей, потому что я эту суку не убивала, хотя у меня была куча возможностей это сделать.

Саша подняла ладонь. Мажена прервала словесный поток. Повисла пауза.

– Я помогу тебе до него добраться, – доверительно пообещала преступница.

– Почему тебе это так нужно?

– Потому что я невиновна. – Мажена снова овладела собой, опять стала равнодушной. – Как раз с этим я не имею ничего общего. Можем поговорить о чем-нибудь другом. Но это не я, а меня приговорили за ее похищение и убийство.

Саша опять села.

– Перестань рассказывать байки, тогда, возможно, я соглашусь. – Она улыбнулась. – В чем, собственно, дело?

Мажена размышляла, сказать правду или продолжать косить под законопослушную.

– Я не рассчитываю на справедливость, – решила она наконец. – Я просто хочу, чтобы он меня навестил. Пусть узнает, что у меня есть эта фотка и что я хочу поговорить. Тогда придет.

Саша сосредоточилась, не веря собственным ушам. Казалось, что Оса начинает говорить честно.

– Я должна быть гонцом?

Оса пожала плечами.

– Это ведь не так много взамен на исповедь чудовища.

– Пустой треп, – бросила Саша. – Какие у меня гарантии, что ты поможешь мне с материалами?

– Никаких, – прямо призналась Оса. – Я обычно не даю расписок. Но могу дать честное слово.

Профайлер тихо засмеялась, что сильно задело заключенную.

– Я никогда не обещаю того, чего не могу выполнить. У меня есть свой кодекс.

– Не сомневаюсь. – Саша кивнула. – Но вот как-то не доверяю я тебе, не верю. И думаю, что это вряд ли изменится.

Мажена глубоко вздохнула и начала говорить:

– Слушай, женщина, потому что я не стану повторять. Ты его не найдешь? Я придумаю другой способ. Ты не единственная, кто хочет распотрошить меня, вынуть душу и заработать на этом.

– Я занимаюсь этим не ради денег, – возразила Саша.

– Неужели? – Оса наклонила голову, как ловкая кошка, рассчитывающая получить рыбку. – А слава и почет? Гранты? Похлопывание по плечу? Не говори мне, что докторская не повлияет на твои заработки, независимо от того, кто тебе платит. Нет ничего, что делает человека более свободным, чем бабло. Если ты богат, то имеешь право быть придурком, хамом или убийцей. И пусть кто-нибудь попробует этому помешать.

– Так почему бы тебе не продать свою историю? Напиши книгу, согласишься на съемки фильма. В Польше хватает издателей без тормозов. Тебе выделят борзописца с такой же финансовой философией, как у тебя, и он станет твоим диктофоном. Твоя фамилия на обложке будет крупнее, чем его, но его это устроит. Книга сразу же станет бестселлером. Только помни, что

главное – это правильное название. Например: «Кровавая королева нарушает молчание». Есть шанс снова стать знаменитой, – издевалась Залусская.

Однако Мажена не обратила внимания на иронию, приняв издевку за добрый совет.

– Не исключено, что я так и сделаю, – сказала она уже спокойнее и начала исповедь: – Не было и недели, чтобы ко мне не приходили «телевизоры». До сих пор никто не предложил нормальной суммы. А тут ты подвернулась, у нас общий бизнес, поэтому я подумала, что, может, и сторгуемся. Цена не завышена. И все, что я говорю, – правда. Твою мать, хотела бы я, чтобы было по-другому, но нет. Мне наплевать, кто прибил Йовиту и кому за это в конце концов отрыгнется. Бабки мне нужны на то, чтобы заплатить матери Йовиты. Спокойствие можно купить. Можно, если есть кэш. – Она прервалась и смерила Сашу взглядом. Потом вытянула в сторону профайлера указательный палец с коротко остриженным и чистеньким ногтем. – У тебя есть дети?

Саша с неохотой подтвердила, понимая, что сейчас начнется жалостливое шоу, но рассчитывала на то, что ей удастся отсеять балаган от правды.

– Моя старшая дочь беременна, скоро я стану бабушкой. Как только соседи узнали об этом, начали гнобить детей. Словно они виноваты в том, что это я их родила. Не повезло, факт. Жизнь непростая штука. Но я не позволю испортить им «лайф», как испортила свою собственную.

Саше стало жаль Мажену. Теперь она смотрела на нее не как на психопатку, а как на отчаявшуюся мать. Запертую в клетке женщину, которая как дикий зверь нападает, потому что никогда не знала доброты, и пытается выжить, как умеет. Козьминская была бы отличным материалом для отдельной научной работы. У нее были слабые точки, и Залусская намеревалась до них добраться.

– Я подумаю, – бросила она.

Мажена покачала головой.

– Ты мне не веришь.

– А на что ты рассчитывала? – засмеялась Саша. – Тюрьмы полны невиновных.

Козьминская была неплохой актрисой. На ее лице проступила откровенная горечь, а голос дрожал.

– Но я правда ее не убивала. Это был показательный процесс. Похищение мне припаяли на волне процесса по делу выпускника. Да, я подъезжала за ней к дому, но не пришила ее. Несмотря на это, я не подавала на апелляцию, не было бабла на адвоката. А теперь уже – «сушите веники».

– Ты просишь о невозможном. – Саша расстегнула куртку. Сигареты упали на пол. Она поймала взгляд Козьминской, та пожирала пачку глазами. Саша вынула сигарету, боковым зрением наблюдая за реакцией собеседницы, немного поиграла ею и сунула назад в пачку. Потом сказала: – Некоторые дела навсегда остаются нераскрытыми. Ты сама это сказала. Нет тела – нет дела. А я не ясновидящая. Ты даже не знаешь фамилию этого мужика или не хочешь сказать. И как он связан с ней. И с тобой.

– Если бы меня выпустили, я бы нашла эту сволочь. Он знает. Возможно, сам это и сделал.

Мажена опять ушла в себя. От расстроенной матери не осталось и следа. Перед Сашей опять была Оса.

– Откуда у тебя эта фотография? – спросила Саша. – Кто продал тебе ее? Фамилия.

Козьминская не соблаговолила ответить. На оборотной стороне снимка она записала номер дела и просунула фотографию в щель под стеклом.

– Почитай, – спокойно попросила она. – Ты вернешься. Я потерплю. Но мои дети не могут ждать. Сделай хоть что-нибудь, если можешь.

Саша подняла фотографию. Номер дела было легко запомнить. Дело попало в суд в 2001 году. Профайлер перевернула снимок и присмотрелась к троице. Брюнету, сидящему в центре,

было хорошо за сорок, но он принадлежал к тому редкому типу мужчин, которые даже в драной майке выглядят привлекательно. Моника липла к нему. Он, однако, поглядывал на Мажену, а точнее на ее богатое декольте. Мажена не была красавицей, но обладала харизмой, как испанские дурнушки в фильмах Альмодовара, и на фото это было очень хорошо видно. Как и то, что в ее глазах саламандры таились острия стилетов. Эти двое не доверяли друг другу, но все-таки нечто их объединяло. Намного большее, чем потаскуна с пропавшей красоткой. Моника была доверчивой и прелестной. Идеальная добыча для двух хищников. Залусская вспомнила старую поговорку: три человека смогут сохранить тайну, если двое из них покойники. Что за тайна объединила этих троих? Саша совсем не была уверена в том, что хочет это узнать.

– Не потеряй, – предупредила Мажена. – У меня нет копии. Мы называли его Очкариком, потому что у него был «мерседес-очкарик». Класс Е, модель W210. Белый, как свадебный лимузин. Мужик то появлялся, то пропадал. Иногда его не было по несколько месяцев. А потом вдруг припирался по несколько раз в неделю, словно припадочный. В те времена мало у кого были такие машины. Наши клиенты приезжали на «фиатах-малышах» или имели собственный трамвай, который останавливался прямо у их подъезда. Мы не выезжали по вызову. Саша задумалась. Если Мажена говорит правду, то она отдала ей единственный след, что у нее был. Блефует? Чего она хочет на самом деле? Теперь Саша была уверена, что заключенная согласится на исследования. Но все-таки надо бросить ей какую-нибудь приманку, а то передумает и закроется. Надо просмотреть дело, почему бы и нет. Это вполне может быть интересно.

– Я ничего не обещаю. – Саша встала.

Мажена пожала плечами. Своей цели она добилась. Удочка закинута. Попадет ли рыбка? Твердой уверенности нет, но надо чувствовать, когда леска настолько натянута, что время ее чуть-чуть отпустить. Этот момент как раз наступил. Для бизнеса нет ничего хуже, чем перестараться на первых переговорах.

– Оставишь мне несколько сигарет? У меня не заберут. Уговор с начальницей.

Саша показала ей полупустую пачку. Щель под стеклом была слишком узкой, чтобы коробка могла протиснуться в нее, поэтому Саша вытащила все сигареты, слегка сплющила их и просунула тем же путем, каким Мажена передала фотографию. Одна рассыпалась в процессе «операции». Оса зыркнула в глаз камеры, после чего тщательно собрала рассыпавшийся табак весь до последней крошки.

– Как ты поняла, что я из полиции? – спросила, уходя, Залусская.

Мажена, занятая упаковкой добытых сигарет в потайной карман, ответила не сразу:

– У тебя порох на руках.

Саша присмотрелась к тому месту, на котором не так давно была черная полоса. Сейчас от нее не осталось и следа. Мажена неприятно засмеялась.

– Непородистая ты сучка. Хватило удачного блефа.

Саша не поверила ей. Оса не была типом импровизатора.

Она наверняка тщательно изучила досье профайлера перед свиданием, хорошо подготовилась. Надо быть с ней поосторожнее. У Саши еще не было такого интересного объекта для исследований.

* * *

Хайнувка, 2014 год

Портниха опаздывала, а через полчаса в квартире Ивоны Бейнар на улице Химической, 13 начнут собираться женщины, чтобы испечь каравай. Продукты для свадебного пирога в форме сердца, который молодые должны были разделить между гостями перед венчанием, а также шелковые ленты для свадебной косы лежали, как музейные экспонаты, на единственном

столе крохотной двухкомнатной квартиры в рабочем районе, в котором двадцатипятилетняя девушка жила с тремя старшими братьями и матерью. Все это было доставлено посыльным и оплачено женихом Ивоны.

Хлебопечки у Бейнаров никогда не было, но было решено, что, согласно традиции, девичник состоится в доме невесты. Поэтому половину квартиры сейчас занимал огромный электрический духовой шкаф. Такие используются в итальянских ресторанах для выпечки пиццы самых больших размеров. Когда грузчики вносили его, соседи сбежались посмотреть, что за сокровище на этот раз преподнес будущей теще Петр Бондарук. Она увидела разочарование в их глазах, когда оказалось, что это не новый холодильник или хотя бы обогреватель. Зачем жильцу микроскопической квартиры печь таких размеров? Агрегат стоял сейчас между диваном и колченогим столом из ДВП, заслоня новенький телевизор, заботливо укрытый пленкой, чтобы не испачкать его во время замешивания теста.

Выпечка каравая была одним из самых важных ритуалов белорусской свадьбы. Удавшийся каравай гарантировал счастье молодой паре, плодовитость, согласие и достаток. Хотя последнее Ивоне гарантировалось и без каравая. Бондарук был самым влиятельным человеком в городе, а в регионе входил в десятку самых богатых людей, если подсчитать обороты его предприятий и имеющуюся недвижимость. Половина жителей Хайнувки работала на его паркетной фабрике, продукция которой шла исключительно на экспорт, в Германию и во Францию. А месяц тому назад предприниматель начал переговоры с норвежцами. Во всех четырех церквях священники молились за то, чтобы ламинат New Forest Hajnówka выдержал конкуренцию с продукцией икейского монстра. На рынок Великобритании фирма вышла еще до вступления Польши в Евросоюз. В городе не было ни одного человека, который бы не знал, кто такой Бондарук, как и ни одной семьи, которую бы он не кормил. Даже будь он отъявленным грешником, люди все равно встали бы за него стеной, потому что именно благодаря ему, впервые за несколько лет, уровень безработицы в городе упал на два процента. Если бы он только захотел, то мог бы запросто стать мэром.

Ивона осмотрелась. Завтра она сменит эту каморку на просторный дом на улице Пилсудского – самой красивой улице города, обсаженной старыми липами. Всю свою жизнь ей приходилось бороться с братьями за каждый клочок пространства. Благодаря этому она выросла гордой и отважной девушкой. Чаще всего братья выигрывали. Жалобы маме и плач не помогали. Ивона быстро научилась прибегать к хитрости, в том числе пуская в ход свое главное достоинство – обаяние. Умела сыграть на человеческих слабостях и настоять на своем. Божена никогда не была союзницей дочери. Обычно она велела ей слушаться братьев, потому что все трое сыновей приносили домой деньги, и после работы им полагалось отдохнуть, хорошенько поесть и, если надо, напиться с друзьями до полусмерти.

Ни один из троих не работал официально, как, собственно, и большинство жителей микрорайона неподалеку от фабрики, выпускающей скипидар и прочие химикаты для обработки дерева, которая и дала название улице. Братья Бейнары годами находились под опекой местного собеса. По документам все они были инвалидами с разной степенью утраты здоровья. При этом выглядели как беловежские зубры, а в подвале одного из домов организовали боксерский клуб «Ватага». Только младший, Ришард, более известный в городе как Малый Зубр, закончил профессионально-технический колледж, но за токарным станком ни разу не стоял. Владислав и Иреней, также называемые Зубрами (соответственно Старым и Средним), прекратили свое образование на втором курсе «сельхозки», местного учебного заведения, готовящего молодежь для работы в поле. Их вышвырнули оттуда с волчьим билетом после того, как они взорвали шкаф с экзаменационными бланками в кабинете председателя комиссии и тем самым чуть не сожгли школу. Сам председатель чудом уцелел, благодаря тому, что как раз в это время задержался в туалете возле школьной столовой, в которой в тот день подавали картофельные клецки в грибном соусе и тушеную капусту недельной давности. К тому времени, как председатель

выбрался из сортира, пожарные уже успели погасить огонь, банду Зубра повязала полиция, а толпа зевак заметно поредела.

С того памятного дня братья Бейнар никогда уже не опорочили себя посещением какого-либо учебного заведения. Изгнание не сильно их опечалило, так как работа в поле вовсе не входила в их планы. Им необходим был документ для пособия по безработице. Но, как оказалось, в хайнувском центре занятости изменились порядки прежде, чем Зубры успели протрезветь после очередного фестиваля по поводу вечных каникул.

Безуспешные попытки сестры получить высшее образование вызывали у братьев приступы хохота. Тем не менее они обожали ее, как людоед свою зверушку, рискуя заласкать до смерти. Свою любовь Зубры демонстрировали исключительно эффектными боевыми действиями. Например, отправляя в нокаут всех ухажеров сестры и поджигая дома тех, кто осмеливался критиковать ее. В общем, не подпускали никого, кто, по их мнению, не заслуживал благосклонности высокородной польки, исходя из своего непольского происхождения. Из-за этих требований шансов не было как минимум у семидесяти процентов жителей данного региона, поскольку городок был населен почти исключительно польскими белорусами. Чистокровных поляков здесь было как кот наплакал, и семейство Бейнар относилось к их числу.

Патриотизм побуждал Зубров с размахом праздновать все государственные праздники. Флаги, транспаранты и футболки с принтами «отверженных солдат» они делали сами, благодаря наличию природных творческих способностей. Их дед – Григорий Русинюк по прозвищу Макака – играл и «нюхал» в одной известной группе. Приехав в Хайнувку на детокс, здесь и остался, поскольку по окончании терапии пропил обратный билет. Пришлось вернуться в реабилитационный центр. Там он неожиданно открыл в себе талант к «мазне». Каждый его шедевр, не исключая женских портретов, мог бы сойти за его автопортрет. За свои заслуги перед местной культурой за символический один злотый он получил от города муниципальную квартиру на Химической, в которой доживал свой век, пока с диагностированной болезнью Альцгеймера не попал в государственный дом престарелых. Квартиру же заняла его дочь, которой он никогда не интересовался, вместе со своими детьми.

Внешне Зубры были очень похожи на Макаку, что с гордостью подчеркивали, малюя на хайнувских стенах псевдопатриотические граффити. Делали они это так круто, что дед, будь он способен хоть что-то еще понимать, лопнул бы от гордости. Братцев бесило, когда коренные жители Хайнувки не ценили их патриотизма и обзывали фашистами или скинхедами. Как бы то ни было, уже стало традицией, что после футбольных матчей «Ягеллонии» Зубры возвращались домой, задержавшись на сорокавосьмичасовой отдых в обезьяннике за провокацию, драки и рисование свастики на стенах, либо, как минимум, за подстрекательство молодежи к дракам. Ивона не смогла противостоять давлению семьи и в свое время в кожаной куртке либо толстовке с надписью «Героям слава!» ездила вместе с братьями на стрелки, но с тех пор, как влюбилась в белоруса, начала под любыми предлогами избегать польского партизанского движения.

Ивоне принадлежал угол у окна. Узкая кровать, помнившая времена Хайнувской мебельной фабрики, когда та еще была государственной. Ламинированная тумбочка из ДВП и мягкий пуфик в ужасные цветы, в котором Ивона хранила белье. Еще у нее было место для нескольких вешалок в полированном шкафу, который они делили с матерью, и одна книжная полка, под которой девушка повесила театральную афишу Войцеха Томчика «Погибну только я» о Дануте Седзикувне (Инке) из 5-й Вильнюсской бригады², которая была ее кумиром. Метровая полка была заполнена в два ряда исключительно польскими романами: Калицинска, Фицнер-Ого-

² Данута Седзикувна (Инка) – медицинская сестра в Армии крайовой в 1943–1946 гг. Участвовала в борьбе против нацистов, затем против советских властей и коммунистических властей ПНР. В 1946 г. приговорена к смертной казни Министерством общественной безопасности.

новска, Виткевич, Циглер и Зачиньска. Несмотря на то что мать Ивоны упорно выбивала из ее головы концепцию любви, девушка выросла очень романтической. В этих томиках она находила самые удачные диалоги с противоположным полом и заучивала их наизусть. Над страницами книг отработывала Ивона умение строить глазки и томно вздыхать в нужные моменты. Еще на полке уместились все произведения Милошевского, поскольку Ивона в свое время была влюблена в Шацкого³, представляя себе, что у прокурора лицо автора, и одна книга Иоанны Батор. Одна – потому что сестра Зубров не признавала полигамии. Сейчас она решила, что все свое приданое, кроме афиши и книг, с радостью отправит на помойку. С завтрашнего дня этот хлам ей уже не понадобится. Она не заберет с собой ничего, кроме красного чемодана фирмы «Самсонит», купленного, ясное дело, женихом.

Она посмотрела в зеркало, размером с ученическую тетрадь, висящее возле простого деревянного креста, и довольно улыбнулась сама себе. Все говорили, что она никогда не была такой красивой, как сейчас. Даже когда носила брекеты и была влюблена в местного вора Квака, который хоть и не был похож на Шацкого, а уж тем более на актера Венцкевича, зато всегда был одет в брендовые шмотки и ездил на желтом спортивном мотоцикле. Ей казалось, что они будут вместе до гробовой доски, но не прошло и недели со дня помолвки, как Юрку закрыли, а она даже не могла навестить его в тюрьме, так как он находился под следствием. Квак попался во время кражи зарядного устройства в наревской пекарне. В крови его было обнаружено небольшое количество наркотических веществ, а в кармане – ворованный айфон. Довольно быстро установили, что телефон исчез у католического священника, а тот в свою очередь купил его у торговца краденым на местном базаре, называемом Рубль-плац. И, несмотря на то что ущерб был небольшой, общественный резонанс оказался настолько велик, что Юрку посадили на три месяца.

В это время Ивона, тогда еще официантка в «Лесном двореке», ресторане при белорусском музее, познакомилась с Петром Бондаруком, который каждый день приходил туда на обед ровно в час дня. Потом стал появляться и около семи вечера. Занимал столик у окна, раскладывал документы фирмы и, в обществе нескольких рюмок зубровки, холодца либо сельди с луком, оставался до закрытия. Молчал. Только провожал взглядом Ивону, когда она бегала между столиками. А чаевые, которые он оставлял, были больше ее недельного заработка.

После того как его водитель во второй раз подвез Ивону домой, пошли слухи. А спустя неделю она сама дала людям повод для сплетен, приняв приглашение Бондарука пообедать вместе в ее выходной день. Они пошли в «Хайновянку», самый старый ресторан в городе. Когда-то там устраивались новогодние балы и свадьбы местных начальников. Бондарук хорошо помнил те времена, он был тогда ровесником Ивоны. Сегодня это обыкновенная забегаловка с разбавленным пивом, которое и рядом не стояло с бочкой «Дойлид», несмотря на соответствующие наклейки на бокалах. Тем не менее Бондарук чувствовал себя там свободнее, чем в «Лесном двореке», и был по-старосветски обходителен. Расспрашивал, о чем она мечтает, чего хотела бы достичь. Ивона рассказала ему о Кваке, который разбил ей сердце (потому что именно так говорили о любви героини ее книг), а других хотя бы относительно серьезных отношений у нее не было. Она очаровала богача искренностью и верой в добро – как он потом признавался публично. В тот вечер он пригласил ее в кино на фильм о белорусском поэте Якубе Коласе. Она чуть не умерла от скуки, но зато получила в подарок килим, пояс ручной работы, который уже на следующий день матери удалось за несколько сотен загнать на Рубль-плацу иностранным туристам.

Потом люди говорили, что предприниматель потерял голову от «польки Зубров», потому как не прошло и двух месяцев с начала его посиделок в «Лесном двореке», как он встал на колени и вручил Ивоне бархатную коробочку. Ивона никогда не скрывала, что у нее есть обя-

³ Теодор Шацкий – прокурор, главный герой трилогии Зигмунта Милошевского.

зательства в отношении Квака. Поэтому Бондарук объявил, что не намерен влиять на ее решение и торопить с выбором. Она должна хорошо подумать и спокойно все взвесить, заверил соискатель. Но сразу же, словно змей-искуситель, спросил ее о планах на жизнь и предложил весьма привлекательные условия: участок земли под застройку для старшего Зубра, сельскохозяйственную землю для двух других братьев, а также выплату всех долгов матери. О мелочах вроде автомобиля, телевизора, которые он был готов передать им прямо сейчас, поскольку сам имел по несколько экземпляров, даже и говорить не стоило. Был конкретен, спокоен и ничего не требовал взамен. Даже невинного поцелуя.

Казалось, ему можно доверять, поскольку в бизнесе он был очень успешен и по каким-то причинам очередной его инвестицией станет она. Впервые в жизни Ивона чувствовала себя дорогим товаром. Недолго думая, она поняла, что этот союз может решить все ее проблемы. Однако она колебалась целых десять дней. Все-таки это серьезный шаг. Бондарук – белорус, а ее семья чтит патриотические традиции. Семья Бейнар – католики с незапамятных времен. В сенцах их дома висел потрепанный транспарант «Польша для поляков». Почти каждый член семейства Бейнар – кроме Ивоны – имел проблемы с законом за оскорбительные националистические выпады. Ни один из Зубров не примет «кацапа» в лоно семьи.

В первую очередь Ивона сообщила о предложении Бондарука матери. Божену аж в жар бросило, когда она услышала, какая выгода в связи с этим ждет ее детей. За один вечер ей удалось убедить сыновей, чтобы они не чинили препятствий Бондаруку и сестре. Сама же ночью сожгла транспарант в костре за домом. Таким вот образом Ивона приняла решение порвать с Юркой.

Она сообщила ему об этом на свидании, сразу после того, как приговор вошел в силу. Наказание было условным, поэтому на следующий день Квак должен был выйти из тюрьмы. К ее огромному удивлению, новость не произвела на брошенного жениха особого впечатления. Свой подарок, кельтское обручальное кольцо, он тоже не принял назад.

– Это подделка, не продашь, – буркнул он и, высморкавшись в рукав, спросил: – Почему? Или, типа, почему он?

Ивона сказала правду. Такая жизнь не для нее. Ей пришлось бы годами ждать его из тюрьмы, поскольку то, что он туда вернется, – так же точно, как то, что после зимы всегда приходит весна. Жизнь в нищете. Встречи на ветхих автобусных остановках либо в сарае на картофельном поле его матери. Она пообещала, что всегда будет любить только его, а Квак ответил, что понимает ее решение, но простить ее пока не может. Ивона громко плакала, выходя из зала свиданий.

При ней Юрка притворялся крутышом, но потом она узнала, что вечером того же дня он пытался повеситься на двери тюремной кухни. Его откачали и оставили под наблюдением еще на несколько дней. Психологу он объяснил, что его бросила невеста и никакого другого выхода спасти свою честь, кроме харакири, он не видел. Сокамерникам обманутый жених поклялся, что накажет неверную. Как только выйдет на свободу, подожжет дом Бейнаров или фабрику Бондарука. Слух быстро разлетелся во все концы. Полиция следила за ним всю его первую неделю на свободе, но Квак был невинен как младенец. Из дому вышел лишь дважды. Один раз в прокат компьютерных игр и второй – в собес, за пособием. Но даже после окончания наблюдения следственных органов, семейство Бейнар было готово к нападению. На всякий случай они привлекли ребят Игоря Пятницы, бывшего оружейного мастера и предполагаемого шефа местной мафии, чтобы те целыми днями держали вахту у дома на Химической. Квак не появился. Никто даже не слышал поблизости рокота его мотоцикла. Ивона проплакала десять ночей, бросила в костер половину любовных романов со своей книжной полки и уволилась из «Лесного двора». На следующий день она приняла предложение Бондарука.

Однако кольцо, подаренное Кваком, по-прежнему оставалось на ее пальце. Рядом с бриллиантом от Петра, величиной с горошину.

– Это будет мне напоминанием, – говорила она. – Чтобы глупости никогда больше не лезли в голову.

Мать всегда твердила ей о том, что серьезные отношения могут случиться в жизни женщины максимум трижды. Все остальное – ничего не значащие романы и флирты, детали которых частенько путаются в памяти. Союз с первым мужчиной происходит по глупости, со вторым – по расчету, а с третьим – по любви, но это уже, как правило, на закате жизни. Ивона в свои двадцать пять была уже на втором этапе.

Она причесала короткие волосы с челкой а-ля Ума Турман в «Криминальном чтиве», к которым завтра, по случаю свадьбы, парикмахерша приплетет шиньон того же цвета. Черную как смоль косу, толщиной с кулак, скрепленную разноцветными лентами, заказали на Украине. Говорят, что украинские женщины обеспечивают материалом для париков весь Евросоюз. И еще говорят, что волосы цвета «славянский русый» лучше всего поддаются окраске и укладке.

– Волосы так же, как и задницу, продают из-за нищеты, – подытожила Вожена. По молодости ей приходилось заниматься обоими видами коммерции. Кроме того, она добавила, что не понимает, почему ее дочь постоянно стрижет волосы в парикмахерской и еще должна за это платить. О торговле другими частями тела она промолчала, но как только один из сыновей ляпнул что-то о «старом кацапе», за которого должна выйти Ивона, она тут же отправила его за углем.

– Не за что купить. – Владислав развел руками. – Бизнес не идет.

– Так какого черта раскрываешь хлебобрезку? – гаркнула мать. – Когда Ивона выйдет за Бондарука, угля у тебя будет по горло.

Ивона смазала губы вазелином. Макияж не приветствовался. У Петра был пунктик на традиционной красоте и натуральности. Ей было известно, что он белорусский активист, но, видимо, ее происхождение ему не мешало. Была в этом некая странность, но в конце концов она решила, что у ее мужа должны быть хоть какие-то недостатки. Красить глаза было вовсе не обязательно. Шоколадные радужные обложки практически сливались со зрачками, а ее длинным черным ресницам всегда завидовали подружки. Оливковая кожа не нуждалась в нанесении тона. Несмотря на это, она слегка выделила пудрой цвета загара скулы и взглянула на вышитый свадебный наряд, который был размера на три больше, чем нужно. Наряд ей не нравился, но она приняла условия игры. Это лишь униформа.

Юбка была с запахом, благодаря чему ее можно было дважды обернуть вокруг талии. Блузка, по идее, должна быть по фигуре, но пока больше походила на плащ-палатку. Вышитый белый мешок длиной до колен с жестким воротником-стойкой скрывал все атрибуты женственности. Рукава требовалось укоротить как минимум наполовину, потому что Ивона была очень миниатюрной и запросто могла бы одеваться в детских магазинах. Даже в прокате Музея белорусской культуры не удалось найти ничего подходящего ей по размеру. Поэтому она согласилась на переделку костюма, подаренного Петром. Наряд, говорят, был приготовлен для его любимой и много лет в сундуке ждал своего часа. Ивона не хотела знать, кому он когда-то предназначался и почему свадьба не состоялась. Потому что ее будущий муж, отец трех взрослых сыновей, которые сами уже были родителями, в свои шестьдесят шесть лет впервые собирался под венец. Ивоне надо бы гордиться этим, но чувства ее были совершенно противоположными.

Хлопнула дверь. Девушка прошла в темную прихожую. К сожалению, вместо портнихи в дверях она увидела своих подруг, с наушниками в ушах. Звук был настолько громким, что Ивона догадалась, что подружки дергаются под песню «Она танцует для меня». Обе обтянуты узкими топами оттенка «вырви глаз». Туники модели «ламбада», купленные в одной и той же палатке на Рубль-плацу, едва закрывали ягодицы. В дополнение к этому леопардовые либо змеиные легинсы и высокие каблуки. До недавнего времени Ивона тоже так одевалась. Только вот в отличие от Анки, длинной как жираф, или кругленькой Каси ей было что показать. Главным ее достоинством были ноги, и Ивона знала об этом. К сожалению, в национальном костюме,

который ей предстоит завтра надеть, никто этого не заметит. Даже Наталья Водянова походила бы в нем на русскую матрешку.

Ивона надеялась, что после свадьбы она опять сможет одеваться, как захочет. Петр обещал ей независимость и право выбора: получение высшего образования, работа в его фирме либо собственный бизнес, если будет желание. Или же просто ничем не заниматься. Именно этот вариант выбрали бы ее подружки. Но Ивона не собиралась бездельничать. Она хотела изучать языки, путешествовать, узнавать другие культуры. Вести блог, а может быть, даже собственную программу на местном телевидении. Никому, кроме Петра, она об этом не говорила. Владельцем телеканала был приятель Петра, поэтому жених обещал помочь в финансировании как ее образования, так и путешествий. Она верила ему. Было лишь одно условие. Ей следовало быть лояльной, понимающей. Не обязательно верной. Что конкретно он имел в виду, она пока не понимала, но будущий муж обещал все объяснить сразу после свадьбы, когда на их пальцах уже будут красоваться обручальные кольца и поп хорошенько окропит их святой водой из освященного колодца.

– Свадьба должна пройти гладко, – заявила мать Ивоне и перевела взгляд на сыночков, грозя им пальцем, как в детском саду. – Смотрите мне, чтобы без фокусов! А то спугнем жениха. Надеюсь, можно не объяснять, что мы все заинтересованы в успехе дела.

Зубры пообещали, что обеспечат сестре надежную охрану, даже если в их городок вдруг явится отряд вооруженных до зубов командос.

– Наверное, ужасно полнит? – сказала Кася, рассматривая длинную плиссированную юбку. Приложила к себе и засмеялась. Действительно, наряд не убавлял ей килограммов, тем не менее то, в чем она пришла, тоже не превращало ее в модель, хотя именно в этом Кася была уверена на все сто процентов. Ивона про себя подумала, что подружка права, но, не подавая вида, лишь передернула плечами.

– И что, у тебя не будет «безе» из множества тюля и шифона? И фаты? – разочарованно пролепетала вторая подружка, Аня, потряхивая разноцветными лентами для венка, словно разгоняла ими мух. А потом взглянула на Ивону с искренним сочувствием: – Тебе не жаль?

Ивона тяжело вздохнула. Что она могла ответить? Это был ее второй этап. Подружки же по-прежнему пребывали на первом. Их парни, как и большинство хайнуйской молодежи, работали в Ирландии. Приезжали два раза в году и почти не выпускали Аню и Касю из постели. Всегда, после Рождества и Пасхи, девушки ездили в Белосток за abortивными таблетками, потому что – как они утверждали – это было проще и дешевле, чем бессмысленно травиться контрацептивами в течение целого года. Они надеялись на то, что их парни, разбогатевав, вернуться насовсем. Мечтали о свадьбах, белых платьях и новых шикарных авто, на которых они будут разъезжать по городу. Ивона считала, что все будет совсем по-другому. Ребята не вернуться совсем, потому что найдут себе новых девушек, либо, что еще правдоподобнее, окажутся в тюрьме за контрабанду или финансовые махинации. Она не верила в сказки о том, что они пашут на стройке. Ее божественный любимый Квачок, как она называла его в апогее их романа, тоже рассказывал волшебные сказки. А о том, что происходило на самом деле, она узнала в тюремном зале ожидания. Во второй раз Ивона не даст себя обмануть.

В окно она увидела мать. Как ни странно, без постоянной сигареты во рту. Это слегка обеспокоило Ивону. Вожена направлялась к дому уверенным шагом, держа под руку пожилую женщину в платке. Портниху посоветовал Петр и попросил уважительно к ней относиться.

– Алла – моя кума, – предупредил. – Почти родственница.

Почти, потому что большинство его настоящих родственников были уже мертвы либо обустроивали собственные могилы, как ровесники Ивоны новые дома.

– Еще и такой старый, – прошипела Аня Касе. – Он мог бы быть моим дедом.

– Или прадедом. Моему деду еще далеко до шестидесяти, – заявила Кася гораздо громче. И вдруг бросила юбку с отвращением. – Ты видела? На ней личинки моли!

– Так не трогай! – Ивона раздавила пальцами насекомое и положила юбку на место, после чего повернулась к подруге и заявила: – Я все слышала. Да, он старый, но очень хорошо ко мне относится.

– А как ты будешь с ним целоваться? У него усы!

– Главное, что зубы у него свои, – подытожила Кася. – А то без зубов было бы трудновато. Я знаю, потому что Генке однажды выбили по пьяни.

– Свои? – переспросила Аня, но тут же с отвращением скривилась и махнула рукой. – Хотя, уж лучше не знать.

Ивона с сочувствием взглянула на подруг.

– Мне не придется с ним целоваться.

– Как это? Ведь это будет твой муж.

– Нет, и все.

– А тебе какое дело? – Кася прибавила звук в телефоне. Сейчас в моде была Маргарет. – Достаточно того, что он богатый. Правильно делаешь, Ивка.

Она вытащила пилочку из целлофановой сумочки а-ля Шанель и начала старательно выравнивать поврежденный ноготь. Розовый лак отскакивал целыми кусками, но Кася не обращала на это внимания. Доведя дело до половины, она достала пузырек лака и закрасила прорехи, не утруждаясь удалением культурных слоев, и принялась сушить ногти, резко размахивая руками. Сейчас она напоминала выброшенного на берег тюленя. Ногти еще не высохли, когда она указала на свадебный наряд.

– Может, у него есть подходящий друг? Тогда я бы тоже такое надела. Чем старше, тем лучше. Быстрее помрет.

– А если Квак придет на свадьбу? – решила спросить Аня.

– Не придет. – Ивона смерила ее взглядом, и подружки поспешили пересесть на скрипучий диван, после чего принялись заглядывать под пленку, которой был накрыт телевизор. Она по-настоящему удивилась тому, как быстро они замолчали.

– Если явится и устроит спектакль, то он покойник, – услышала она за спиной решительный голос матери. Это объясняло поведение подруг.

Рядом с Боженой, на столике, сделанном из старой швейной машинки «Зингер», пришедшая в дом старушка раскладывала цветные нитки, сняв с головы узорчатый платок и накинув его на плечи, как бы обозначая свою готовность к примерке. Почти совершенно белые волосы ее были заплетены в тонкую косицу, приколотую вокруг головы невидимками. Ивона едва поборола отвращение. Она кивнула старушке, но не сделала ни шагу в ее сторону, несмотря на то что та выглядела довольно приветливой. У нее почти не было морщин, а ее светло-зеленые глаза излучали доброту и спокойствие. К сожалению, от нее исходила жуткая вонь. Под ногтями – «траур». Наверняка она давно не мылась и при этом страдала недержанием мочи. Игла в ее руках дрожала, она с большим трудом вдела нитку в иголку. Даже не верилось, что это лучшая вышивальщица в округе и мастерица народного костюма. К тому же немая. За все время она не произнесла ни слова.

– Чего стоишь? – обрушилась мать на дочь. – Переодевайся!

После чего рухнула в ветхое кресло и прикурила сигарету.

Несмотря на возраст, одевалась она в стиле подруг собственной дочери. Розовое платье и коротенькое болеро демонстрировали многочисленные «спасательные круги» на боках и животе. Черные колготки, все в затяжках, в сочетании с белыми туфлями из секонд-хенда, не спасали положения, но Божена считала, что так она выглядит моложе. Она засияла, когда девчонки восхитились ее «мегастилем».

– Пани Алла снимет мерку, и к завтрашнему дню наряд будет сидеть на тебе идеально. А насчет Квака, – мать сделала паузу и по очереди оглядела всех присутствующих девушек, – то человека с таким именем больше не существует. Во всяком случае, для меня. А если его нет,

то ни он, ни кто-нибудь вроде него не испортит тебе жизнь. Уж я об этом позабочусь. Он мне нравился, ничего не скажу. Умел разговаривать с тещей. Но свой шанс он профукал, и слава богу, а то ты закончила бы так же, как я. В этой норе. – Она обвела рукой затхлую квартирку и погрузилась.

Девушки нервно захихикали. Ивона справилась с отвращением и подошла к гостье, подавая свадебный наряд. Никто не вышел, пока она раздевалась догола, поскольку выйти было некуда. За занавеской, отделяющей кухню, братья отсыпались после ночной смены. Они вернулись с работы под утро, и мать запретила мешать им. Они обещали уйти в последний момент, когда дом наполнится женщинами и начнется ритуал выпечки каравая.

Портниха справилась с заданием менее чем за четверть часа. Ивона зря приписывала ей болезнь Паркинсона. Игла в деформированных ревматизмом пальцах резво заплясала краковьяк, а затем вернулась в подушечку-игольницу, принесенную старухой. Алла умело обозначила булавками места, в которых следовало строчить. Заметала вырез на рукавах. Будущая невеста с облегчением вздохнула, когда примерка закончилась. На прощание старушка лишь слегка кивнула. Жестом она продемонстрировала отказ принять купюру, приготовленную матерью невесты, и, забрав с собой блузку, фартук и жилетку, вышла так же бесшумно, как и вошла. Остался только запах.

– Ну и бабка-ёжка, – воскликнула Каська, одновременно затыкая нос. – Это он ее прислал? Неплохое начало новой жизни.

– Тихо, дура. Тут несет, как на помойке! – рывкнула Вожена и приказала ей открыть окно. Сама же распахнула дверь и принялась размахивать полотенцем.

– Костюм завтра не будет так вонять? – поинтересовалась Аня. – Ведь люди будут поздравлять Ивонку, целовать ее.

– Пофиг. – Мать Ивоны неприятно засмеялась. Распылила в воздухе освежитель и прикурила новую сигарету от еще непогашенной предыдущей. – Потерпит один день. Потом будет жить как царица. А вы останетесь здесь.

В этот момент все услышали белорусские песнопения. Одна за другой в квартиру начали входить женщины с пирогами, сладостями и домашней колбасой, торжественно поднося Ивоне свои дары. Некоторые, в том числе и молодые, были одеты в наряды, стилизованные под народные. Одна из них принесла венок, сплетенный из живых цветов, и надела его на голову Ивоны. Самая старшая подала ей украинскую косу, толщиной с кулак и длиной около полуметра. Плетение мелкое, аккуратное, напоминающее ржаной колос. Даже не верилось, что это шиньон. Старшая из женщин произнесла патетическую речь.

– Это по-русски? – Кася наклонилась к Анке.

– А я откуда знаю.

– По-белорусски, – улыбнулась Ивона. – Не притворяйся идиоткой. Ты живешь здесь всю жизнь.

Квартира наполнилась множеством незнакомых Ивоне женщин. Те, кто постарше, рассказывали о своем замужестве. Молодые, с распущенными либо заплетенными в славянском стиле волосами, в цветастых платьях и тяжелых кожаных ботинках военного образца, многоголосо распевали о преимуществах незамужней жизни. Старшая среди замужних начала замешивать тесто. Потом к работе присоединились остальные.

Вытащив в центр комнаты кастрюлю с опарой, они добавили туда остальные продукты, лежащие на столе. Когда тесто было готово, невесте поручили слепить фигурки – свою и жениха, стоящих под символическим деревом. Каждая из незамужних девушек добавляла к нему по веточке, тем самым желая благосостояния молодым и как бы приближая собственную свадьбу.

– Усы, ты забыла приклеить усы! – крикнула Ивоне Каська, вызвав тем самым взрыв хохота. Она с силой ткнула в фигурку жениха тонкую полоску теста. Фигурка тут же сломалась.

Голова куколки покатила по линолеуму, собирая по дороге грязь и пыль.

Повисла тишина. Женщины уставились на старшую.

– Холера, я не хотела. – Провинившаяся закрыла рот ладонью и пыталась пошутить: – Но твоя стоит уверенно. Ты неплохо получилась, хлебная Бейнар.

Никто не засмеялся. Одна из женщин подняла укатившуюся голову, сполоснула ее и приклеила на место.

– Молодому жить еще долгие годы и детей кучу наделать, – объявила главная. – А каравай огромный будет. Я такого еще не видела. Хорошая жизнь тебя ждет, девонька. Лишь бы только хорошо пропекся. Теперь достаточно лишь проверять температуру.

– *Мы застаемся, хтосьцы згубгуся...* – запела девушка в толстовке с капюшоном.

Ивона повернулась в ее сторону, но девушка уже вынула телефон и включила песню:

Невядомыя адказы, мёртвае лисьце,
Усё тое, што была і тое, што будзе,
Мінавіта для мяне ужо больш не існуе,
Застаюся адзін звычайна, так як і заусёды,
Гэта мора штарміць і не спыніць ніколі,
Губляю каханне, губляю надзею
І больш у каляровыя сны я не веру.

Губляю каханне, губляю надзею
І больш у каляровыя сны я не веру...⁴

Эта песня не была народной. Электрогитара, основательный ритм и одновременно выразительная мелодическая линия.

– Неплохо, – сказала Ивона.

Блондинка, в военных ботинках и с православным крестиком в ухе, улыбнулась:

– Это «Губляю каханне» Амарока. Нравится? Белорусская поп-музыка. Рокеры не очень ее ценят, но я люблю.

Потом протянула руку и представилась:

– Кинга.

– Ивона.

Они пожали друг другу руки.

Кинга с интересом смотрела на невесту и в конце концов решилась дотронуться до ее оливковой кожи с излишней нежностью:

– Ты всегда такая загорелая?

Ивона подумала, что Кинга из тех, кто предпочитает женщин, и слегка попяtilась.

– Зимой немного бледнее, – буркнула. – В детстве меня дразнили Цыганихой. Я очень стеснялась и хотела быть бледной, как ты.

– Говорят, что ты хулиганка, но ты, походу, клевая чувиха. Респект за самокритичность, – рассмеялась Кинга. – Петр – это типа мой двоюродный дедусь, что бы это ни значило. Алла – моя тетка. Терпеть не могу бывать у нее.

Она схватилась за нос и захохотала.

⁴ Мы остаемся, кто-то потерял, непонятные ответы, мертвые листья, все то, что было, и то, что будет, больше для меня не существует. Остаюсь один, впрочем, как и всегда, шторм на этом море никогда не утихнет. Теряю любовь, теряю надежду и больше в цветные сны я не верю.

– Родственников не выбирают. – Ивона улыбнулась, глазами передавая привет матери в другом конце комнаты. – С семьей все хорошо только на фотографиях.

– Именно, – подхватила Кинга и добавила: – И никаких запахов.

Теперь обе рассмеялись. Ивона с минуту смотрела клип на экране телефона, но Кинга вскоре включила сборник «Іло і сябры», который в этой компании, видимо, был хитом, потому что, услышав мелодию, девушки тотчас закружили невесту в танце.

– Танцуй, танцуй! – кричали они. – И плачь! И мать пусть плачет. Без плача несчастье будзе.

Но Ивона лишь хихикала. Все дергались в танце на пяточке между мебелью и печью. Женщины постарше тоже покачивались в такт музыке. К концу диска помещение стало наполняться запахом почти испекшегося пирога. Одна из кумушек заглянула в духовку и позвала остальных. Те шумно сбежались.

– Кто-то сглазил, – пробормотала Кинга и подмигнула Ивоне. Обе засмеялись, но остальные не поддержали их. Они относились к предсказанию очень серьезно.

Каравай разросся так, что не помещался в печи. Между тем табло информировало, что до окончания выпечки осталось больше четверти часа. Ивона обратилась к одной из пожилых женщин:

– И что теперь?

– Если бы это была кафельная печь, мы бы разобрали ее и вынули каравай.

– Иначе плохой знак?

– Не должно быть ни малейшего изъяна.

Одна из женщин выхватила древнюю «нокию» из кармана цветастой юбки и понеслась к выходу. Ивона напряженно взглянула на мать. Вожена вознесла очи к потолку. Было видно, что ее раздражает беспокойство гостей. Она разбиралась в выпечке приблизительно так же, как в кузнечном деле, но здесь дело было в заботах, а не в кондитерских тонкостях. Белорусских женщин прислал Петр. Богач, который должен изменить жизнь ее семьи. Она не могла позволить себе открытую насмешку. Золушка должна стать королевой. У Божены такого шанса в жизни не было.

– Может, вынем его по частям? Обрежем фигурки, тогда он спокойно выйдет.

– Каравай должен быть нетронутым. Завтра все будут его рассматривать, – ответила старшая. И решительно добавила: – Другого выхода нет. Придется разбить печку.

Мать Ивоны встала.

– Только через мой труп. Эта штука стоит больше, чем моя квартира.

Образовалась неприятная тишина. Старшая и Божена мерились взглядом.

– Сгорит, – сказала первая.

– Можно испечь новый, поменьше. Чтобы вышел вместе с этой фиговиной наверху.

Белоруска развела руками.

– Ваша воля, дорогая мать. Но о счастье дочери вы не думаете. Если пирог не удастся, то счастья не будзе. Каравай – это дар. Нельзя искушать судьбу.

– Плевать я хотела на эти ваши русские заботы! – вдруг крикнула Божена. Теперь уже она была в бешенстве. – Это всего лишь кусок дрожжевого теста. И все!

В дверях образовался затор. Кто-то пытался пробраться через толпу. С вешалки упало несколько пальто. Шум стоял кошмарный. Глаза всех присутствующих немедленно повернулись в сторону двери.

В прихожей стоял невысокий мужчина с зачесанными назад белыми волосами и сигаретой в уголке рта. Несмотря на свои шестьдесят, он по-прежнему был весьма хорош собой, главным образом, видимо, благодаря смеющимся голубым глазам. Сейчас, однако, он пребывал не в лучшем расположении духа, о чем свидетельствовали стиснутые до предела челюсти.

– Я нашла отца невесты. Пан Давид разберет печь, и каравай будет спасен! – крикнула румяная женщина. Та самая, что выскочила как ошпаренная с телефоном в руках. Она ожидала похвал и радости со стороны присутствующих, потому что при выпечке каравай не мог присутствовать ни один мужчина, за исключением отца невесты, но нарвалась лишь на оглушительный гнев Божены.

– Вон из моего дома!

Женщины попятились.

– Вон со двора! – повторила приказ Вожена, а на случай, если кто-то не расслышал, добавила: – Валите, сказано!

Те, кто был ближе к двери, начали потихоньку выходить. Вскоре толпа поредела. Мужчины, однако, все еще стоял без движения, словно не слышал слов бывшей жены. Его интересовала исключительно дочь. Ивона рефлекторно отступила на два шага назад.

– Хорошо, что вы позвали меня, матушка, – сказал он цветастой юбке. – Я ничего не знал. Весь город знал, а отец невесты нет. Я не давал благословения на этот брак и не собираюсь.

– Пошли все к чертовой матери! – Вожена взбесилась и принялась швырять в женщин цветы, хлеб и подарки, принесенные ими. Дернула за провод и отключила печь. – Окончен бал.

Тем временем Давид Собчик подошел к дочери, едва держась на ногах. Ясно было, что он в продолжительном запое. Она позволила себя обнять, но сразу же вырвалась и испуганно отошла к стене. Ивона пыталась что-то сказать матери жестами, но та не смотрела в ее сторону. Она приближалась к мужу, словно собираясь его поколотить.

– Я не позволю тебе выйти за этого старого козла, – очень спокойно объявил отец.

Поднял руку. Что-то блеснуло. По комнате прокатилась волна паники. Женщины в ужасе проталкивались к выходу. Остались только подружки Ивоны. Вожена обратилась к ним:

– Тут вам не кино. Валите и вы... – Мат прозвучал как нежность. – А когда закроете дверь с другой стороны, позовите моих парней. И мигом, а то собак спущу.

Воспользовавшись тем, что муж отвлекся, Вожена бросилась на него с кулаками. Давид оттолкнул ее, она грохнулась на пол. Платье задралось, являя взору белые трусы, просвечивающие сквозь черные, зашитые на ягодицах колготки. Ножницы для разделки кур все еще оставались в руке отца невесты. Давид подошел и сильно стиснул плечо дочери. Ивона поняла, что ошибалась. Это было не вчерашнее похмелье. Отец был пьян как свинья.

– Ты понимаешь, за кого собралась?

– Оставь ее! – умоляла мать. – Не делай ей ничего плохого!

Давид замер, огляделся. Вокруг не было никого, кроме жены и дочери.

– Эту старую каргу тоже прикончу, если надо будет, – обратился он к дочери и указал на Божену. Потом наклонился к уху Ивоны и прошептал: – Бондарук – сын убийцы и сам женоубийца. И мне наплевать, сколько у него бабла. Она продала тебя кацапу. Понимаешь? Весь город смеется надо мной. За сколько ты продала своего ребенка, стерва? – Он направил острие в сторону Божены.

– Что ты плетешь, придурок?

Божена встала, одернула платье. Она была теперь спокойна, поскольку со спины к Давиду подкрадывались ее сыновья. Зубры не были детьми Собчика. Их отец – кочегар котельной на пилораме – умер от инсульта, не дожив до двадцати девяти лет. Осиротил троих сыновей и оставил беспомощную, молоденькую и хорошенькую тогда Божену без средств к существованию. Таким образом, молодая женщина с тремя детьми, ровесница Ивоны, вдруг стала вдовой. Чтобы содержать семью, она хваталась за все: уборку, шитье и, наконец, тайные эскорт-услуги. Это занятие оказалось самым простым и прибыльным. Единственное действующее заведение подобного профиля находилось в Беловеже. Однако в гостинице от мебельной фабрики часто требовался кто-то местный и побыстрей. Лучше всего, не выдающий своим видом принадлежности к древнейшей профессии. Божена как раз соответствовала этим требованиям. Трудно

поверить, но тогда она была похожа на Одри Хепберн, скорее женщину-ребенка, чем секс-бомбу. Так же как Ивона, она была жгучей брюнеткой с ровно подрезанной прямой челкой и волосами до плеч.

Командированные, к которым Божена приезжала по вызову, даже и представить себе не могли, что она может оказывать такого рода услуги, поэтому, когда она входила в ресторан, все принимали ее за обычную горничную. К клиентам она ездила исключительно в первой половине дня, пока дети были в детском саду, а потом в школе. От ночных вызовов многодетная мать отказывалась, не желая афишировать новую профессию. Соседям она сказала, что меняет постели в гостинице, что в какой-то степени было правдой, потому что после ее ухода постель всегда перестилали. Пользующиеся ее услугами мужчины были в основном небедными и – что самое главное – неместными, ведь каждой из сторон была необходима конфиденциальность. Именно таким образом Божена познакомилась с Давидом Собчиком – в те времена востребованным инженером из города Элка, который приезжал в Хайнувку в командировку каждую неделю. Он влюбился в нее как мальчишка. Обещал, что позаботится о ней, привозил подарки. То детская книжка, то одеколон «Красная Москва», то чулки. О свадьбе он не говорил, да и Божена относилась к белым платьям без лишних восторгов.

– Достаточно одного раза, – уверяла она. – Мне не нужна печать, чтобы полюбить кого-нибудь.

С тех пор как они начали встречаться без посредников, Давид перестал оставлять ей деньги. Тогда она подумала, что из уважения. Он по-прежнему привозил мелочи для дома, что-то из еды, сувениры. В конце концов оставил у нее сумку с вещами, чтобы не возить ее туда-обратно. Она промолчала. Не заглядывала внутрь, понимая, что это означает. Он намерен бросить якорь. Ей так хотелось верить, что на этот раз навсегда. Что смерть не разлучит их слишком рано. Она долгие годы была одна. Одиночество стало привычкой. Божена не чувствовала сильной привязанности к детям, поскольку много работала и постоянно была чем-то занята. Поэтому она и не верила уже, что в возрасте тридцати восьми лет можно завести новую семью. Но все выглядело очень серьезно, поэтому Божена была на седьмом небе от счастья, когда оказалось, что она опять беременна.

– Угроза выкидыша на позднем сроке, – пугал ее доктор Малиновский, лучший по тем временам гинеколог в городе. —

Лучше не надейтесь, мой вам совет.

Поэтому она носилась сама с собой, как с яйцом Фаберже. Сильно поправилась, несмотря на то что всегда была очень стройной и вовсе не обедалась. Но сейчас, видимо, организм решил бороться за сохранение беременности, увеличивая Божену в размерах. Черты лица стали намного грубее. Волосы начали сильно выпадать, поэтому пришлось их обрезать. Теперь она не была похожа на Одри, но это ее не волновало. Ведь у нее был любимый человек, который приезжал нечасто, но был очень заботлив и нежен с ней. Она понимала, что в Элке у него работа, которую он не может бросить вот так сразу. Для того чтобы организовать жизнь на новом месте, требуется время, а Божена была очень терпеливой и верила в светлое будущее. Она занималась планированием их совместной жизни, обустройством квартиры, вязанием кофточек для ребенка, шитьем, вышиванием. Когда на шестом месяце она пришла на контрольный прием, врач очень удивился.

– Видимо, такова воля Божья, – объявил он. – Но даже если вам и удастся родить, то разве что какого-нибудь неполноценного.

Божена не приняла близко к сердцу его заявления, посчитав это стереотипом. Она знала, что будет самой старой роженицей в роддоме. Но почти всю беременность она проходила образцово и никогда не чувствовала себя более красивой, любимой и счастливой. Роды были легкими и естественными. Девочка появилась на свет в воскресенье в девять вечера. Весила ровно четыре килограмма. Родилась в рубашке и без синдрома Дауна. Блистательный Давид

приехал из Элка на следующий день с букетом роз и банкой сливового повидла, чтобы молоко Божены было легкоусвояемым и девочка не страдала от колик. Казалось, что Давид просто без ума от счастья. Это он назвал дочь Ивоной.

Вот только старшие сыновья невзлюбили отчима. Они первыми раскусили его, поскольку пользовались теми же рычагами воздействия на женщин. Давид жил у них только несколько месяцев – последние две недели беременности Божены и остальное время после рождения дочери. Тогда уже он не только не оставлял любовнице денег, но жил за счет Божены, в ее квартире. Сувениры закончились, забота тоже. Наружу полезли недостатки. Например, безграничная любовь к водке. Он быстро нашел в городе собутыльников и стал проводить с ними намного больше времени, чем с Боженой. Говорил, что ищет работу, чтобы обеспечить ей достойное существование, купить квартиру побольше.

Божена верила. Когда ему потребовалась часть ее сбережений на взятку, якобы для получения работы в столярной мастерской, она дала ему деньги без единого слова. Так же как и на курсы, которые необходимо было закончить, чтобы претендовать на должность мастера сушильного цеха. Она гордилась тем, что рядом с ней такой умный мужчина. Ежедневно она относилась пустые бутылки в пункт приема стеклотары, а Давид тем временем отдыхал после всенощных встреч с очень важными людьми, которые составляли ему протекцию.

Первый звоночек прозвенел, когда нужно было оформить малышку в ЗАГСе. Новоявленный папочка обещал пойти туда вместе с Боженой и дать ребенку свою фамилию, да так и не смог для этого протрезветь. Якобы радость по поводу рождения дочери была настолько огромной, что он решил отмечать это событие месяца три. Поход в ЗАГС перенесли.

Но на следующий день в дверь Божены постучал мужчина в костюме и потребовал, чтобы она выплатила долги жены Давида. В противном случае, он посодействует, чтобы кто-то другой получил муниципальную квартиру Божены, а она вместе с детьми оказалась на улице. Таким образом, выяснилось, что, во-первых, идеальный любовник соврал, что разведен, во-вторых, потерял работу и разыскивается многочисленными кредиторами и, в третьих, Давид – алкоголик, который скрылся у нее от всего света, чтобы не отдавать давно пропитые деньги.

Божена тут же пришла в себя. Пазл сложился, и она в одночасье поняла весь ужас своего положения. Все, что Давид рассказывал ей, не имело ничего общего с правдой. И она приняла единственно правильное решение. Тогда это было нелегко, потому что какие-то чувства к Давиду у нее еще оставались. Сегодня Божена ни за что не призналась бы в прежней любви, даже под пытками. Она одна поехала в ЗАГС, дала Ивоне свою фамилию, в графе «отец» написала: «неизвестен». После чего выставила вещи возлюбленного за порог. Имущества у него было немного. Одна небольшая сумка и несколько пустых бутылок. Такого оскорбления Давид простить не мог, поэтому устраивал ей ежедневные экскурсии в ад. В конце концов его вышвырнули усилиями сыновей. С тех пор у Божены не было ни одного мужчины. Она говорила, что ее лимит любви исчерпан. Когда Ириной и Владислав выросли, она с успехом использовала их как защиту от непрекращающихся притязаний Давида, который никак не хотел примириться с тем, что она лишила его дочери, хотя весь город знал, что он отец ребенка.

Сейчас Божена надеялась на то, что заболтает его, отвлечет внимание. Она говорила спокойно, делая вид, будто готова вступить в переговоры.

– У Петра не было никакой жены. Ивона будет первой. К тому же тебя никто не спрашивает. Она уже взрослая.

Папуля проглотил наживку.

– Все об этом знают. – Он повернулся спиной к двери. – Лариса, та белоруска, пропала без вести. Он чуть не пошел на зону за это. Мариола, дочь мясника, предпочла сбежать куда глаза глядят, лишь бы не жить с ним.

– И кто это говорит? – Божена гомерически рассмеялась. – Алкаш и ворюга. Жулик, каких мало. Не слушай его, дочь. Я сожалею о каждом дне, проведенном с ним.

– Курва! – Давид размахнулся, но рука его не послушалась, он зашатался и упал. С трудом отодрал себя от пола.

Ивона подняла голову. Она с отвращением смотрела на пьяного отца. Ей было стыдно за него, потому что сам он стыдиться не умел.

– Какая белоруска? – спросила дочь. – О чем речь?

– А ты не знаешь? – удивился тот. – Весь город стоял на ушах. Он выстрелил ей в лицо на белостокском шоссе. Спроси его. Может, тебе он расскажет, что сделал с трупом. Это кацап! Старый, подлый кацап. Хуже не бывает.

Закончить он не успел. Сыновья обездвижили его, подняли и, как мешок картошки, вышвырнули за дверь. Ножницы, которыми он угрожал женщинам, оказались обоюдотупыми. Но выглядели эффектно, надо признать. Ириной сунул их в ботинок, как военный трофей.

– На выход, папик. Нефиг тебе тут делать! – И угостил страдальца пинком в голову, прежде чем Давид успел закрыться руками. – Старый да дурной. Честное слово. Где ж были твои мозги, мать?

Вскоре комната опустела. Божена беседовала с сыновьями на улице. Сбежались соседи и вместе, под аккомпанемент насмешек и издевок, прогнали агрессора со двора.

Ивона с тяжелым вздохом опустилась на старый диван. Это была ее семья, ее жизнь. Как она могла надеяться на то, что сбежит от них? Куда? Каким образом? На соседней улице отец тоже не даст ей покоя. Мать манипулировала ею, словно она все еще была ребенком. Братья спасали ее, расшвыривали всех, кто к ней приближался. Исключительно с добрыми намерениями. А ее мнение никого не интересовало. Из таких историй складывалась вся ее жизнь: детство, отрочество и сегодняшний день. Кто такая Лариса? О чем говорил отец? Взглянув на печь, она подумала, что счастье, как всегда, пройдет стороной. Каравай был плоский, как блин, и к тому же подгоревший.

Она открыла дверцу, отломала кусок верхней части пирога. Голова жениха не обуглилась, она отгрызла ее от фигурки. Если бы все прошло по плану, пирог получился бы исключительно вкусный. Тесто таяло во рту. Ивона громко расплакалась и вспомнила слова Кинги: «Плачь, плачь сейчас, а *ишасце* завтра *будзе*». Фигушки. «Было бы», «если бы», «почти» – эти слова были мантрой ее жизни. Ивона всегда была почти у цели.

Вдруг что-то скрипнуло. Дверца шкафа открылась и оттуда показалась толстая Каська. На голове ее была юбка от подвенечного наряда. Накрывшись ею, как накидкой, она была похожа на Морру из книг о муми-троллях. Ивона окинула взглядом ужасный беспорядок в комнате, потом подругу в своей юбке и взорвалась громким смехом сквозь слезы. Она уже знала, как снять с себя проклятье.

* * *

Сашу разбудил звук входящего сообщения. Она открыла глаза и не сразу сообразила, где находится. Пышная лепнина потолка мимикрировала под своды дворца. Наконец взгляд на стену, украшенную колоссальной головой Минотавра, напомнил ей, цель почти достигнута. Мотель «Зубр», прямо у въезда в город. Стало быть, голова именно этого зверя красовалась на стене апартаментов для новобрачных, в котором она сегодня ночевала. Из-за ремонта дороги и вынужденных объездов, Залусская добралась до Хайнувки уже в третьем часу ночи. Она знала, что не сможет заснуть сразу по приезде. По дороге она выпила такое количество кофе и энергетиков, что была как взведенная пружина и намеревалась направить свою энергию на работу. Увидев неоновую вывеску «убр» («З» не работала), уверенно заехала на парковку мотеля и взяла единственный свободный номер. В мотеле даже имелся вай-фай.

Включив компьютер, она на одном дыхании написала полглавы об Осе. Составила список дополнительных вопросов на случай, если удастся уговорить осужденную участвовать в

исследованиях. В шестом часу утра она заснула, очень уставшая, но с чувством выполненного долга. Ей нравился краткий миг Сизифова счастья. Опять удалось вкатить камень на гору. Это ничего, что вот-вот глыба скатится обратно и завтра ей придется начинать сначала.

Старенькие часы показывали четверть одиннадцатого. В это время Саша должна уже быть в кабинете директора клиники. Во время телефонного разговора врач даже не пытался быть вежливым. Скорее, наоборот. Делал все, чтобы отговорить ее от поездки, и согласился лишь, когда она представилась служащей следственных органов. Оперативные действия, предупредила она. Директору ничего не оставалось, как согласиться. Он назначил встречу на субботу и кисло подчеркнул, что делает для нее исключение. Директор отвел на аудиенцию около часа, но вряд ли Залусской удастся использовать хотя бы половину этого времени. Уж как-нибудь. Если встреча состоится, то она получит все, зачем приехала. Ей нужен был ответ всего на один вопрос. Получив эту информацию, она узнает, нужно ли срочно уезжать из страны или же наступает совершенно новая, упорядоченная глава ее жизни, венцом которой станет возвращение на службу.

– Вот черт!

Она в спешке натягивала джинсы. Солнце врывалось в помещение сквозь щели между закрытыми шторами. Глаза были сильно воспалены, во рту пересохло от выкуренных ночью сигарет. Зубную щетку она конечно же забыла. Вытащив со дна чемодана мятую рубашку, она передумала и надела белую футболку поло и темно-синий жакет. Наряд дополнил шейный платок. Это был ее дежурный выходной наряд, не требующий глажки и в любой ситуации производящий положительное впечатление. Бегая по гостиничному номеру, она в спешке расчесывалась, складывала немногочисленные вещи в чемодан, упаковывала компьютер и чистила зубы при помощи пальца. Через несколько минут профайлер была готова к выходу. На ресепшн она попросила счет. Ожидая, пока администратор снимет с ее карточки плату за постой, Саша взглянула на дисплей телефона.

Все три сообщения были от Духновского. Раззадоренный вчерашним успехом Дух опять пытался с ней флиртовать. Разумеется, в своем стиле, что-то вроде дерганья за косичку. На два сообщения с сексуальным подтекстом она не ответила, но «будь осторожна с зубронами⁵» заставило ее улыбнуться.

Она выбежала из отеля не позавтракав, хотя администратор настаивал на том, что второго такого шведского стола в стране не сыщешь, поскольку, помимо прочего, они подают на завтрак сало с луком и соленым огурцом. Саша проглотила слюну. В последний раз она ела вчера утром, еще до тренировки по стрельбе. Пришлось пообещать, что она попробует местный деликатес в следующий раз.

Однако, когда она выехала с гостиничной стоянки и вместо знака с надписью «Хайнувка» ее поприветствовал рекламный щит местного мясокомбината «Нестерук и К°», голод моментально испарился. С плаката приезжим улыбались три розовые свинки. Над их головой виднелся рекламный слоган: «Вместе – в будущее».

* * *

Здание клиники «Тишина», именно так назвал частное заведение для нервно- и душевнобольных его основатель, доктор Янка Зин, пряталось в глубине березовой рощи, сразу за монастырем сестер Клариссинок, на Липовой улице. Окружал его деревянный забор, размалеванный узорами, имитирующими белорусскую вышивку.

Саша свернула на стоянку, выложенную тротуарной плиткой. В воротах возле административного здания она разминулась с черным лимузином, который ехал с такой скоростью, что

⁵ Зуброн – гибридное животное от европейского зубра и домашней коровы.

едва не протаранил ее голубой «фиат». Водитель лимузина, толстый лысый дядька со смешными усами, раздраженно замахал руками. Она подняла руку в качестве извинения. Лицо человека, сидящего на пассажирском сиденье, разглядеть не удалось, но это явно была какая-то местная шишка, поскольку задние окна машины были сильно затемнены.

Залусская припарковалась как попало, поперек двух мест, что не вызвало у нее угрызений совести. На всей стоянке одиноко скучал фургон с изображением пилы и полена. Саша вышла из машины и в спешке высыпала все содержимое своей сумки на капот. Тишину взорвал звон колоколов в церкви неподалеку, призывающий верующих на литургию. Бумажник обнаружился, как всегда, на самом дне. Найдя его, Залусская вздохнула с облегчением, потому что уже начала опасаться, что приехала в такую даль без документов и ее сейчас не только не впустят в клинику, но и в случае проверки на дороге хлопот не оберешься. Она достала удостоверение личности и переложила его в карман. Остальные вещи забросила назад в сумку. Огляделась.

В глубине небольшого парка грелись на солнышке пациенты клиники. Большинство из них расселись по лавочкам. Несколько пар прохаживались вокруг прудика. Девушка в цветастом платье сидела у фонтана в слегка неестественной позе. Ее светлые волосы развевались на ветру. В зарослях неподалеку Саша увидела художника, стоящего перед пустым мольбертом спиной к ней. Она не могла видеть его лицо, но сердце ее учащенно забилося. Сделав пару шагов назад, она достала из сумки очки. Невысокий блондин с кривыми, «ковбойскими» ногами, голубая толстовка. Мужчина всматривался в выгибающуюся перед ним русалку. Саша не сразу поняла, что девушка позирует. Художник наклонился к корзине, выбрал краски и смешал их на палитре. Сейчас Саша хорошо видела его профиль. Заостренный нос, выразительная скула, глубоко посаженные глаза. Не он, просто похож, вздохнула Саша с облегчением и поспешила к зданию.

Клиника была безлюдна и сверкала, словно все внутри было обрызгано лаком. В пол можно было смотреться, как в зеркало. Здесь не пахло больницей. Не было и смрада человеческих выделений, столь характерного для психиатрических лечебниц. Царящая тишина полностью соответствовала названию клиники.

Женщина в белой униформе за стойкой регистратуры на первый взгляд тоже совершенно не напоминала медсестру-садистку. Одарив Залусскую кротким взглядом, она молча выдала ей бейджик с надписью «посетитель». Саша резво двинулась вдоль длинного коридора. Кроме нее и женщины в белом, вокруг не было ни души. Подозрительную тишину нарушало лишь цоканье ее подкованных ботинок. Саша стала сомневаться, что клиника работает в нормальном режиме. Огромные современные помещения были совершенно необитаемы. Казалось, что кроме небольшой группы людей в парке здесь нет больше ни одного пациента. Потом Залусская подумала, что, возможно, находится в отделении хосписа.

– Где кабинет директора? – спросила сбитая с толку Саша, когда дошла до поворота в конце коридора, но наткнулась там лишь на вазон с папоротником на подставке и доску объявлений.

– Дальше, в глубине, первая дверь направо, – прозвучал ответ. – Но на месте только заместитель. Пан директор должен был уйти.

Саша бегом вернулась.

– Мне было назначено. Я проехала половину Польши, чтобы встретиться с заведующим.

– Директором. – Женщина вдруг перестала быть любезной. В ее глазах появилась настоятельность. – Это частное заведение, а не больница. Хотя мы наблюдаем также пациентов, направляемых к нам судами или судебными медиками, одобренными прокуратурой. Ваша фамилия?

– Залусская. – Профайлер взглянула на часы, которые все еще показывали четверть одиннадцатого. Стрелки находились в таком же положении, когда она проснулась. – Который час?

– Три минуты первого, – отчеканила, как робот, медсестра, не переставая просматривать документы на столе. Листы книги посетителей порхали в ее руках, как рисунки в мультипликационном фильме. Наконец они остановились. Саша перегнулась через стойку и увидела свою фамилию с пометкой «Полиция – частный визит».

– Директор прождал вас до половины двенадцатого и слегка разозлился. Он специально приехал сегодня на работу и ушел совсем недавно. Вы разминулись с ним. Водитель несколько минут назад сидел здесь, на этом вот стуле, – показала медсестра.

Вдруг раздался звук огромного мощного пылесоса. Саша не расслышала последних слов медсестры. Она повернула голову и поняла наконец, почему здесь так стерильно чисто. За ее спиной как раз проезжал огромный автоматический полотер, водитель которого был тоже одет в униформу и кепку с козырьком. Он ликвидировал малейшие следы странствия Саши до папоротника и назад, после чего повернул за угол и отключил двигатель. Саша не верила своим глазам. Таким оборудованием пользуются супермаркеты или огромные корпорации. У «Тишины» должен иметься приличный бюджет, раз уж им по карману профессиональный полотер и ставка для водителя.

– Вот холера. – Саша тяжело вздохнула. – Надо ж было так...

– Вы из Варшавы?

– Хуже. – Саша улыбнулась, как бы извиняясь. – Из Гданьска. Приехала под утро. Пропала. Знаю, что это звучит по-дурацки, но у меня часы остановились.

Медсестра с интересом смотрела на Залусскую. Вместо настороженности в ее взгляде появилось сочувствие.

– Приходите в понедельник. Я передам, что вы были.

Саша оперлась о столешницу и впилась взглядом в карие глаза медсестры. Она говорила медленно, тщательно артикулируя каждый слог.

– В понедельник я должна быть в Гданьске. В восемь утра у меня экзамен по стрельбе. Мне необходимо поговорить с директором сейчас.

Медсестра медленно покачала головой. Опять настороженность.

– Сожалею.

– Это маленький город. Где он живет?

– Я не имею права. Поймите.

Карие глаза сейчас с трудом скрывали страх.

– Номер телефона? Адрес электронной почты?

– Он есть на сайте. Но прочитано будет не раньше понедельника. Сегодня и завтра он не придет на работу.

Саша уперла руки в бока.

– То есть вы избавляетесь от меня?

– Это не так, – испугалась медсестра и нацарапала на листке бумаги электронный адрес, а потом приписала номер телефона. – Могу помочь только этим.

Саша села на стул с бумажкой в руке и набрала номер с мобильного. Раздался звонок на столе регистраторши. Та смотрела на мигающую лампочку, но не взяла трубку. Саша невежливо рассмеялась и отсоединилась. Телефон на столе замолчал.

– Ловко, – пробормотала она. Встала и пошла к выходу. – Спасибо за помощь. Приятных выходных.

Регистраторша, однако, двинулась за Залусской и догнала ее, когда та была уже в дверях.

– Есть заместитель. Пани доктор приехала к пациентке. Может, она даст мобильный директора? Если вам удастся ее убедить. – Она развела руками и добавила: – Но имейте в виду: входите вы под собственную ответственность.

– Где это?

– Тринадцатый кабинет, на втором этаже. И ваши документы, пожалуйста. Мне нужно вас зарегистрировать.

Саша выудила из кармана удостоверение личности. Медсестра едва успела переписать ее личный номер в журнал, как Залусская буквально вырвала документ из ее рук и бегом понеслась к лестнице. Она была уже наверху, когда услышала шум автоматического полотера. Уборщик опять стер ее следы. Странное место.

* * *

Врач Магдалена Прус не была красавицей в классическом понимании слова, но уж точно была отлично «сработана». Все в ней казалось идеальным, словно в мадонне Боттичелли. Умный взгляд лишь дополнял картину. Саша подумала, что мужчины должны ее побаиваться, а в женщинах она возбуждает атавистическую зависть. Залусская рядом с ней чувствовала себя бедной родственницей и гадким утенком одновременно. Натурально-русые волосы врач расчесала на прямой пробор и собрала в хвост серебряной заколкой. Вместо белого халата она носила платье по фигуре в голубые бабочки, хотя это был скорей небольшой отрез тонкого шелка, который как вторая кожа облегал ее идеальное тело. В области живота Саша заметила небольшую выпуклость, которую можно было рассмотреть только, когда платье натягивалось. Скорей всего, у пани доктора имелся пирсинг в пупке, и Саша готова была биться об заклад, что это бриллиант внушительных размеров. Туфли были на слишком высоком для такой должности каблуке, но дама передвигалась на них свободно и с грацией. Когда Саша поймала ее во время визита у пациентки – как потом оказалось, четырнадцатилетней девочки, больной анорексией, – врач вежливо попросила ее из палаты, а потом молча открыла дверь своего кабинета и велела ждать.

Саша предполагала, что разговор будет тяжелым. Придумывала, каким образом уговорить психиатра ответить на ее вопросы. Она даже готова была исповедаться, рассчитывая на то, что ее история растрогает женщину: о похищении, зависимости, работе в СВР и неудачной акции под прикрытием. При условии, что пани доктор сохранит в секрете все, что услышала. Но такой необходимости не возникло. Прус с первого взгляда поняла, кто такая Саша и что ей нужно.

– Его здесь уже нет, – заявила она без вступлений.

Саша замерла. Она не была готова к такому развитию событий. Это был самый худший из возможных сценариев. Она даже не допускала, что такое возможно.

– Значит, я зря приехала?

– Речь идет о Лукасе Поляке, как я понимаю? – убедилась пани доктор и указала на тонкую папку с фамилией пациента на сгибе. В течение всего разговора она держала на ней свою очень ухоженную руку.

Залусская пожалела о том, что ей не пришлось в голову пошарить на столе в отсутствие докторши. Никто и не подумал прятать бумаги в сейф. Она кивнула, не в состоянии выдать ни слова.

– Картину он забрал с собой, – прибавила врач.

Саша остолбенела от услышанного. В голове вертелась единственная мысль: что еще известно докторше?

– Она была у него?

Картину безуспешно разыскивали на протяжении всего следствия. Это она была главным доказательством по делу. Саше сказали, что Поляк погиб при пожаре, что оказалось абсолютным вздором. Сейчас она узнаёт, что картина сохранилась. Знала ли об этом полиция? Саша догадывалась, что криминалисты не изучили полотно. А уж тем более никто не занимался его анализом с точки зрения профайлинга. Возможно, что сегодня, после стольких лет, эта картина

ничего не значила ни для кого, кроме нее, Саши Залусской. Просто мазня, намалеванная пациентом в рамках арт-терапии. Однако если бы Саша увидела результат, то поняла бы, был ли автором Красный Паук, и могла бы добиться возобновления следствия. Оригинал был визиткой серийного убийцы. Преступник убивал, чтобы закончить произведение. Картина составляла комплект с фотографиями, которые Саша уже видела. Для установления деталей можно было бы обратиться в архив. Снимки будут доступны в течение ближайших тридцати лет, если только материалы не уничтожат, в чем Саша, впрочем, сомневалась. Красный Паук отправлял в полицию поляроидные фото трупов, чтобы сообщить об очередной жертве. Такие же, как то, что выложено на страничке Лидки Вроны. Он вел ищек словно на веревочке, указывая, когда и где им следует искать тело. Его забавляло, что они не в состоянии остановить его. Потом он воспроизводил некоторые детали с фотографий на своих картинах. Саша видела такое полотно лишь однажды, когда Лукас похитил ее и удерживал в квартире. Замысел картины заставлял вспомнить о Босхе, хотя макабрический эпатаж был здесь важнее художественных достоинств. Никто не знал деталей жизни и смерти жертв, кроме самого убийцы. Если же картина окажется лишь реминисценцией уже известных произведений Красного Паука, то Лукас невиновен. Она могла бы освободить его от обвинений исключительно ради себя самой, потому что для польских судебных органов это дело все равно уже закрыто. Для нее речь все еще шла о жизни и смерти. В буквальном смысле.

– Картина все время была у него? – повторила Саша, не веря своим ушам.

Прус внимательно взгляделась в Залусскую и злорадно усмехнулась.

– В течение трех лет. Он постоянно ее подправлял. Я вижу очень сильное сходство с вами одного из персонажей. Можно сказать, заглавного.

– Что именно изображено на картине? – Саша громко сглотнула. – Кроме меня.

Доктор постучала рукой по папке с документами.

– У нас есть фотокопия, но я, разумеется, не могу вам ее предоставить, – предупредила она, все еще держа руку на папке. – Закон об охране личных данных. Необходима доверенность.

– От кого?

– Прокуратуры, министра юстиции. Может быть, этого было бы достаточно. Без согласия пациента я не показала бы это даже родственникам. Но, конечно, окончательное решение принимает директор. – Прус откашлялась и поправила платье. – Он может выдать разрешение.

– Директор согласится. – Саша протянула руку к документам, но докторша быстро отодвинула их. – Смелее. Достаточно одного звонка. Министром я займусь через неделю.

Улыбка сию секунду исчезла с лица пани Прус. На щеках проступили мелкие красные пятна, и какое-то время она выглядела старше сорока лет. Психиатр быстро сунула папку в ящик стола. Видимо, местная красавица не понимает шуток, подумала довольная Залусская.

– Куда его перевели? – спросила она, не надеясь услышать ответ и обдумывая следующий ход. На этот раз ей придется попросить помощи у Духа. В Польше на данный момент действуют сто тридцать две частные психиатрические клиники. Практически все с поэтическими названиями. Ни одна из них не предоставляет информацию о своих пациентах. Проще найти иголку в стоге сена.

– Он признан здоровым и выписан из клиники.

– Вышел? На свободу?

Врач покачала головой. Первая скрипка была ее любимой партией, поэтому она триумфально добавила:

– Его не держали под замком. Пациент находился здесь добровольно. Ежемесячная плата поступала регулярно, он прошел все тесты. Его обследовали три комиссии, и их решение однозначно: болезнь отступила.

Теперь уже врачаха упивалась своей безграничной властью. Еще немного, Саша была уверена, и докторша раздавит ее как таракана. На помощь с ее стороны рассчитывать не приходилось, зато на препоны – вполне. Даже если она знает, где сейчас находится Поляк – ни за что не скажет. Профайлеру сейчас следовало встать и уйти, но ей слишком хотелось противоборства. Эта мимоза вызывала в ней бойцовый дух. Амбиция всегда была ахиллесовой пятой Саши.

– Значит, вам неизвестно, где он находится?

– Пациент признан дееспособным. Мы не имеем права следить за ним. Он совершенно свободный человек.

– Это убийца! – Залусская повысила голос. Говорила путано, несвязно. – Я принимала участие в расследовании. Мы чуть не прижали его. Я одна из потенциальных жертв. Боюсь, что... Понимаете, мне необходимо знать, где он! – Ее голос вдруг дрогнул.

– Это наш пациент. Не заключенный. – Врачиша направила на Сашу стальной взгляд. – Что, на самом деле, вы хотите узнать?

– Мне надо с ним поговорить.

– Это ведь вы – Милена, правда?

– Что, простите?

– Его любовница. Это из-за вас он заболел.

Саша не ответила, чувствуя, что заливается румянцем. Это ее разозлило.

– Он был моим пациентом, – продолжала тем временем психиатр. – Я знаю все о вас обоих.

– О нас? – фыркнула Саша. – Не было никаких нас. Он похитил меня и удерживал силой.

– Не кричите, пожалуйста, – успокоила ее Прус жестом милостивой государыни. Залусская тут же пожалела о своих словах. Ей уже не хотелось никакого противоборства. Мало того что она приехала зря, так ее еще и унизили. К тому же теперь она знала меньше, чем до поездки. Отвратительно сдержанная и вежливая Прус тем временем продолжала: – Я была его лечащим врачом в течение нескольких лет. Можно сказать, с того самого момента, как он оказался у нас. И уверяю вас, что ничего, кроме глубокой депрессии и посттравматического стрессового расстройства у него не диагностировано.

– Значит, все ошибались, а вы, вне всяких сомнений, правы.

– Этот человек не страдает психическими расстройствами, – подчеркнула Прус. – Это совершенно точно. Он даже не «пограничник». Это приятный молодой человек, которому сейчас требуется поддержка, а не обвинения.

Саше захотелось плакать. Водка, ликер, вино, самая дешевая бормотуха, промелькнуло в голове. Она чувствовала приближающуюся панику. Ехать домой? Ждать там дочку? Или, может, сразу забрать ее с Крита и улететь в Шеффилд? Она была уверена: если он на свободе, то непременно захочет увидеть дочь. Ведь он знает о ее существовании. Никто и ничто не помешает ему в поисках. Не исключено, что он уже поджидает их у подъезда в Сопоте. Саша была раздавлена.

– Тем хуже, – сказала она, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, но у нее это не очень получалось. Ее просто трясло от бешенства. Немедленно припомнился вино-водочный магазин, который она проезжала по пути сюда. Всего несколько минут дороги. Но она подавила эту мысль, словно твякающего не по делу пса. Ей необходимо было говорить. Это был способ подавить тягу к спиртному. Лишь бы не напиться. Она снова повысила голос на несколько тонов. – Потому что это означает, что все преступления он совершил абсолютно сознательно, и мы имеем дело с психопатом. Дело надо возобновить и предать виновного суду.

– В таком случае вам тоже пришлось бы ответить за свои действия, – бесстрастно процедила Прус. – Вы перестарались. Отправили на тот свет трех женщин. Все погибли. Преступ-

ник до сих пор не пойман. Лукас рассказывал мне. Откуда нам знать, не сотрудничали ли вы с настоящим убийцей? Пусть неосознанно.

Саша с трудом сжала губы, чтобы не сказать ничего такого, о чем потом придется пожалеть. Она была поражена как наглостью докторши, так и ее информированностью. До сих пор это была строжайшая тайна. Никто – ни профессор Абраме, ни родственники Залусской – не знал стольких деталей операции «Дюймовочка». О том, что Саша тоже значилась в списке подозреваемых, были осведомлены только она сама, Дед и Поляк. Последнему она призналась в этом в постели. Ее тоже хотели упразднить. Она узнала об этом и потому заключила союз с Лукасом. Они были в одинаковом положении. Парадоксальным образом пожар спас ее от обвинений. Дело замяли, потому что на Красного Паука у них не было ничего существенного. Они даже не знали, не передавала ли ему Дюймовочка секретные данные. Была и такая гипотеза. Правда, совершенно секретная и неподтвержденная. А теперь, после стольких лет, эта тайна готова стать городской легендой этого захолустья. Достаточно, что докторша на каком-нибудь званом обеде расскажет историю как профессиональный анекдот. Саша не могла этого вынести и вовсе не хотела доставлять собеседнице удовольствие понять это. Единственное, что ей оставалось, – не позволить, чтобы Прус увидела, какое огромное впечатление произвели на нее эти слова. Поэтому Саша звонко рассмеялась, как от доброй шутки. Прус недоуменно замерла, после чего вдруг резко заявила, что очень спешит. Докторша принялась быстро складывать бумаги в элегантную сумку и наводить порядок на столе, явно не собираясь продолжать разговор. Красавица Боттичелли превратилась вдруг в чудовище Босха.

– Насколько мне известно, против Лукаса не было возбуждено уголовное дело и, тем более, не проводилось судебное расследование, – отрезала она.

Саша прищурилась. Она была уверена, что Прус, несмотря на отвлекающие маневры, заметила ее страх. Это профессионал, причем хороший. Ничего удивительного. Исследование человеческих реакций – ее работа, она специализируется в этом. Мяч опять был на ее стороне. Пани доктор снова вытаскила документы Поляка и с любопытством их перелистывала.

– То, что вы говорите, является для меня новостью, – флегматично и высокомерно начала она, чтобы еще сильнее разозлить Сашу. Она поняла, что ее панцирь равнодушия действует профайлеру на нервы. – Однако не беспокойтесь, пожалуйста. Хотя я и знаю, кто вы, и располагаю достаточным количеством данных о вашем коротком, но бурном романе, это является врачебной тайной и ею же останется. Но вы, наверное, догадываетесь, почему я решила посвятить вам время в свой выходной день? Сочувствие. Только это. Сейчас единственное, что я могу посоветовать, – это встретиться с Лукасом. Вы должны с ним откровенно поговорить. Выяснить отношения, привести в порядок мысли. Это же не черт с рогами. Если будет необходимость, я могу поучаствовать в качестве примирителя. У меня есть опыт в бракоразводных процессах. – Она засияла, как телеведущая программы «Доброе утро».

– Ничего другого я и не хочу, – соврала Саша и трагически рассмеялась. – Его адрес или телефон очень бы мне помог.

Докторша не отреагировала, изображая равнодушие, но это у нее плоховато получалось. Она вся сжалась и прикусила губу: явно нервничала, причем сильно. Саша внезапно почувствовала себя лучше.

– Вам так не кажется?

– В этом, к сожалению, не могу помочь.

– Чудесно, – усмехнулась Залусская. – Я гоняюсь за ним, след в след, и, когда наконец почти нахожу, оказывается, что вы его выпустили и советуете мне искать ветра в поле. Если бы я знала, что он выписывается, то не дурила бы себе голову, а свалила бы в Антарктиду, например.

Прус смерила ее взглядом, но от комментариев воздержалась.

– Если бы он пожелал оставить свой адрес, вы бы его уже знали.

– Интересно, каким образом.

– Ведь вы получили письмо.

– Письмо?

– Перед выпиской Лукас написал вам письмо и выслал его на адрес полицейского управления в Гданьске. Вы ведь там работаете, не правда ли? А может, это был все-таки домашний адрес? – Прус сделала вид, что не помнит.

Саша с трудом отошла от шока. Она была уверена, что, если бы такое письмо действительно пришло, Духновский наверняка передал бы его ей. Но ее обеспокоило не это.

– Он знает, где я работаю? Живу? Он сам высылал это письмо?

Прус подтвердила и закрыла сумку.

– Имея знакомых в полиции, совсем не трудно найти нужное отделение.

– Много же вы обо мне знаете. – Саша изменила стратегию и перешла в наступление. – Очень много. Что это за увлечение – копаться в чужих делах? У вас хватает на это времени?

– Это моя работа.

– Совсем наоборот, – возразила Залусская. – Это вовсе не профессиональный интерес. У меня вот, например, нет личной жизни. А у вас?

Прус побледнела.

– Постыдитесь.

– Просто я в этом разбираюсь и тоже погружаюсь в дела, которыми занимаюсь. За это можно расплатиться серьезным помешательством. Вы согласны?

– Считаю, что ваш визит исчерпал себя, – заявила Прус, но Саша лишь поудобнее расположилась на стуле. Происходящее начало ее забавлять. Было интересно, как именно докторша ее выставит. Позовет охрану или примется кричать? Скорее, первое. Это тип человека, разгребającego жар чужими руками. Классическая психопатка. Через год она либо станет здесь директором, либо перейдет в другое, более престижное учреждение.

– Вы ведь ждали меня, – вдруг сказала Саша. – Признайтесь.

Докторша даже не взглянула на нее, считая равнодушие во время неприятных разговоров самым серьезным оскорблением. Для Саши же это был ответ на ее вопрос. И ответ положительный. Они обе это знали.

– И что? Вы меня такой и представляли?

– Не совсем. Я думала, вы выглядите моложе.

– Мне жаль, что разочаровала.

– Старение – это естественный процесс. Не всем дано приостановить его.

– Значит, именно это не дает вам покоя? Довольно мелко для человека вашего уровня, – с удовольствием бросила Саша. – Не ожидала. Кривоватый фуэте.

– Что-то еще? Я спешу. – Прус легко проглотила оскорбление.

Папка с историей болезни Поляка все еще лежала на столе. Докторша не собиралась никуда ее убирать, и, скорей всего, она так и останется лежать на этом месте. Саша не могла в это поверить. Любая уборщица может заглянуть внутрь в любой момент, а ей, заинтересованному лицу, видите ли, запрещено.

– Моя фамилия не упоминается на официальном сайте. Я не дала на это согласия, – подчеркнула она. – Кто помог ему найти меня?

На лице Прус проявилось искреннее удовольствие.

– Может, я, а может, кто-то другой. Какое это имеет значение? Вы перегибаете, ведете себя как брошенка. – Она резко прервалась, словно опомнившись, и опять надела маску профессионала. – Вы не отработали свою травму. Бойтесь встречи с прошлым. Зачем смешивать это с уголовными делами и какими-то киношными убийцами? Я говорю это вам чисто по-человечески, как женщина женщине. Чего вы хотите на самом деле? Вы его еще любите?

– Я перегибаю?

Саша вспомнила тела убитых женщин, их выпотрошенные чрева. Ужасающие посмертные позы, в которые извращенец укладывал трупы. Переодевал, мыл, расчесывал. Все из любви к искусству. Для пушного эффекта он фотографировал трупы с большой высоты. С такого расстояния, выложенные на траве, песке, в цветных платях либо обернутые пленкой мертвые девушки напоминали абстрактные картины. Например, та, самая молодая, выловленная из воды и закутанная в рыбацкую сеть ярко-розового цвета. При рассмотрении с близкого расстояния поражала его жестокость, издалека – восхищала эстетика. Красный Паук жаждал славы. Он был рабом собственной праздности. Написание писем, рассылка фотографий... Ему хотелось, чтобы о нем говорили, но он этого так и не добился. Большую часть подробностей удалось скрыть от СМИ, поскольку жертвами чаще всего были проститутки. Никто их не разыскивал, не требовал довести следствие до конца. Личности нескольких жертв так и не удалось установить.

С двумя из этих женщин Саша была знакома лично. Они тусовались по клубам в поисках клиентов. И это были не какие-нибудь притоны со стриптизом. Хорошие рестораны, модные дискотеки, элитные клубы и отели с магнитными карточками вместо ключа. Несколько студенток ей удалось спасти. Но они никогда не пойдут в прокуратуру и не расскажут, что пережили, потому что тогда следовало бы сообщить суду и то, что помимо менеджмента, химии или лингвистики они изучали и *ars amandi*⁶. Лидка Врона тоже принадлежала к этой элите. Сегодня проституция класса люкс называется спонсорством, и даже матери многих девиц не считают это чем-то постыдным. Под фонарями стоят только девушки, находящиеся в безвыходном положении. Из неблагополучных семей, с финансовыми проблемами, одинокие, но при этом с внебрачными детьми или сожителем-бандитом. Таких, если они пропадают, особенно и не ищут. Никто по ним не горюет. Так это и было с тремя последними, например. Родственники не расклеивают объявления на всех столбах. Отцы жертв не жаждут мести. Ну пропала, ну уехала на Запад, нашла место получше, сбежала от сутенера, для которого отсутствие новостей – тоже хорошая новость. Одним ртом меньше. Наверное, много болтала.

Лидка Врона была единственной, чья история получила огласку. Студентка из приличной, хоть и неполной семьи. Кружок подружек на манер «Секса в большом городе». Ни одна из них даже не заикнулась о том, что Лидка тоже была потаскушкой, пусть класса люкс. Саша знала ее. Лидка была помешана на брендовых вещах, она издалека распознавала мужиков при деньгах. На ловца и зверь бежит. Никто лучше Саше не знал, на какие сбережения Лидка купила матери квартиру. Врона была последней. После нее наступило затишье. До недавнего времени Залусская думала, что психопат не убивает, потому что находится под замком и не представляет никакой опасности для общества и других Лидок. Сейчас, когда он на свободе, все изменится. Она была почти уверена.

– Теоретически – возможно, что и перегибаю, – очень спокойно признала она. – У меня не все в порядке с головой, забыла сказать с самого начала.

Сунув руки в карманы, она сжала в ладони пачку сигарет и слегка усмехнулась. Нет, она не доставит докторше такого удовольствия. Не закурит, игнорируя запрет. Но зато она точно знала, что сделает, выйдя из этой богадельни. Купит бутылку и выпьет из горла столько, сколько влезет. Ей был необходим наркоз. Лишь подумав об этом, она сразу почувствовала себя намного лучше. Мозг навсегда запоминает состояние алкогольного забвения. Сию секунду появилось чувство свободы. Теперь уже все ясно. Докторша с самого начала была настроена против нее, переломить ее мнение было невозможно, и теперь абсолютно ясно, что она играет на стороне симпатичного пациента. Залусская понимала ее. В свое время и она капитулировала перед очарованием Лукаса. Психопаты умеют быть обаятельными. Мягко стелют, манипулируют. При необходимости надевают маску невинного барашка. Она знала это по собственному

⁶ Искусство любви (*лат.*); синоним эротического искусства.

опыту. Докторша стала одной из жертв его обаяния, хотя пока не отдавала себе в этом отчета. Он все еще использовал ее как алиби, и возможно, она останется жива до тех пор, пока будет ему полезна. К тому же ее возраст не вписывается в стандартный профиль его жертвы.

– Я рада нашему согласию. – Прус встала, дав понять, что встреча окончена.

Саша не отреагировала. Она по-прежнему сидела на своем месте без движения.

– Разговор с Лукасом, возможно, развеял бы все мои сомнения. – Она легко вошла в роль хорошо подзаправившейся джином Сашки восьмилетней давности. В таком состоянии она могла моментально превратиться из милой и спокойной дамы в агрессивную хищницу. На этом базировалась ее работа под прикрытием. Она тоже в некоторой степени была психопаткой, что, откровенно говоря, подтвердили психологические тесты. Из семнадцати тестовых черт у нее наблюдались десять. Поэтому она и была когда-то прекрасным агентом под прикрытием и очень хорошо понимала тех, кто находился по ту сторону. – Когда я наконец найду его адрес, то спрошу, сколько раз он представлял себе, как душил, насилует любимого доктора, разрезает этот плоский живот с пирсингом в пупке от лобка и по солнечное сплетение.

Прус вздрогнула.

– Может, он еще воспользуется вашим телом, – продолжала Залусская, фальшиво упинаясь своей фантазией. – Оно будет еще теплое. Человек ведь не так уж быстро остывает после смерти. Потом он моет, переодевает и укладывает тело в желаемой позе, такой, которая подходит к всему пазлу. Вам наверняка достался бы образ нагого пажа королевы.

Магдалена Прус подошла к Залусской. Взглядом заставила ее встать. Она была того же роста, что и Саша, но, благодаря каблучицам, казалась выше сантиметров на пятнадцать.

– Это вы должны лечиться, – уверенно заявила она. Легкий румянец на ее щеках превратился в красные блины. Саша раздумывала над тем, сколько операций перенесла докторша, чтобы так молодо выглядеть. Делала ли она круговую подтяжку, колет ли ботокс в лоб, и подштопано ли у нее за ушами. Может, поэтому ее лицо не выдает почти никаких эмоций. И дело тут вовсе не в сильной психике, а в банальном колбасном яде? Тем временем Прус слегка повысила голос и отчеканила: – До тех пор, пока ничего не произошло, нет повода для паники. Пан директор позаботился о том, чтобы пациент раз в месяц являлся на контрольные осмотры. Их провожу я. А значит, – она слегка запнулась, видя издевательскую усмешку на лице Сашы, – все под контролем.

– Значит, вы все-таки испугались. – Залусская опять была серьезна. Она успокоилась, благодаря воспоминаниям о состоянии опьянения. Во рту явственно ощущался вкус джина, в ноздрях – запах можжевельника, несмотря на то что это был лишь мираж. Но она чувствовала, как горячая жидкость проходит через горло, успокаивая гортань. Саша очень неохотно отогнала это воспоминание и прошептала: – Потому что точной, стопроцентной уверенности в том, что я не права, у вас нет. Вам известна его версия. Вы хороший врач, но криминалист здесь я. И ручаюсь вам, что в следующий раз появлюсь здесь со всеми возможными разрешениями, и тогда мне не придется выпрашивать у вас документацию.

– С разрешением вы получите всю документацию.

Прус протянула руку для прощания.

Саша неохотно пожала ее. Но когда докторша хотела забрать руку, Залусская сжала ее, как в тисках.

– Где он?

Прус испуганно заморгала.

– Где?

– Не знаю, – соврала докторша.

– Конечно, знаешь, красавица. – Залусская улыбнулась.

Саша была уверена, что, как только она выйдет, докторша сразу же позвонит своему любимому пациенту. Она чувствовала, что их отношения намного ближе, чем это предполагает

врачебная этика. Но Прус ни за что не призналась бы в этом. Да и документы были наверняка в полном порядке. Такой же порядок царил на ее столе, в сумке и машине, которую она – Залусская была уверена, потому что с самого начала подспудно профилировала собеседницу, – отдавала в ручную мойку как минимум раз в неделю. Животных не держит. Если и есть ребенок, то один, дошкольного возраста. Занимается им свекровь или платная нянька. Но, скорей всего, детей нет. Муж, видимо, занимает в городе какую-нибудь статусную должность. Советник или юрист. Спят по разным спальням. Если бы с сексом все было в порядке, то она держалась бы свободнее. А потребности – будь здоров. Наверняка есть любовник, возможно, даже не один, а несколько – случайных. Она значительно превосходит их интеллектом, поэтому втюхивает им байки о полиамории. Скорей всего, это пролетарии. Только простой работяга в состоянии подчинить ее. Однако пани доктор не доводит отношения до стадии привыкания, поскольку боится близости и демонстрации себя настоящей. В общем, все суперпрофессионально. Создала себе имидж ходячей добродетели. Миссионерский тип. В этом ее слабость. Саше следовало по-другому провести эту беседу. Теперь уже поздно. Слишком агрессивно сыграла, не теми картами. Надо было гнуть в сторону сочувствия, спрятать гордыню. Позволить доктору почувствовать себя нужной, сочувствующей, незаменимой матерью Терезой, заступницей угнетенных. Холера, выругалась Саша про себя. Опять упустила шанс. Причем безвозвратно.

– Я не прошу точный адрес. – Она чуть ослабила хватку. – Скажите город. В каком районе Польши мне его искать?

Женщина выдернула кисть из руки Саши, встряхнула ею, словно вляпалась в какую-то гадость. Залусская давно не чувствовала себя настолько уверенно. Пришлось сию секунду сменить стратегию.

– Пожалуйста! – Она состроила самую жалостливую из всех возможных мин. – Только вы можете мне помочь.

– Он здесь, – прозвучал ответ.

– В Хайнувке?

– Такой адрес временного пребывания он сообщил нам при выписке. – Прус повернулась. Вырез платья в бабочки оголял часть ее идеальной спины. На левой лопатке виднелась татуировка в виде готовой к нападению кобры с высунутым языком. – До свидания.

* * *

Лейтенант Пшемислав Франковский по прозвищу Джа-Джа⁷ вошел без стука в кабинет начальника. Кристина Романовская сидела за столом в расстегнутом кителе и заканчивала красить ногти. Джа-Джа осторожно поставил перед ней коробку без крышки. Внутри находился пакет с эмблемой популярного супермаркета.

– Ночной дежурный нашел это под дверью.

Кристина растопырила пальцы. Черный лак тона «Ночь в Каире» был слишком свеж, чтобы рисковать им, прямо сейчас залезая в посылку.

– Помоги, а то испорчу, – попросила она.

Несмотря на то что Кристина могла уже давно уйти на пенсию, фигура ее была по-прежнему идеальна. Джа-Дже было известно, что она ежедневно пробегает по несколько километров. К тому же у нее был черный пояс по карате. Раз в год она ездила на сборы в Центр японских единоборств «Додзё» в Старой Деревне. Куриные лапки вокруг глаз только придавали ей обаяния. Стриглась она коротко, по-мужски. Не носила никакой бижутерии, кроме водонепроницаемых часов на кожаном-пластиковом ремешке с функцией измерения пульса и фонариком. Это он подарил ей их, еще в годы супружества.

⁷ Джа-Джа – распространенное арабское имя, которое носили многие террористы.

Недовольно хмыкнув, он все-таки раскрыл пакет. Пани комендант нагнулась и заглянула. Внутри был человеческий череп и фрагменты костей. Несколько веток, мох, листья. Все перепачкано землей.

– Недавно откопали, – предупредил вопрос Джа-Джа. – Я отправил людей поспрашивать в лесничестве и рыболовных обществах. Пока ничего стоящего. Лесники прочесывают сантиметр за сантиметром.

Романовская одобрительно кивнула. Она с трудом сохраняла спокойствие. Лицо ее побледнело, она кусала узкие губы.

– Отправь это на экспертизу. Ты же знаешь, что делать.

– Бегемот уже просмотрел содержимое и сам пакет тоже. Взял биоматериал с ручек пакета, но шпатель должен высохнуть. Надо переслать это по спецпочте судебным медикам. Может, в лаборатории что-нибудь обнаружат. Мы сделали все, что могли.

– Прокурору сообщили?

– Я за этим и пришел.

– Очень хорошо. – Она протянула руку к пакету. – Оставим это на понедельник. Пока у нас и без того есть чем заняться.

Джа-Джа после некоторых колебаний отдал пакет. Взглянул на дверь, чтобы убедиться в том, что она закрыта. Одет он был в гражданское. Черная футболка не скрывала его рельефную мускулатуру и многочисленные татуировки. Гладкая лысина блестела от пота. Он поправил очки в роговой оправе, многозначительно откашлялся и переступил с ноги на ногу.

– Что-то еще, Джа-Джа? – вежливо спросила Кристина, начиная покрывать ногти очередным слоем «Ночи в Каире».

Он покачал головой.

– Я же вижу, что тебя что-то беспокоит.

– На этот раз надо что-то делать.

– О чем ты? – Она плотно закрыла пузырек с лаком. – Протокол составлен, следствие идет. Есть видеозапись, не так ли? Доброжелатель будет найден. Чего тут хитрого?

Джа-Джа сделал неопределенное движение головой. Они оба знали, что дело не в следственных действиях.

– Если бы я имел право решать... – начал он и замолчал.

Они молча смотрели друг на друга. Кристина догадывалась, что хочет сказать Джа-Джа. Тема была не нова.

– А ты все о том же, – вздохнула она. – Что это вроде связано со свадьбой? Ты держишь меня за идиотку?

– А что, не связано? – оживился полицейский. – Когда Бондарук объявил о свадьбе, дети нашли первую голову. Под утро, в костре на Пионерской Горке. Мы до сих пор не знаем, кто ее подбросил. Ты не видела, что творилось в городе, потому что как раз была в «Додзё».

– Почему, я прекрасно помню, так как находилась на связи. Ты опять хочешь посеять в городе панику? Чтобы к нам понаехали из областного управления? Сейчас? Когда из-за этой чертовой свадьбы у меня и без того не хватает людей?

Джа-Джа не отступал.

– Я присутствовал там, в отличие от тебя. Мы прочесывали лес. Собаки, вертолет, все было. Нашли могилу времен войны. Люди не унимаются, требуют очередной эксгумации. Им не нравится, что жертвы погрома Бурого⁸ похоронены на католическом кладбище.

⁸ Ромуальд Райс, псевдоним Бурый, – польский офицер, командир 1-й штурмовой команды 3-й Вильнюсской бригады Армии крайовой (1944 г.), командир 2-го эскадрона 5-й Вильнюсской бригады Армии крайовой (1945 г.), командир 5-й Вильнюсской бригады (1945–1946 гг.).

– Сейчас вот все брошу и побегу в Институт национальной памяти бороться за православных, – усмехнулась Кристина и вознесла очи горе. – Вот-вот начнется встреча всех шишек в «Царском». Будут советники, мэр и все остальные. Мне надо там быть и держать хребет прямо, а ты мне тут о Второй мировой. Свадьба сейчас в приоритете. Есть вещи важные, а есть срочные. Ты никогда не умел их различать. Не говоря уже о том, что мы обеспечиваем охрану во время массовых гуляний. Мы ведь даже не знаем возраст этой головы. Современная она или нет. – Она указала на картонку.

– Не знаем, – согласился Джа-Джа. – Но если первая находка могла быть случайной, в чем я очень сомневаюсь, то вторая оказалась под нашими дверями именно сегодня. – Он замолчал, а потом отчеканил: – Люди болтают всякое. Опять всплыло дело Ларисы Шафран. Ничего удивительного. Клиента так и не привлекли к ответственности.

– В те времена боссом здесь была не я. Подай жалобу Старому. Это недалеко, достаточно перейти на другую сторону улицы.

– Не премину, – заявил Джа-Джа. – Вот только что он сегодня может?

– То же, что и раньше.

– Значит, ничего. Мы оба знаем, как все это работает. Сейчас ты здесь главная и можешь все. Мне уже надоело ходить на поводке у Очкарика.

– Найди труп Ларисы, и я сразу вызову людей из областного.

– А может, это она и есть? – Джа-Джа указал на коробку, но, видя мину Кристины, тут же сменил тему: – Блажей чуть не обделался. Молодой еще. Слишком молодой для этой должности.

– Куда уж моложе! Тридцать семь годков перечнику! – взбесилась Кристина. – У меня нет никого ниже дежурного офицера. Ты в его возрасте уже был при малолетках, а чуть позже пошел по курвам.

Франковский закатил глаза.

– Как ты выражаешься!

– А что? Я тоже работала с бытовухой.

– Я всегда утверждал, что ни к чему всей семье работать в одном участке.

– А, так вот в чем дело? Мне перевестись? – Она повысила голос. – Можешь валить, если что-то не устраивает. Скатертью дорожка.

– Я не об этом, Крис.

– Тогда о чем? – Она была уже основательно раздражена. – Цепляешься, нервы треплешь, вот что я тебе скажу. Если это Лариса, мы узнаем об этом первыми. Вот тогда и будем думать. И нечего делить шкуру неубитого медведя.

– Завтра свадьба Бондарука. Кто-то должен присматривать за ним. Это касается непосредственно его самого. Весь город знает об этом. Надо хоть раз постараться.

Кристина сдалась. Ей надоело постоянно доказывать свою компетентность. Они все время топтались на месте. Проблема состояла в том, что, хотя все быстро освоились с назначением Романовской на должность начальника городского управления, ее бывший муж по-прежнему относился к ней, как к своей маленькой Крис. И каждый раз объяснял и разжевывал очевидные вещи.

– Знаю. – Она применила тактику ученицы, докладывающей мастеру, это всегда работало. – Еще немного, поверь мне. А пока давай сделаем все наоборот. Я получила конкретные указания от руководства. Уже назначены четыре человека. Они будут по гражданке, при стволах. Дополнительно, знамо дело, патруль по всей форме. Повышенная осторожность. С его головы даже волос не должен упасть.

– Ты серьезно? – вскипел Джа-Джа. – Я еще и охранять должен эту сволочь? За государственные деньги?

– На сегодняшнем совещании я дам окончательные указания. Если ты с чем-то не согласен, озвучишь при всех. Поддержу, в чем смогу. Договорились?

Франковский почувствовал свою важность.

– Но ты остаешься в городе, – поспешно добавила она. – Участок должен быть под надежным командованием.

– Как это? – Джа-Джа не скрывал разочарования. Он чувствовал себя исключенным из самой интересной игры. – Почему я должен остаться?

Кристина встала и подошла к нему ближе.

– Джа-Джа, – начала она очень спокойно, словно обращалась к ребенку. – Ночью все будут в Беловеже. Мне тоже надо там быть. Поверь мне, так будет лучше. У меня нет никого, кому я доверяла бы так, как тебе. Мало ли, что может случиться.

Он скривился для порядка, но Кристина чувствовала, что ей почти удалось успокоить разъяренного быка.

– Завтра ты будешь здесь шефом, – сказала она.

Повисла пауза.

– Классно! – воскликнул он, притворяясь обиженным. – Буду шефом, дежурным, патрулем из одного человека и, может, еще нянькой для дитяти?

– Как ты догадался, что я собираюсь оставить тебе Блажея?

– Крис!

Она растянула губы в лучезарной улыбке.

– Шучу. Бери себе Супричинского. На него можно положиться.

Это решило вопрос. Джа-Джа ценил Супричинского. Причем симпатия была взаимной. Молодой полицейский смотрел на Джа-Джу словно бабульки на икону Почаевской Богоматери. Кроме того, от нечего делать с Каролом можно было побеседовать о музыке. Парень играл в группе регги, а у Франковского тоже когда-то был свой коллектив. Завтрашний вечер в Хайнувке обещал быть спокойным. Весь город отправится в Беловежский амфитеатр. Поэтому пусть кто-нибудь другой занимается выскиванием алкашей по кустам, ведь деревянный магнат пригласил на свою свадьбу всю округу. Любой желающий мог явиться на банкет, охочих до дармовой жратвы и выпивки будет предостаточно. Уже вчера к подготовленным кострам начали свозить выпотрошенных свиней, народный хор репетировал свадебные песнопения, а местная пивоварня «Желтая собака» установила свою цистерну между палатками на огромном поле, на котором, собственно, и предполагалось проведение завтрашнего торжества. Ожидались толпы, как на Грабарке⁹ в Спас. Тем более что ходили слухи, что прием для особо важных гостей почтит своим присутствием Алла Пугачева. Вроде как Бондарук пригласил ее по просьбе будущей тещи, давней фанатки дивы. Алла исполнит свои шлягеры в Ягеллонском амфитеатре, на единственной в Восточной Европе зеленой сцене под открытым небом.

– И, по крайней мере, тебе не придется охранять этого, как ты говоришь, старого козла. То есть жениха.

– А это? – Джа-Джа указал на пакет.

– Какое-то письмо, записка? Что-то еще, о чем мне следовало бы знать?

– Ничего. Как и в прошлый раз.

– Неудивительно. Половина черепа слегка обожжена. Но пакет новый. – Кристина внимательно посмотрела на упаковку и состроила мину глуповатой дамочки. – Может, он работает в этом магазине?

– Очень смешно, Крис, – возмутился Джа-Джа и добавил: – Я бы раздул это дело. У нашего города есть уши, надо воспользоваться этим.

⁹ Грабарка – Горá Крестóв Грабáрка – православная святыня и место крестного паломничества в Польше.

– Может, хватит уже?! – запротестовала Кристина. – Больше работы будет со всеми этими доносами, чем с самим делом.

– Пусть болтают и работают на нас. В конце концов суть выйдет на поверхность, а шумиха только поможет в этом.

– Не сейчас! – возразила главная. – Кто будет отвечать на все эти звонки? Ты? Я? Кто будет разбирать имейлы всех этих придурков? Агнешка Влодарчик вот-вот родит. У меня нет денег на дополнительную ставку для телефонистки.

– Все равно сохранить это в секрете не получится. Уже и так все кипит. Достаточно сходить на Рубль-плац.

– Трепло будет трепаться, так или иначе. А пока я отказываюсь от каких-либо заявлений на неопределенный срок, – отрезала Кристина. – Он только этого и ждет. Его-то мы и должны найти. Того, кто это сделал.

– А почему того, а не ту, например?

Пани комендант признала, что он прав.

– Ты думаешь, что обе головы нам подобрал один и тот же человек?

– Может... – запнулся Джа-Джа, – он хочет нам этим что-то сказать.

– Тебе в кино надо работать, – пробормотала Кристина. – И что же он нам хочет сказать? Есть гипотезы?

– Если б я знал, – пожал он плечами. – Что-то.

Оба посмотрели на пробковую информационную доску, на которой кнопками были прикреплены объявления, военная карта города, фотографии пропавших без вести, преступников в розыске и счет судмедэксперта, специалиста по антропологической реконструкции. На одном из снимков был фоторобот женщины в старомодном парике. Вряд ли на его основании можно было опознать живого человека. Рядом висело некачественное фото подгоревшего черепа, на основании которого проводили определение возраста находки. Эксперт из познаньской Медицинской академии содрал за услугу кучу денег, при этом не слишком постарался либо попросту оказался бездарен. Однако он сделал экспертизу намного быстрее, чем варшавская Центральная криминалистическая лаборатория, потребовавшая год, а то и два. Выкладывая полученные фотографии в соответствующую международную базу, они рассчитывали на чудо. Но чуда не произошло. У них не было ни единой правдоподобной версии.

– Ладно, раз уж ты так уперся, напиши имейл наверх, – распорядилась Кристина. – Будет чем прикрыть задницу, если что. Со всем остальным подождем до понедельника. Может, удастся протянуть неделю-другую. Все равно ведь никто не пришлет к нам спецгруппу ради какого-то старого черепа. Тем более что мы это уже проходили.

– Отличная стратегия, босс, – усмехнулся Джа-Джа. – То, что надо было сделать вчера, оставь на завтра. Может, дело решится само по себе или забудется.

– Держи при себе свои злобные замечания, – спокойно отрезала Романовская. – А если выйдет, что это жертва банды Бурого? Нас заставят платить за экспертизы, и будут еще год стонать, что мы выносим им мозг послевоенной чушью. Сначала разберемся со свадьбой Бондарука, потом займемся головой.

– Свадьба продлится с неделю. Ты же знаешь, как оно бывает. Это белорусская фиеста. Фольклорный бизнес по максимуму. Все хотят примазаться и подзаработать. И что, ждать столько времени?

– Джа-Джа, понедельник уже послезавтра. Не в следующей пятилетке.

– Что ж, если босс так считает...

– Именно так. И отвечаю за собственные решения, – подтвердила она. – Сегодня отправляю туда почти весь состав. По договору с беловежским участком, будем сотрудничать с ними. Ты остаешься на хозяйстве. Что мне еще сделать? Разместить черепашку на Фейсбуке?

– Не помешало бы. – Он криво улыбнулся. – А может, просто прижать Бондарука? Я бы с удовольствием занялся престарелым женишком.

– Я запомню.

– Он знает, кто роет ему яму.

Романовская издевательски засмеялась.

– Почему он не исповедовался тебе в двухтысячном, когда убрали его женщину? Ведь ты лично допрашивал его в больнице. Я хорошо помню.

– Потому что он хотел быть чистеньким, не запачкаться. Усыновил ее ребенка. Весь такой белый и пушистый.

– Ты точно наслушался этих торгашей на Рубль-плацу. – Кристина махнула рукой. – Иди уже. Мне надо переодеться. Не ехать же на званый обед в форме.

– Почему бы и нет? Хорошо выглядишь.

Кристина метнула в него испепеляющий взгляд.

– Мне кажется, что это современный череп. – Он нажал на дверную ручку, дверь приоткрылась. – Увидишь.

– А ты прям знаток...

– Если бы я был здесь боссом, то выдал бы совершенно другие распоряжения, – подчеркнул Джа-Джа и указал на пакет с черепом. – Мужик несколько лет назад подозревался в убийстве жены.

– Числился среди подозреваемых по делу об исчезновении, – поправила главная.

– Наглое похищение.

– Не стрелял же он сам в себя. Баллистик исключил это. Не было ничего, кроме звуков выстрелов. «Мерс-очкарик» словно сквозь землю провалился вместе с Ларисой. Был да сплыл. Если бы самого Бондарука не подстрелили, не осталось бы никаких следов произошедшего.

– А может, именно след того происшествия нам и подбросили сейчас?

– То же самое ты говорил, когда нашлась первая голова, – взбесилась Романовская и кивнула в сторону суперфоторобота с пробковой доски. – И что оказалось? Что это некая НН. Никакой связи с Бондаруком. Мы так и не узнали, кто это был.

– А я при чем, если антрополог напортачил. – Джа-Джа пожал плечами. – Кто может опознать такого гуманоида? Разве что какой залетный с Венеры или альфы Центавра.

Он слегка встряхнул коробку, словно в ней были елочные шарик.

– Это останки. Старая это голова, новая ли, по-любому это человеческий прах. Мы имеем дело с убийством, поэтому все процедуры должны соответствовать требованиям устава. А ты приказываешь мне охранять убийцу и еще недовольна тем, что я сопротивляюсь.

– Джа-Джа!

Однако он не унимался.

– Меня бесит, что все прямо на голове стоят. Трясутся, что бы не допустить покушения, как будто это он здесь жертва. Я должен следить за порядком, чтобы не подпортить статистику. Тебя же не интересует правда! Преступник убивает и запросто уходит от ответственности. Все ходят перед ним на полусогнутых, как будто он, курва, Рокфеллер какой! А это простой мужик из Хайнувки. Любой следак из другого региона сразу бы разглядел, что все это белыми нитками шито.

– Предоставь мне доказательства.

– А тебе лишь бы тихо. Каков командир, таков и порядок! И правда тебе до одного места.

– Правда? С Рубль-плаца? Ее и прикажешь представить как официальную гипотезу?

Романовская встала. Лак уже высох, можно было привести в порядок бумаги на столе. Она с треском захлопнула лежащее перед ней дело. Сминая ненужные записи, выбрасывала их в корзину. Ясно было, что разговор вывел ее из себя, и, чтобы не взорваться, она пыталась таким образом успокоиться. Бывший тем временем подлил масла в огонь, решительно заявляя:

– Если на нас натравят проверку сверху, то объясняться придется тебе. Ты хоть и начальник, но пока только и. о., в любой момент могут и подвинуть. Лучше особо не привыкай.

Он отвернулся, собираясь выйти, но этого заявления Романовская оставлять просто так не собиралась.

– Я не просилась на эту должность, – прошипела она, после чего стала постепенно повышать голос. Джа-Джа поспешил захлопнуть дверь и привалился к ней спиной, чтобы приглушить шум, хотя, вне всяких сомнений, ее крики слышал сейчас весь участок. – Меня на нее назначили, чтобы спасти имидж нашего подразделения. Я единственная непьющая в этой компании. Кроме того, я женщина. Да, это тоже повлияло на выбор. Начальству такое решение показалось разумным, особенно на фоне ваших выходов.

– Наших? – Он состроил невинную рожицу.

Кристина направила на него указательный палец.

– Ты принимал участие в том дебоше. И также мог погибнуть или подстрелить кого-нибудь. Вы не впервые пили на службе. Роман и Анджей тоже не впервые устроили здесь стрельбу. Жаль, что попа не было для полного счастья. Тогда бы вы еще и на тачках покатались. Считаешь, что я не доросла еще? Джа-Джа, пойми, тебя не могли назначить на эту должность. Не сейчас. А с тем, что ты намного больше подходишь на этот пост, – не могу не согласиться. Я лишь сожалею, что ты никак не можешь смириться с тем, что на ступень выше в иерархии стоит твоя экс.

– Крис, да не в этом же дело, – спокойно начал Франковский, но запнулся.

Собственно, ему не хотелось извиняться. Он очень плохо переносил ситуации, в которых ему доставалась роль «олень». Она уже однажды унизила его, разведясь с ним, а теперь еще и выкурила его с должности, на которую он метил и которую ему давно обещали. Он отказался от перевода в областное управление, рассчитывая на то, что займет это кресло, как только оно освободится. Стаж работы в полиции у него был гораздо больше. К тому же он местный, из Хайнувки. Романовская была тут чужой. Это благодаря его стараниям ее когда-то приняли сюда на работу. Старый в любой момент мог уйти на пенсию, а после перевода Домана в Белосток конкурентов у Джа-Джи и вовсе не осталось. Крыську он в расчет вообще не брал. Она же женщина. А теперь, увы, он был ее замом, и это она, его Крис, раздавала приказы. Они оба знали, что Кристина права. Он просто завидовал ей.

– Если для тебя это проблема, то постарайся справиться с ней. – Она закончила дискуссию. – Планерка должна начаться вовремя.

Когда Джа-Джа вышел, она переделалась, потом нашла ключ и впервые открыла несгораемый шкаф Старого. В течение месяца Кристина ничего не трогала в этом кабинете, поскольку не предполагала, что проведет здесь больше чем несколько дней. Но ее утвердили и.о. на неопределенный срок. Шкаф скрипнул, петли не мешало бы смазать. Папок было не много. Воняло горькой настойкой. Кристина распахнула дверцы пошире. Из шкафа выкатились две пустые бутылки. За папками пряталась еще одна, без акцизных марок, полная золотистой жидкости. Романовская тихонько выругалась и поклялась себе, что наведет порядок в этом заведении. Она собиралась показать всем, что достойна должности и намерена усидеть в этом кресле, даже если придется отрыть топор войны с Джа-Джой. Кристина с грохотом выбросила пустые бутылки в мусорное ведро, а полную, с самогоном или домашней настойкой, поставила на подоконник в качестве вещественного доказательства. Проверять содержимое бутылки она не собиралась.

Потом она подняла коробку с черепом. Видимо, пакет был дырявый, потому что дно коробки слегка промокло. Не исключено, что за несколько дней весь кабинет провоняет трупным духом. Вынув пакет из коробки, Кристина вывесила его за окно, хорошенько закрепив, чтобы ветер не унес находку. Проверила еще раз. Узел получился надежный. Коробку она поставила возле урны в коридоре, чтобы уборщица как можно скорей забрала ее. Романовская

собрала разбросанные на столе бумаги и сунула их на нижнюю полку шкафа. Наконец все было в порядке. Шкаф закрыт на ключ. Шифра от кодового замка она не знала, и необходимости в нем пока не было. Вряд ли кто-либо из подчиненных отважился бы копаться в ее сейфе. Кристина достала пистолет из ящика стола и сунула его в клатч, с которым собиралась появиться на свадебном обеде для ВИП-персон в ресторане «Царский». К выходу готова.

– Босс! – в кабинет заглянул ее сын, Блажей.

Так он подтрунивал над ней, когда они были при исполнении. Весь в отца, подумала Кристина. А через несколько лет вообще станет таким же рарогом¹⁰, как и тот. – Звонили из Вельска. Выдан ордер на обыск у Зубров. Кто-то опять закрасил белорусские надписи на дорожных указателях в селе Орел. Говорят, что неделю назад младший Бейнар покупал совковую лопату и заодно прихватил несколько банок голубой краски у Курилюка. Может, это он выкопал череп?

– Возьми кого-нибудь с собой, и поезжайте, – приняв начальственную позу, распорядилась она. – А заодно проверьте, нет ли у них черной краски, кистей, смолы, распылителя и чего-нибудь там еще. На Липовой опять появилась свастика.

– А ордер?

– Если что-то найдешь, будет тебе ордер. А то прокурор опять скажет, что у детей переходный возраст. И без патриотов голова кругом идет. Но просветите их как рентгеном и проверьте, есть ли у Крайнува алиби на сегодняшнее утро. Может, командос опять активизировались?

– Уже все узнал. Он вел уроки и даже устроил детям контрольную по Закону Божьему. Так что не подкопаешься.

Романовская кивнула, очень довольная сыном. Все-таки соображал он гораздо быстрее, чем его папаша. Может, и выйдет из него годный сыщик.

– У меня уже не осталось сил на этого фашиста, – пробормотала она. – Следите не моргая за самозванным комендантом. Завтра могут понаехать всякие на джипах-развалюхах. Хорошо бы избежать демонстрации силы. Если найдешь краски, дай знать. Мэр это обожает.

– Бедненькие белорусы, угнетенное меньшинство, – перебил ее сын. – Ничего, мы их защитим.

– Разговорчики! В таких случаях для полиции открывается доступ к городской казне, а это мы сразу почувствуем в своих карманах... Шагом марш!

Дверь захлопнулась. Романовская села за стол. Немного подумала, потом сорвалась с места.

– Блажей! – Она остановила сына, когда тот уже входил в свой «аквариум», пост дежурного. – Расспроси про лопату. Зачем она ему, что он ей делал. В случае чего приобщи как вещдок. Поищите также маску, темную одежду.

– Темную одежду?

– Такую, в которой был тот, кто припер нам эту голову.

– Но этим занимается Вельск. Мы не уполномочены.

– Значит, договорись с ними. Намекни, что у нас новый череп. То есть старый. Второй. Они поймут, о чем речь. Нам пригодится подкрепление. Но только пока без лишнего шума, не раздувай. Справишься?

– Я буду тверд, как жележный мармелад из супермаркета «Пчелка».

* * *

– Что случилось? – Голос был очень нежным, почти детским.

Саша подняла голову. Видимо, послышалось. Поблизости никого не было.

¹⁰ Рарог – огненный демон в общеславянской мифологии.

Она уже довольно долго сидела на лавочке в больничном парке. Слушала шелест березовой рощи и анализировала безнадежность ситуации, в которой оказалась. Кабинет психиатра она покинула в бешенстве. Сначала в голове промелькнула мысль о наглом хищении истории болезни со стола докторши. В больничных документах наверняка должен обнаружиться адрес Лукаса, которого здесь явно считали жертвой обстоятельств. Можно было бы устроить спектакль под названием «потеря документов». Медсестра из регистратуры впустила бы ее в кабинет докторши и разрешила поискать пропажу. Взять со стола папку не составило бы никакого труда. Так же как и сунуть ее в сумку между своим барахлом. Хватились бы не раньше понедельника. За это время папка уже вернулась бы назад. По почте. С помощью самого надежного метода. Но стоит ли рисковать?

Теперь, когда первая злость прошла, на Сашу навалилась слабость. В очередной раз ей пришлось потерпеть поражение, а этого Залусская не любила. Еще в школе, когда она была капитаном волейбольной команды, тренер говорил ей, что главный ее недостаток – амбициозность. После проигранного матча на лице капитана Залусской читались эмоции самого низкого пошиба. Она никогда не скрывала их. Все знали, что ради победы Саша готова на все. Соперницы боялись ее. Но волейбол – это все-таки командная игра, в ней необходимо сотрудничество. Общая победа либо поражение. И то и другое следует принимать с достоинством. Она с трудом заставляла себя выдавить улыбку, когда пожимала ладони соперниц. Поздравительные слова цедила сквозь зубы. Однажды тренер отозвал ее в сторону на короткий разговор.

– Это последнее предупреждение, – решительно заявил он. – И одновременно самый важный урок философии в твоей жизни.

Она не смогла сдержать ухмылку. Что этот комок мышц знает о философии, подумала она. Однако дослушала до конца, из уважения. В конце концов, это он сделал из нее автомат для разыгрывания матчей.

– Сейчас я дам тебе рецепт, который в будущем сделает из тебя успешного человека. Независимо от того, чем ты будешь заниматься, – продолжал он уже более спокойным тоном. – С технической точки зрения, ты перфекционистка. Тобой движут амбиции. Ты всегда вкладываешь душу в то, что делаешь, и никогда не сдаешься. Сумма двух этих составляющих делает тебя победителем. Так будет и в жизни. – Он замолчал.

Саша даже покраснела от удовольствия. Когда он подозревал ее, она ожидала сценария похуже. Даже боялась, что вылетит из команды или, в самом лучшем случае, ей назначат дополнительные тренировки.

– Но победителем невозможно быть постоянно, – отчеканил тренер поучительным тоном. Саша снова напряглась. – Им можно стать, если все время развиваться. Развитие же обеспечивают исключительно поражения. Научись принимать их с честью. Черпай из них бесценные знания, каждый раз поднимая планку. Иначе, несмотря на свои достоинства, ты перестанешь выигрывать. Тогда твои собственные амбиции начнут пожирать тебя.

Саша стояла в растерянности. Ей хотелось протестовать. Сказать, что она не виновата в том, что команда продула. У нее была тысяча объяснений, но тренер не дал ей ничего сказать.

– Поражение демонстрирует тебе недостатки, раскрывает слабые стороны. То, над чем необходимо работать. Позволяет перераспределить силы, чтобы успешно продвигаться вперед. Не усвоив этот опыт, ты не сможешь достичь цели. Успех – временное явление. Поражение – урок, который следует выучить. Делай выводы, исправляй недостатки. Необоснованная поспешность приносит больше вреда, чем размеренность, которая есть не что иное, как продуманное пошаговое действие. Работай головой. Не приноси все в жертву распоясавшимся амбициям. Иначе они, твои самые главные достоинства, уничтожат тебя.

На следующий день Саша ушла из секции и больше не сыграла ни одной игры. С тех пор она заявляла, что терпеть не может спорт и какую-либо физическую активность. Тренер надеялся на то, что она одумается. Однако больше они не перекинулись даже парой слов, так

как оба понимали, что Залусская урок прослушала, но меняться не собирается. Так получилось, что через много лет именно эти качества сломали ее карьеру в полиции, из-за чего она и начала пить.

Сегодня же Залусская была совершенно другим человеком. День за днем она умирала свое гипертрофированное эго. Она опять вспомнила слова тренера и почувствовала себя сильнее. Значит, никаких финтов и побед любой ценой. Может, судьба подает ей знак, что еще не время для очной ставки? Надо ехать домой. Профессор Абраме был прав. Невозможно идти вперед, стоя одной ногой в болоте. Может – по его совету, – ей следует заняться собственной жизнью здесь и сейчас, а не оглядываться назад? Но как это сделать, если прошлое висит над тобой как дамоклов меч и может постучаться в дверь в любую секунду? Что она сделает, если в один прекрасный день абсолютно свободный и чистый перед законом Лукас снова захочет войти в ее жизнь? Что она скажет дочери, если малышка увидит его? Залусскую парализовал страх, поскольку такой сценарий был более чем реален.

Поляк сейчас – совершенно свободный человек, и никто, кроме нее и нескольких офицеров, не знает, что он совершил в шести польских городах. Выпотрошенные трупы женщин в театральных позах. Фото, отправленные в полицию. Ужасная картина, которую рисовал убийца, чтобы вести игру со следственными органами. Она была единственным доказательством и, якобы, сгорела при пожаре. Все это, как фильм ужасов, промелькнуло перед глазами Саши. Она чувствовала удавку, сжимающуюся у нее на шее. Ей хотелось перестать бояться, но ничего не получалось. Стопроцентной уверенности в том, что именно Поляк убил всех этих женщин, не было. Она знала, как это проверить, но для этого необходимо было встать с ним лицом к лицу. У нее был к нему только один вопрос. Даже если он оставит его без ответа, Залусская поймет, он ли это был. Действительно ли он невиновен, во что ей очень хотелось верить. И еще картина. Ей надо было увидеть ее.

– Ты плакала? – На этот раз вслед за голосом появилась длинная тень. Залусская повернула голову. Под деревом, за ее спиной, стояла худенькая голубоглазая нимфетка. Саша была уверена, что девушка несовершеннолетняя. Рот в форме сердечка напоминал малиновый леденец. Саша зачарованно рассматривала ее. Девушка широко улыбнулась, что вывело Залусскую из состояния оцепенения. Отрицательно качнув головой, она ответила:

– Просто отдыхаю.

Цветастое платье шевельнулось, и лолита грациозно подошла к лавке. Саша подвинулась. Они немного посидели, не говоря ни слова. Группка больных по-прежнему занималась арт-терапией. Сейчас художнику позировал крупный мужчина. Взгляд притягивали его босые ноги, опухшие и красные.

– Мирослав не носит обуви, – пояснила девушка. И добавила: – Этой зимой он отморозил себе правую ногу. Думал, что ампутируют. Говорят, что если долго ходить босиком, то через какое-то время уже ничего не чувствуешь. Как ты думаешь, это правда?

Саша буркнула что-то в ответ. Ее это совершенно не интересовало.

– Знаешь, какие у него подошвы? Как подметки в моих кедах. – Девушка звонко рассмеялась.

Залусской совсем не хотелось сейчас разговаривать, а тем более выслушивать исповеди психов. Единственным идиотом, который ее интересовал, был Лукас Поляк. Вот только допросить его ей не дано. Она встала.

– Мне нужно идти.

Собеседница не скрывала сожаления.

– К кому ты приехала?

– К знакомому. До свидания.

– Меня почти никто не навещает, – пожаловалась девушка. Задрав рукав, она почесала руку. Саша обратила внимание на то, что вся кожа у нее под рукавом изранена. Это не были

крупные травмы, скорее множественные микроповреждения. Словно от уколов сотни тонких игл. Большинство ранок почти зажили. Лишь на месте свежей царапины проступила капелька крови. Рукав вернулся в прежнее положение. Девушка продолжала как ни в чем не бывало: – Я очень скучаю по маме. Папа почти все время за границей. А больше у меня никого нет. Кроме брата, но он все равно ни с кем не разговаривает. – Она указала в сторону собравшихся в парке больных.

Сашу осенило. Неужели это шанс? Поспешность – нет. Победа любой ценой – тоже нет. Осторожные и последовательные действия – да. Осмотревшись, нет ли поблизости кого-нибудь из персонала, она спросила:

– Ты давно здесь?

– Второй год. Брат приехал несколько месяцев назад. Суд направил его на обследование во время процесса, а после приговора его перевели в «Тишину». Считается, что мне становится лучше, когда он рядом. Когда-то мы были неразлучны.

– Вижу, что это небольшая клиника. Ты всех тут знаешь?

Она кивнула.

– Может быть, ты знала Лукаса Поляка? – Залусская старалась, чтобы ее голос не выдавал надежду.

Девушка задумалась. Фамилия, казалось, ни о чем ей не говорила.

– Блондин, довольно симпатичный. Крупные губы, светлые глаза. Скорее, спокойный. Возможно, носил толстовки с капюшоном.

Ноль реакции.

– Шрам на плече. Такой забавный, голубого цвета. В детстве он упал с качелей, частицы краски остались под кожей, как бы в форме летящей птицы. Все думают, что это татуировка, – добавила Саша без тени надежды.

– Журавлик! – тут же отреагировала девушка. И засмеялась. – Он научил Яцека рисовать. Брат только с ним и общался. Это твой друг?

– Давний знакомый, – ответила Саша и снова села. – Мне нужно с ним связаться.

– Его уже здесь нет.

– Может, у тебя есть адрес, телефон?

– У него нет мобильного. Но он приходил сюда неделю назад. Мы были на прогулке, – добавила девушка.

Залусская побледнела. Все жертвы Красного Паука были в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Красивые, стройные и одинокие. Девушка идеально вписывалась в психологический профиль убийцы, которого формально не существовало.

– Он часто тебя навещает?

– Я виделась с ним только раз. На время карантина он поселился в городке. У них какой-то исследовательский проект, в котором он принимает участие. Там проверяют, как он адаптируется в обществе или что-то в этом духе. Даже работу ему нашли.

– Что за работа?

– Понятия не имею, но он доволен. Говорит, что ему нравится этот город. Зелено, спокойно. Люди хорошие. Так говорил. Возвращаться в свои места он не хочет. Там, где живут его родители, ему лучше не появляться. Наверное, сделал что-то плохое. Как и все мы. – Она запнулась. – А родители у него хорошие. Приезжали раз в месяц. Очень приличные люди. Мать такая элегантная, как принцесса Диана. Они очень заботятся о нем. – Девушка задумалась. – Но Журавлик все равно должен принимать лекарства и находиться под надзором директора.

– Пани Прус?

– Пана Сачко. Это он здесь все решает.

– Его сегодня не было.

– Поехал на свадьбу. Сегодня в Беловеже важное торжество. Какой-то богач женится. Говорят, невеста чуть старше меня. А ему сто лет в обед.

Сашу это не интересовало.

– Не могла бы ты проводить меня к нему?

– Я не знаю, где будет эта свадьба. Да и надеть мне нечего.

– Я имела в виду Журавлика. Может, навестим его вместе? Как тебе идея?

Девушка колебалась, но было видно, что ей хочется пойти. Она с минуту поборолась с собой и наконец неуверенно сказала:

– Мне нельзя уходить без разрешения.

– У Лукаса было разрешение на то, чтобы взять тебя с собой?

– Мы называли его Журавликом.

– У него был для тебя пропуск?

Девушка кивнула. Саша огляделась.

– Что случится, если мы сейчас пойдем, а через час вернемся? Никто даже не заметит.

В которм часу у вас обед?

– Я не могу, – испугалась она. – Правда. Нет.

– Я пошутила, – засмеялась Саша, чтобы скрыть разочарование. – А Лукасу разрешили уйти с тобой с территории клиники? Без присмотра кого-нибудь из взрослых?

– Мне восемнадцать лет. Исполнилось три месяца назад. Я имею право выходить, если требуется. Пани доктор разрешила и замолвила словечко перед директором. Я была даже дома у Журавлика. – Она засияла. – Он сделал несколько моих фотографий. Хочешь посмотреть? Я очень хорошо получилась. И еще он сказал, что я очень фото-что-то-там.

– Фотографии? – Саша шумно проглотила слюну. Она не могла поверить, что администрация клиники идет на такой риск. – Покажешь мне их?

Новая знакомая кивнула и сразу же двинулась в сторону здания. Саша осталась одна. Она боролась с мыслями. Еще несколько минут назад она склонялась к возвращению домой. Ей уже казалось, что энтузиазм по поводу поиска Лукаса сошел на нет, а все это дело – какой-то абсурд. Тем временем знакомство с девушкой диаметрально меняло ситуацию. Неужели Красный Паук снова планировал нападение? Не ради этого ли он подружился с нимфеткой?

Саше хотелось прямо сейчас побежать в полицию и сообщить о том, кем на самом деле является Лукас Поляк. Рассказать, что ей известно со времен работы в ЦБР. Чтобы на этот раз не опоздать. Но она не могла этого сделать. Секретность операции «Дюймовочка», отсутствие доказательств. Неясные гипотезы. Презумпция невиновности. По закону Поляк был излечен и имел право сохранять анонимность. Жить так, как хочет. Прус была права. С одной стороны, обязанностью Саши было защитить эту девочку, с другой – девочка знает, где живет преступник и может к нему проводить. В таком случае Залусской не нужна история болезни и помощь персонала клиники. Но если она использует девочку как приманку ради своих личных целей, то подвергнет ее жизни опасности. Как же ей поступить?

– Посмотри. – Лолита уже вернулась со стопкой крупноформатных снимков и коробкой конфет. Открыла коробку: – Журавлик мне подарил. С яичным ликером.

У Саши сосало под ложечкой, но она отказалась, занявшись фотографиями. Она без труда узнала знакомую манеру фотографа. Зернистость, минимализм, высокая контрастность, игра формой. Снимки были черно-белые, стильные. Скорей всего, сделанные аналоговым фотоаппаратом. Следовало признать, что мастер не потерял форму. Молодая пациентка клиники была благодарным материалом. Не лезла в объектив. Фотографу удалось сгладить ее слащавость. Однако во взгляде модели Саша заметила некую мрачную тайну. Она задумалась над тем, какова причина того, что девушка оказалась здесь в шестнадцатилетнем возрасте, но пока не решилась спросить.

Вопреки опасениям Саши, среди снимков не было ни одного эротического кадра. И никаких извращений, отличающих фото Красного Паука, те, что он рассылал по отделениям полиции. В целом ничто не указывало на плохие намерения автора. Просто два портрета в полупустой квартире. На дальнем плане – папоротник, узорчатые занавески, полированная мебельная стенка. Саша тут же представила себе интерьер квартиры, которую Поляк снял, скорей всего, у какого-то пожилого человека. На одной из стен, под вышитой салфеткой, висела икона. Похоже на оригинал. Саша почувствовала, что подобралась очень близко. Она найдет его, даже если ради этого придется пожертвовать экзаменом по стрельбе. В случае чего пересдаст осенью. Духу она как-нибудь все объяснит.

– Это у него?

Лолита подтвердила и вынула из папки очередные две фотографии. Эти уже были сняты на пленэре. Одна – на липовой аллее, другая – во дворе. Вдалеке виднелся кирпичный мусорник, расписанный граффити на кириллице. Саша прочла надпись: «Резать ляхов».

– Здесь я лучше всего получилась. – Девушка показала аллею. – Даже не думала, что такое фото можно сделать на улице возле блочного дома.

Саша взяла фотографию в руки. Собеседница, действительно, получилась очень удачно, но это как раз интересовало профайлера меньше всего. Она анализировала элементы фона, пытаясь запомнить каждую деталь, чтобы суметь воспроизвести их в памяти. В отличие от выполненных в квартире, фото содержало множество данных. Саша была уверена, что если снимки были сделаны в Хайнувке, она без труда найдет это место. Блочный дом шестидесятых годов, с фасадом, украшенным красно-белыми узорами. Фрагмент магазина, скорей всего продовольственного, с неоконченной вывеской «арч». За спиной девушки – реклама «овский и сын».

– Это сделано возле его дома. Ты не представляешь, как на нас смотрели. Люди останавливались. У него такой старый-престарый фотоаппарат.

– «Синар»? – Саша напряглась. – У штатива одна из ног – деревянная?

Девушка засмеялась.

– Ты точно его знаешь. Что за совпадение!

– Ты помнишь адрес? – Саша старалась не показывать возбуждения.

– Где-то в центре. Я провожу тебя, если ты поговоришь с директором.

Саша представила себе, с какой готовностью директор бросится ей помогать, но взглянула на нее с улыбкой.

– Как тебя зовут?

– Данка.

– Я думала, что в частных клиниках пациенты имеют право выходить, когда захотят.

– Некоторые находятся здесь добровольно. Я тоже, но папа платит за наше пребывание и поэтому требует, чтобы я отпрашивалась. Я уже сбежала однажды. Из-за брата. Нас поймали в Клобуцке. Надели наручники, били. – Она замолчала.

– Били? – Саша не могла поверить. История звучала как конфабуляция¹¹.

– Полицейские, – поспешила пояснить Данка. – С тех пор за мной следят внимательнее.

Саша посмотрела на Данку.

– Почему ты здесь?

Девушка замялась.

– Моя мама погибла. Папа был тогда в Афганистане. Мной занимался брат.

– Это тот, у мольберта? Ученик Лукаса?

Она кивнула.

– Как погибла мама?

¹¹ Конфабуляция – ложное воспоминание, в котором действительные факты могут сочетаться с вымышленными.

– Яцек отрезал ей голову.

Саша смотрела на девочку. Ждала. Но та замкнулась. Профайлер видела по ее взгляду, что она хочет рассказать, но боится реакции. Поэтому решила ее немного подбодрить.

– Почему он это сделал?

– Она не заплатила второй взнос за мою поездку в лыжный лагерь. Я единственная из всей школы не поехала. Говорила, что мы не можем себе это позволить. Мама продавала биодобавки по телефону. Видимо, никто у нее их не покупал. Иногда у нас нечего было есть, потому что она все тратила на котов. Весь дом был в их кашках. Она приносила этих котов с улицы, лечила. Они всюду шастали. Из-за них они ссорились с папой, когда он приезжал. Он ругался, что мы живем в трущобе, а потом опять уезжал. Он военный. У него есть медали. Его почти никогда не было, а если и был, то в основном лежал. Смотрел в потолок, ничего его не интересовало. Ни коты, ни мы. Маму мы спрятали в шкаф. С головой она не помещалась.

– Ты помогала брату?

Она опустила голову.

– У папы в подвале была ножовка по металлу. Я принесла ее. Яцек надел мне наушники и включил «Сэм и Кэт». Это очень смешной сериал. Я ничего не слышала. Потом он пришел весь в крови и сказал мне идти в магазин за большими мусорными мешками. В руке у него была тысяча злотых, пять бумажек по двести. Это были деньги на мой лагерь. Они у нее были, но она не собиралась тратить их на меня. Один из котов тогда болел бабезиозом и лежал под капельницей. Его лечение должно было столько стоить.

Она замолчала. Сидела неподвижно и прижимала к груди фотографии, сделанные Лукасом.

– Потом мы уехали. Жили у знакомых брата, в горах, пока не приехала полиция. Это я проболталась тете. Яцек говорил, что нам надо идти к маме, что там нам будет лучше всего, но я боялась, не хотела в шкаф. Там темно.

– Сколько тебе было лет?

– Тринадцать.

Саша посмотрела на подрагивающие стопы Данки, а потом на ее ангельское личико. На этот раз девушка окончательно ушла в себя.

– Если я еще раз приеду сюда, то попрошу директора разрешить мне сводить тебя на прогулку. Ты ведь не сбежишь от меня?

Данка улыбнулась.

– купишь мне голубое мороженое? Это мое любимое.

– Обязательно. – Саша достала айфон и кивнула на фотографии. – Можно мне сделать копии?

– Конечно, – согласилась девушка. – Мы правда пойдем гулять?

– При условии, что ты будешь пайнкой. Обещаешь?

– Обещаю. А как тебя зовут?

– Меня? – задумалась Саша, наводя фокус на детали снимков, позволяющие локализовать место. – Журавлик называл меня Миленой. Возможно, ты слышала обо мне на занятиях.

– Нет. – Данка покачала головой. – Но он много говорил о какой-то Каролине.

* * *

Саша каталась по Хайнувке уже несколько часов в поисках места, где Поляк фотографировал Данку. Безуспешно. Местные власти распорядились отреставрировать центр города, поэтому большинство зданий были закрыты строительными лесами, на которых стояли маляры и перекрашивали дома в яркие цвета. Почти все вывески были сняты. Готовые фасады одержимый архитектор – видимо, кондитер по призванию – приказал покрыть малиновым, салатным

и абрикосовым цветами. Скоро весь городок станет похож на пряничное чудовище, потому что, поверх цветовой какофонии, кому-то пришло в голову дополнительно украсить фасады нерегулярными полосками оттенка индиго. Поэтому окна на всех зданиях сейчас были заклеены бумагой, а на стенах то и дело встречались ярко-синие иксообразные, поперечные и вертикальные линии, режущие яркий фон на неправильной формы куски.

Рядом с городским рынком, на улице Третьего Мая, территория, подлежащая реставрации, заканчивалась, а может быть, малярам просто не хватило краски, потому что горизонт в этом месте закрывала бурая громада Музея белорусской культуры. Здание девяностых годов, стилистически напоминающее монументальные сооружения, восславляющие торжество коммунизма в Москве или Минске. На первом этаже виднелась вывеска ресторана «Лесной дворик». Какой-то шутник дописал внизу «Лесной дворник», что привлекло внимание Саши и заставило остановиться. Она вдруг почувствовала, насколько устала, раздражена и голодна. Профессор Абраме в таких ситуациях всегда предупреждал: «Сытый не рискует без лишней надобности». Саша временно переключилась на кулинарные дилеммы. Тем более что рекламный щит заманчиво приглашал попробовать пельмени, солянку или картофельную бабку. Саша ни разу не ела ни одно из перечисленных блюд, да и цены были на удивление низкими. В животе у нее громко забурчало, словно в подтверждение того, что она вовремя решила сюда свернуть.

Интерьер ресторана был выполнен в рустикальном стиле. Несмотря на ранний час внутри царил полумрак. Вышитые скатерти, свечи в инкрустированных подсвечниках, покрытые лаком деревянные коряги. Висящие в вазонах цветы гирляндами опали на спинки высоких стульев. Большая часть столиков была занята. Выходит, что в Хайнувке, вопреки представлениям о провинциальных городках, люди охотно едят вне дома. Саша заняла единственный свободный столик в глубине зала – на двоих, у окна, которое выходило на пивную под зонтиками, посетителями которой были только три похожих друг на друга мордворота. Они сидели не за столом, а на лавке, сделанной из неотесанного бревна. Качки профессионально пересчитывали толстые пачки денег, время от времени поплеывая на пальцы. Когда перед ними возникло заказанное пиво, они сунули деньги в пакет с изображением пчелы и устроили себе перерыв. Саша с тоской взглянула за запотевшие бокалы и поспешила отвернуться от окна, решив сосредоточиться на меню. Вскоре к ней подошла официантка. На подносе у нее были глиняный горшочек со смальцем и черный хлеб, похожий на домашний.

– Это место зарезервировано, – объявила официантка, бледная и черноволосая, словно Белоснежка. Ее мелкие кудри были уложены гелем с эффектом мокрых волос, и такая прическа очень ее украшала.

Саша осмотрелась. Никакой таблички не было. Не возражая, она встала и окинула взглядом зал ресторана. Ни одного свободного столика.

– Но в виде исключения, вы можете занять его, – улыбнулась девушка. – Вряд ли пан Бондарук сегодня пожалует к нам.

Поставив на стол поднос с закуской, официантка вынула блокнот и приняла заказ. Залуская выбрала борщ, пельмени и салат из капусты. Потом она намазала хлеб толстым слоем смальца и уничтожила аперитив буквально за пару минут, отчего ее аппетит только разыгрался. От скуки она опять посмотрела в окно, но тех троих с пакетом денег уже не было. На бетонном полу, под лавкой, одиноко стояли пустые бокалы и пепельница, полная окурков. Еда здесь была просто восхитительной. Съев половину пельменей, Саша попросила еще порцию. Оказалось, что в заведении подают даже белый чай, причем не какой-нибудь там в пакетиках на веревочке. Ожидая вторую порцию пельменей и немного успокоившись, Саша решила, что останется в Хайнувке еще на одну ночь и вернется в Сопот в воскресенье вечером. Ей хотелось столкнуться лицом к лицу с Лукасом, чем бы это ни закончилось. Она чувствовала, что находится почти у цели, и в то же время сознавала, что в качестве частного лица найти Лукаса будет непросто. В течение дня она несколько раз проезжала мимо районного полицейского

участка. Каждый раз ей хотелось свернуть туда, объяснить, что она профайлер, и попросить помощи. Идея была неплохая, но не совсем юридически обоснованная. По опыту Саша знала, что в маленьких провинциальных полицейских участках к таким специалистам, как она, относятся не очень серьезно и прибегают к их услугам лишь в исключительных случаях. Можно было еще обзвонить коллег-полицейских и спросить, не знают ли они кого-нибудь из местных сотрудников, но Саша тут же отказалась от идеи, мысленно слыша их хохот. Когда она в прошлый раз собиралась в эти края по случаю расследования дела Староней, никто из коллег не смог показать ей самую короткую дорогу на карте.

Оставался единственный способ. Сыграть открытыми картами. Все зависело от того, на кого она нарвется, и захотят ли ей помочь вне протокола. Что она могла им предложить? Лишь вежливую улыбку и обещание будущего сотрудничества. Даже если бы случилось чудо и им потребовалось ее мнение здесь и сейчас, законно воспользоваться результатами экспертизы было бы невозможно. У Залусской не было рекомендаций, официально она вступит в должность только в понедельник. Тем более местным полицейским вряд ли понадобится помощь профайлера. Она подумала, что максимум, чем они тут занимаются, – местными воришками, дилерами с дискотек и пьяными водителями, с которыми справляются получше любого областного управления. Относительно убийств, Хайнувский район, скорей всего, славится стопроцентной раскрываемостью, поскольку вряд ли в этом захолустье случается что-нибудь серьезнее семейных ссор. И то, наверное, не чаще, чем раз в несколько лет.

– Добрый день, – ее вдруг вернул к реальности низкий бас.

Саша подняла голову, перед ней стоял усатый мужчина в годах. Очень худой и высокий, с запавшими щеками. На нем была полосатая рубашка с шейным платком и светлый классический тренч. Узкое смуглое лицо, крупная челюсть, светлые глаза, пронзающие ее насквозь. Волосы его были почти белоснежными, однако все еще очень густыми и не слишком послушными. Он зачесывал их наверх, на манер Дэвида Линча. Если бы не буйные усы, можно было бы принять его за постаревшего жиголо. Всем своим видом он вызывал уважение, излучал силу и властность. Растерянная, Саша не знала, как себя вести. Она догадывалась, что он пришел на свое место. Это его столик. Сейчас она была не в состоянии вспомнить фамилию, которую назвала официантка. На долю секунды ей показалось, что она где-то его уже видела. Либо он был похож на кого-то, с кем ей приходилось встречаться в прошлом. Очень похож.

– Прошу прощения, я заняла ваше место. – Залусская поспешно встала. – Я почти закончила и сейчас уйду.

– Чувствуйте себя как дома. – Обходительным жестом он пригласил ее оставаться на месте. – Это я прошу меня извинить, если помешал. Мне будет очень приятно, если вы позволите подсесть к вам.

Он улыбнулся. Морщины вокруг глаз, губ и носа, если считать их картой полученного жизненного опыта, указывали на то, что этот человек пережил в своей жизни немало. Он явно был не из спортсменов, как и не из интеллектуалов. Скорее, бывший военный, человек в мундире, не имевший проблем с самоконтролем. Он наверняка не ел тут хлеба со смальцем. Состоял из одних жил и мышц, словно хорошо натянутая пружина. Практически никакой жировой прослойки. Поэтому Саша не могла определить его возраст. Осанка его все еще была идеальной, однако, скорей всего, ему было уже хорошо за шестьдесят.

– Все думают, что я предпочитаю одиночество, – сказал он и положил на лавку пустой пластиковый пакет.

На нем был такой же рисунок, как на том, в который местные атлеты сунули стопки денег. Саше пришло в голову, что «Пчелка» – самый популярный магазин в городе. Видно, что в нем закупаются все социальные слои. Этот мужчина был явно не беден, о чем говорили его уверенность в себе и свобода общения.

– А это не так? – улыбнулась Залусская.

– Вы умная женщина, – ответил он и плотно сжал губы. – Для вашего возраста, конечно. Сколько вам лет?

– Тридцать восемь.

Он рассмеялся.

– А, ну это не так уж и мало!

Ему удалось ее развеселить. Расслабившись, она подумала, что мужичок хоть и пожилой, но очень приятный.

Обмен любезностями прервала испуганная официантка, которая подошла с добавкой горячих пельменей, заказанных Сашей. Девушка начала виновато объясняться, но Бондарук остановил ее жестом. Профайлер тут же вспомнила фамилию гостя. Несмотря на то что он не сделал заказ, двести граммов водки и нарезка из сала, лука и соленых огурцов сию секунду появились на столе. К нему здесь относились с исключительным почтением. Он указал на графин, предлагая поддержать компанию, но Саша отказалась без тени сожаления. Она и без того отлично расслабилась в его обществе. Дополнительный наркоз не требовался.

– А ведь я сейчас должен быть не здесь, а совсем в другом месте. – Петр залпом опорожнил первую рюмку. И практически сразу же, не ожидая ее ответа, влил в себя вторую и третью. И лишь после этого многозначительно вздохнул. – *Вось жьщицё кастрапатае. Хочам, каб нас кахалі, але чаму? Гэтага ніхто не ведае.*

Саша доела свои пельмени и решила как можно быстрее уйти отсюда. Водка в этом кабаке была холодная и густая, именно такая, какой она и должна быть.

– Побудьте еще немного, – попросил тем временем Бондарук. Она без труда распознала тон алкоголика, ее безымянного собутыльника из прошлой жизни. Когда-то она бы точно осталась, и в обществе очередных графинов они бы рьяно обсуждали какие-нибудь крайне важные дела до самого утра. Значит, тем более надо бежать. Она предпочитала не дожидаться момента, когда ей захочется хотя бы лизнуть прозрачную как слеза жидкость. Он заметил ее панику и поник.

– Извините, но я спешу. – Она бросила на него виноватый взгляд и попросила счет.

Официантка услышала ее и даже распечатала чек, но не подошла к столику, надолго исчезнув за барной стойкой. Саше казалось, что она целую вечность будет наполнять бокалы пивом. Залусская уставилась в пространство где-то между краником и стаканом и зачарованно вглядывалась в янтарную жидкость, белую пену, подумав, что банкет здесь начинают довольно рано. Ведь еще и двух часов нет. Надо бежать отсюда. Как можно быстрее.

– *Калі чалавек спяшае, чорт весяліцца,* – заметил Петр. После нескольких глотков горькой он повеселел и тоже слегка расслабился. Теперь ему захотелось поговорить. Он вдруг заинтересовался тем, кто такая Саша и что привело ее в их городок. Поскольку она не поняла поговорку, он перевел ее и добавил тоном заботливого отца: – Вы еще молодая. Не спешите жить. Каждым вздохом черпайте радость жизни.

Вдруг он взял ее за руку. Она не стала сопротивляться. Ей было жаль его, поэтому она решила уделить ему пять минут и ни секундой больше. Было совершенно ясно, что сейчас начнутся бесценные советы: «что делать, как жить», «как не скатиться по наклонной», «что самое важное в жизни». Еще совсем недавно она точно так же увещевала случайных людей в барах. Не умея исцелить себя саму, она крутила дырки в голове другим. Классика жанра.

– Жизнь кажется длинной, – тем временем развивал свою мысль собеседник. – Но по молодости лет мы нерационально используем ее. Потом все ускоряется, а ошибки остаются. Если бы я только мог повернуть время вспять. Если бы знал то, что знаю сейчас. Сама жизнь не так важна. Важно найти суть. Используйте приобретенный опыт, делайте выводы, исправляйте все по ходу дела и никогда не оставляйте за собой незакрытую дверь. Главное – это быть честным по отношению к себе и другим. Деньги, любовь, работа – все это глупости. Надо быть

немного эгоистом. Только вы и мир. Как звучит, а? – Он засиял, явно гордый своим монологом. Ему хотелось продолжать. Это было видно.

– Я не могу здесь оставаться. – Саша указала на пустые рюмки. – Мне следует избегать мест, в которых есть алкоголь, – пояснила она.

Залусская сама не поверила в то, что произнесла это. Смысл сказанного дошел до нее с некоторым опозданием, не сразу. Следом появилась четкая мысль, что на самом деле ей хотелось, чтобы он задержал ее. Чтобы сказал: «Да ерунда все это» – и силой усадил на место рядом с собой. Чтобы она могла опять выпить с чистой совестью. А потом, на следующий день, свалить вину на него. На незнакомого мужика из бара, который ее уговорил. Классический побег от ответственности.

Однако Бондарук не сделал этого. Он нахмурился, посерьезнел и тут же убрал ладонь с ее руки. Он все понял.

– Значит, вы не придете на мою свадьбу, – грустно вздохнул он. – Там будут все. Старые и молодые. Богатые и бедные. Как на сказочном балу. Как-никак я здесь почти король, – усмехнулся он и высморкался в носовой платок с вышитым вензелем. – А потом скажут: «И я там был, мёд-пиво пил». Заказана цистерна водки. Уверен, что ни капли не останется.

Значит, это и был тот старец, о котором говорила Данка. Это на его свадьбу спешил сегодня директор Сачко. Наконец, это он является местным царем, берущим в жены девочку, годящуюся ему во внучки. Почему-то он совершенно не производил впечатления счастливого человека. Скорее, наоборот. Как будто эта свадьба была тяжелой повинностью, которую он взял на себя и вынужден был исполнить. Зачем ему нужен был этот брак? Что за проблема съедала его изнутри, раз он решил выпить, причем сделать это в обществе совершенно незнакомого человека? Откровения за рюмкой – это утопия, мираж. Обычно они не имеют ничего общего с правдой. Это всего лишь предохранительный клапан. Освобождение от лишнего раздражения и одна из форм отпущения грехов. Бондарук пришел в бар, потому что не хотел быть один. А кто в день собственной свадьбы бежит от людей? Тот, кто, как и она, жаждет искупить вину. Какую? Этого она предпочитала не знать. У каждого есть на совести что-то свое.

– Если там будет водка, не думаю, что приму участие. – Она наконец рассчиталась, отказавшись от сдачи. Официантка присела в легком реверансе и бесшумно удалилась, чтобы через секунду вернуться с новой «батареей» для почетного гостя. – В любом случае желаю вам счастья, – сказала на прощание Залусская. – Пусть судьба будет к вам благосклонна.

Он взглянул на нее, и на секунду ей показалось, что Бондарук протрезвел. В его глазах она увидела страх, возможно, даже ужас перед будущим. Но это состояние было непродолжительным. Вскоре взгляд его снова затуманился, и он опрокинул очередную рюмку.

– Только вы и мир, – бормотал он в пьяном бреду, активно жестикулируя. – Все остальное не имеет значения. Прислушайтесь к старику, который знает, как все закончится. Знает дату собственной смерти и абсолютно не сомневается в том, кто закроет ему глаза.

Когда она выходила из ресторана, он все еще распинался, но Саша уже не слушала его пьяных мудрствований. Она уделила ему намного больше четверти часа, что было для нее серьезным испытанием, хотя вряд ли он был в состоянии это оценить. Человек находился в апогее алкогольной зависимости. На самом дне. Но если бы она сказала ему об этом, то их разговор, скорей всего, закончился бы ссорой, что не имело никакого смысла. Залусской не хотелось быть миссионером. Пусть кто-нибудь другой спасает его, лечит. Не исключено, что завтра, когда Бондарук проснется с ужасной головной болью, он ее даже и не вспомнит. Но она не забудет. Особенно его последние слова, когда он объяснял, почему берет в жены такую молодую девушку. Невеста не любит его, так же как и он ее. На самом деле они едва знакомы. Слова эти звучали в ее голове, как эхо, до тех пор, пока она не включила зажигание, выезжая со стоянки перед рестораном. Позже все эти рассказы казались ей ахинеей, и Саша сама не знала, почему они ее так тронули.

– всю мою жизнь люди из-за меня страдали. А я не сделал ничего, чтобы этому помешать. Боялся построить стену, сказать «стоп». Трясся над своими деньгами, статусом, местом под солнцем. На самом деле, мне нужна была только власть. Если сейчас у меня получится ошастливить хотя бы одно дитя, я умру спокойно. Потому что, когда придет смерть, время Страшного суда, я ничего не смогу забрать с собой в могилу. Пойду один. Голый и веселый. Так, как шел по жизни. Чем я думал? Собирал ничего не стоящий хлам. Боролся за якорь, ненужный балласт. В то время как следовало поступать ровно наоборот. Сейчас я знаю, как все будет. Что случится, когда чудовище сорвется с цепи. Потому что канат, который удерживал его, был у меня. Здесь. – Он поднял вверх пустой пакет, с которым вошел в ресторан, и Саша была почти уверена, что это тот самый, из которого доставали деньги три крепыша. – Но сегодня я отпускаю канат и веселюсь на полную катушку. Пусть караван идет дальше. Без меня. Я хочу в последний раз оторваться от земли. Так или иначе, мы все окажемся в ней. Все. Земля, наша прапраматерь, впитывает кровь, очищает совесть и оставляет след в людской памяти. Даже если люди молчат, земля знает. Она хранит все наши тайны.

* * *

На выезде с базара образовался затор. Саша замыкала очередь, не переставая удивляться тому, что стоит здесь уже с четверть часа. Прежде она была уверена, что этот, едва тридцатитысячный, городок не знает, что такое пробки. В Хайнувке было всего несколько улиц. Весь город можно было объехать меньше чем за час. Еще более курьезным ей казалось то, что в такой дыре она не может найти дом Лукаса.

Немного продвинувшись вперед, она поняла причину дорожного коллапса. Перед колонной автомобилей дефилировал мужик с тачкой, на которой покачивался внушительных размеров бюст Ленина. Мужичок, несмотря на жару, был одет в шинель с золотыми пуговицами и буденовку с красной звездой. За ним плелись несколько грузчиков, волокущих в белый фургон предметы, способные сойти за музейные экспонаты: красные знамена, манекен в форме НКВД, винтовки, а также ящик с Ильичами поменьше, которых можно было использовать в качестве пресс-папье. Каждый из артефактов осматривал, регистрировал и определял на нужное место невысокий человек в вельветовом костюме и туфлях на платформе, призванных, видимо, добавить своему обладателю несколько сантиметров роста.

Неподалеку уже собралась толпа зевак, молча стоящих в ровненькой шеренге. Никаких транспарантов, криков и посвистываний. Лишь одна дама подошла к человеку с тачкой и спросила, можно ли сделать с ним селфи и запостить в Фейсбук. Мужичок охотно согласился. Сняв буденовку, он напялил ее даме на голову и в течение пары секунд они скалились в камеру айфона. Рядом Саша увидела двух операторов, которые не пропустили ни одной секунды бесплатного шоу, но, несмотря на это, дефиле с головой Ленина на тачке по просьбе журналистов повторялось еще несколько раз. Фотографы заполучили версию в шинели и без нее.

Представление продолжалось до тех пор, пока разозленные водители не начали дружно сигналить Войцеху Ринажевскому, хозяину культового бара «У Володи», движимое имущество коего как раз арестовывал судебный пристав, о чем Саша узнала от появившегося непонятно откуда полицейского. Страж порядка начал проверять документы у всех стоящих в пробке водителей. Как оказалось, на время действий судебных приставов дорогу перекрыли, поэтому все до одного нарушили правила дорожного движения. Временный знак был полностью заслонен белым фургоном, но это объяснение не помогло. Полицейский всем, кроме Саши, влепил штраф по двести злотых. Только «фиат» матери Залусской эвакуировали на штрафную стоянку. Сама же Саша попала в участок, потому что оказалось, что у нее нет при себе техпаспорта, водительских прав, кредитных карточек и денег. Только во время проверки она заме-

тила, что ее бумажник пропал. Сочувствие к Данке, вместе с братом убившей мать, сию же секунду испарилось.

* * *

– Помощник ЦБР, – пробубнил в очередной раз допрашивающий Сашу полицейский.

Кусок белого пластика с фотографией, единственный документ, который Саша откопала в сумке, чтобы хоть как-то подтвердить свою личность, дежурный рассматривал так долго, что его кофе уже успел остыть, а гуща полностью осела на дно металлической кружки.

Это была «игрушечная» карточка, которую Дух вручил ей не далее как вчера. Саша не стала говорить полицейскому о том, что такую же может получить каждый, в том числе любовница внештатного сотрудника полиции, так как была уверена, что дежурному это известно. Хотя пока он никак этого не выказывал.

Она осмотрелась. Здание участка было только-только отремонтировано. Все здесь пахло новизной. Обустройству кабинета дежурного могли бы позавидовать его коллеги из самых богатых регионов Польши. Современную технику установили не больше месяца назад, о чем Залусская узнала от медитирующего над удостоверением ЦБР полицейского, место работы которого блестело как пульт управления в «Звездных войнах». Профайлер, однако, думала лишь о том, что китайское проклятие «Чтобы все твои желания исполнились» как раз сбылось. Вот она и оказалась у желаемой цели: в местном полицейском участке.

Сам визит был не совсем таким, каким она себе его представляла, но, в то же время, все было не так уж плохо. Она надеялась, что как-нибудь выкарабкается из всего этого, а заодно познакомится с нужными людьми. Она уже подула в алкотестер, заполнила заявление о пропаже документов и позвонила матери. К сожалению, в субботу в Гданьском управлении не было никого, кто мог бы подтвердить личность Саши по телефону. Лаура Залусская, опять же, имела дурацкую привычку не носить с собой мобильный, к которому она относилась как к городскому телефону. В гданьской квартире, так же как и на отдыхе за границей, она держала его на прикроватной тумбочке и пользовалась им в одно и то же время: в семь утра и вечером.

Саша взглянула на антикварные часы с кукушкой, висящие над головой полицейского. Было почти три часа дня. Оставлять очередное сообщение на автоответчике не было смысла, так как Лаура позвонит сама, когда кукушка прокукует семь раз. Залусская надеялась, что за это время она что-нибудь придумает и покинет это место. Может быть, брат вышлет по факсу копию ее паспорта? У него есть ключи от ее квартиры. К сожалению, он либо отсыпался после вчерашнего, либо катался на велосипеде по паркам в поисках очередных малолеток, либо уже был на свидании с одной из них. Суббота, самая середина выходных – любимый день недели Кароля. Саша побаивалась, что ему удалось подцепить новую девицу, тогда он подаст признаки жизни не раньше чем через неделю. Других родственников у нее не было. Можно было бы, в принципе, позвонить Духу, но что-то пока сдерживало ее. Духновский, по своему обыкновению, стал бы высмеивать ее наивность на протяжении ближайшей пятилетки. Поэтому Духа как вариант она оставила на самый крайний случай. Если уж действительно некуда будет деваться. Залусская не ощущала особенного беспокойства, скорее усталость. Ей удавалось выкручиваться и не из таких переплетов. Однако она тайно надеялась на то, что полицейским не придет в голову обыскивать ее. Пистолет, который подарил ей Дух и на который у нее не было разрешения, усугубил бы ее и без того шаткое положение.

Вдруг в кабинет ворвался покрытый татуировками верзила и гаркнул на дежурного:

– Что там насчет лопаты, Блажей?

– Конфискована, – тут же отрапортовал полицейский. – Бегемот снимает пальчики. Я доложу, когда будут результаты. Средний Зубр якобы купил лопату, чтобы перекопать огород. Проверили. Действительно, рассада помидоров была свежая. Пришлось перелопатить все

грядки, чтобы узнать, нет ли под помидорами какого-нибудь черепа. Чисто. Их мамаша чуть не захлебнулась собственным ядом, когда мы уезжали с Химической. Пришлось выписать ей штраф за оскорбление представителя власти.

– А краска?

– Ничего. – Дежурный пожал плечами. – Никакой краски, смолы, инструментов для граффити... Успели спрятать.

– Тогда как ты забрал лопату? Без ордера? Бельск подтвердил или как?

– Разрешение босса. Что-то не так?

– Процессуально довольно нахально, – срифмовал татуированный и в два глотка выпил кофе дежурного, после чего сел рядом с Сашей. – Вы сотрудничаете с полицией. В Гданьске, так?

– Могу сотрудничать и с вами, – ответила Саша. Она сразу догадалась, что это оперативник. – Я живу в Гданьске, поэтому большинство заказов получаю из тамошнего управления.

Джа-Джа представился. Они пожали друг другу руки. Видимо, пока Франковскому этого оказалось вполне достаточно, потому что он потерял интерес к Саше, взял в руки газету и отгородился от мира. Залусская и молодой дежурный не совсем понимали, как себя вести.

– Не обращайтесь на меня внимания. – Джа-Джа взглянул поверх ежедневного вестника и толкнул молодого сотрудника в бок. – Меня здесь нет. У меня в кабинете ремонтируют батарею. Юлиан разгромил полстены, как будто собирался сделать подкоп, и теперь они ищут ведро, чтобы собрать обломки. Весь пол покрыт кусками кирпичей. Такого отборного мата я не слышал за всю свою жизнь. Но не уговаривайте меня, пожалуйста, повторить то, что там прозвучало, так как это недостойно ваших благородных ушей.

Газета все так же закрывала лицо Джа-Джи, но сам он уже не делал вид, что случайно проходил мимо, так как застыл в ожидании и обратился в слух.

Блажей, видимо, чтобы произвести впечатление на коллегу постарше, отложил в сторону поддельное удостоверение Залусской и принялся повторно задавать те же вопросы, что и вначале. Саша же, стараясь не демонстрировать своего раздражения, повторила слово в слово все сказанное ранее. О некоторых фактах своей личной жизни она и на этот раз промолчала. О подозрении в краже документов одной из пациенток Залусская говорила уже несколько раз и опять это подчеркнула. Трижды повторила, что не знает фамилии девушки и видела ее впервые в жизни. Однако пока, кроме заполнения заявления о возбуждении расследования, дежурный не собирался ничего предпринимать.

– Я приехала на встречу с директором частной клиники для душевнобольных, неким паном Сачко. К сожалению, разговор не состоялся. Мне удалось побеседовать лишь с заместителем. Это можно легко проверить. В больнице до недавнего времени находился пациент, интересующий меня по службе. Бывший преступник. Несколько лет назад ему удалось избежать процесса, поскольку судебная врачебная комиссия диагностировала у него психическое заболевание. Некий Лукас Поляк. Я надеялась допросить его. К сожалению, он уже покинул клинику, а пан директор уехал на свадьбу. Я разговаривала с пани Прус. Наверняка моя фамилия есть в книге посетителей. Женщина в регистратуре должна меня помнить, я была официально записана. К тому же я высылала письмо, которое, скорее всего, зарегистрировано. Может быть, вы наконец отправите в «Тишину» кого-нибудь, кто найдет эту Данку и вернет мои документы и деньги? Я бы на вашем месте поспешила.

Полицейские обменялись взглядами. Джа-Джа слегка поднял подбородок, но тотчас же схватил газету и вернулся к чтению. Блажей напрягся, словно собирался бесшумно выпустить газы, после чего взял в руки наполовину исписанный лист бумаги и поднял его чуть повыше, для солидности. Саша видела, что Джа-Джа с трудом сдерживает взрыв смеха. Неожиданно ей стало очень весело. Ситуация была абсурдной. Видимо, старый тестировал на задержанной молодого. Саше ничего не оставалось, как принять их игру.

– Вы являетесь сотрудником полиции, – грозно объявил Блажей.

– Профайлером, – поправила его Саша, но молодой резко прервал ее. Он надулся и закончил, словно зачитывая приговор:

– Это будет иная процедура. Мы обязаны сообщить об инциденте по месту вашей службы. Газета Джа-Джи задрожала, он смял ее и бросил на стол.

– Она не работает в полиции, сын мой.

– Я работаю по найму. Независимый эксперт, – приняла эстафету Залусская. – Помогаю при допросах, анализирую поведенческие следы. Делаю экспертизы, занимаюсь подготовкой тактики допросов, провожу очные ставки, обеспечиваю географический профайлинг.

Она прервалась, поскольку была слегка смущена тем, что, возможно, попала на скептика, который понятия не имеет, чем занимается такой эксперт, и его это все не интересует. Ей приходилось сталкиваться с этим постоянно. Но она ошибалась. Несмотря на то, что она чувствовала, что Франковский впервые имеет дело с профайлером, а все его знания на эту тему взяты из американских фильмов, Джа-Джа понимал, кто такой следственный психолог и не скрывал своей заинтересованности.

– Звони Сачко, Блажей, – бросил он молодому. – И отправь человека, чтобы взяли эту Данку. Сколько это может продолжаться.

– Документы еще не оформлены.

– Прояви сочувствие к даме, парень. Если бы мы в таком темпе ловили воров, у нас бы уже дежурную часть разворовали. Потом оформишь. Пани подождет. Ведь так?

– Подожду, сколько потребуется. – Саша поблагодарила улыбкой за помощь. – В бумажнике было восемьсот злотых. Сотнями. Кредитки я уже заблокировала. Но больше всего меня беспокоит техпаспорт на машину, мне бы не мешало как-нибудь вернуться домой.

– Выполняй свои обязанности, сынок, – подгонял Джа-Джа. – Я пока развлеку даму разговором.

Молодой схватил антикварную «нокию» и вышел из помещения. Когда они остались наедине, Франковский обратился к Саше. Он выглядел заинтригованным. Она встречалась с таким типом личности. Сначала недоверие, потом тест на правдоподобие и, наконец, вопросы об успешно проведенных делах. После этого разговор становится уже более конкретным. В конце прозвучит потенциальное предложение и обсуждение стоимости услуги.

– Вы работаете по всей Польше? Район не имеет значения?

– Специалистов моего профиля не так уж много, – пояснила она. – Я работаю одна. До сих пор так мне было удобнее. Почти каждому областному управлению ежедневно требуются подобные экспертизы. В убойном отделе или в отделе ограблений должен быть хотя бы один такой человек. Если вы предложите мне привлекательные условия, то я буду рада поработать и у вас, – повторила она, робко улыбаясь.

– И как, уже имеются какие-то успехи?

– Какие-то – непременно. – Она пожала плечами и указала на сумку с ноутбуком. – Можно?

Саша вынула из наружного кармана сумки буклет на английском и польском языках с эмблемой Хаддерсфилдского университета, обычно предъявляемый частным клиентам. Это была выжимка из ее реферата, написанного на первом курсе, которой вполне хватало для дилетантов в качестве введения в следственную психологию и методы работы профайлеров. В конце брошюры были приведены расценки на конкретные услуги. Большая половина прайс-листа – с четырьмя нулями. На этой странице Джа-Джа задержался подольше, после чего протяжно присвистнул.

– Недешево.

– В случае серийных преступлений это самое правильное вложение, – заявила профайлер. – Наверняка более эффективное, чем привлечение ясновидящих или поиски при помощи местного патруля. Если только вы не хотите затоптать все следы и спугнуть преступника.

Он засмеялся.

– Вы очень уверены в себе.

Вошел Блажей. Отложив служебный телефон, взглянул на Сашу. Джа-Джа откинулся на спинку стула.

– Директор Сачко не подтвердил, что вас знает, – объявил молодой. И добавил, скорее обращаясь к Джа-Дже: – Что будем делать? У нее нет никаких документов. Машина не ее. Задержание или штраф?

– Авто принадлежит моей матери, – вздохнула Саша. – У меня в документах по-прежнему значится английский адрес. Я не могу их переоформить. Это какой-то абсурд. Вам следует послать кого-нибудь в клинику. Документы у той девушки!

– И что тогда? – Джа-Джа хлопнул себя по коленям и встал.

Саша пожала плечами. Ей было уже все равно.

– Ты останешься здесь, Блажей, – сказал Джа-Джа и набросил на плечи куртку. – А я буду через полтора часа. Рацию беру с собой. Там, в лесу, часто не бывает связи.

– А с ней что делать? – спросил молодой.

– Пиши протокол. Действуй. Мы должны установить личность пани.

Джа-Джа отдал Саше буклет о профайлинге.

– Это вам, – предложила она, не совсем понимая, что происходит.

Франковский свернул брошюру в рулон и сунул в задний карман джинсов, после чего вышел из кабинета, не сказав ни слова.

На освободившийся стул сел Блажей. Устроившись поудобнее, он принялся бессознательно копировать жесты Франковского. Они были похожи как две капли воды. Молодой, правда, был пощуплее, не такой мускулистый и еще не носил очков. Форма губ тоже была другой, изящнее, хотя, не исключено, что так только казалось из-за отсутствия щетины. Саша была более чем уверена, что они с начальником родственники. Идентичная мимика, жесты и эта поза мачо. Молодого от старого отличало также то, что Блажей, не в пример отцу, с первого взгляда действовал ей на нервы.

– Значит, еще раз, – начал Блажей тоном прожженного бюрократа. – Может ли кто-нибудь подтвердить вашу личность?

Взяв из принтера новый лист, он написал дату. Саша призадумалась, а потом пожала плечами.

– Пока нет. Вы нашли эту Данку?

– Дело в процессе. Пока у нас нет ничего, кроме ваших слов.

– Я разговаривала с пани Магдаленой Прус. Я говорила уже, что директора не было. Она с надеждой взглянула на дверь, которая все еще оставалась закрытой. – Мне кажется, что я выражаюсь ясно. Если вы найдете эту девушку, у нее будут мои документы.

Полицейский пропустил это мимо ушей.

– По поводу дубликата документов можно будет обратиться не ранее понедельника. До этого времени вы останетесь у нас. Сэкономите на отеле.

Залусская не верила своим ушам.

– Исключено, – возмущенно заявила она. – Машина не в розыске. Нет никаких оснований. Я знаю свои права. Максимум, что вы можете, – это оштрафовать меня.

– Вы представляетесь сотрудником следственных органов, – отчеканил Блажей. – Я проверил в базе. Вы не фигурируете в списках судебных экспертов. Вы также не состоите ни в польском криминалистическом союзе, ни в ученых советах ни одного из польских вузов.

– Потому что я пишу докторскую диссертацию в Хаддерсфилдском университете. Я позаботилась о том, чтобы моя фамилия нигде не появлялась. Профайл – это исключительно оперативная экспертиза. Мне нет нужды размещать свое фото на интернет-сайтах.

– Тем хуже для вас, – заметил Блажей. – Тем более что пани Прус тоже вас не знает.

– Что? – Саша не могла поверить в то, что услышала.

– Я только что говорил с ней. Она отрицает, что у нее был кто-либо, имеющий отношение к полиции.

Саше хотелось сказать молодому, что он просто патентованный придурок, который вымещает на других свои комплексы, но сдержалась, сказав вместо этого:

– Вы все это время проверяли меня, но даже не проверили, есть ли в клинике та девушка, не правда ли?

– Ее нет, – заявил он. – Сегодня утром она вышла с разрешения директора. Вы не могли встретить ее в парке. Все мимо. Ничего из сказанного вами не находит подтверждения. Мы не можем быть уверены в том, что вы не мошенница. Может, вам и удалось запудрить мозги моему отцу, но я на заграничные отксеренные бумажки не поведусь.

Он открыл дверь и крикнул:

– Супричинский, найдите одеяло почище и зарезервируйте единицу внизу!

Залусская тяжело вздохнула.

– Один полицейский из Гданьска. Шеф убойного отдела может все подтвердить. Мне нужно позвонить.

В дверях появился худой брюнет в форме, младший по званию. Блажей тут же принял позу босса и с издевательской усмешкой повторил:

– Одеяло. Поищи какое-нибудь поновее. Мы же не хотим, чтобы дама заработала у нас педикулёз.

– Если нужно, начальник убойного отдела подполковник Духновский вышлет вам необходимый документ, свидетельствующий о том, что я являюсь постоянным сотрудником управления, – с нажимом повторила Залусская и едва сдержалась, чтобы не выругаться. Пацан должен еще многому научиться. – Это вас удовлетворит?

Блажей не реагировал, лишь постучал карандашом о стол.

– Будет подтверждение, будет и свобода.

Идиот, подумала Саша, но не произнесла это вслух. Она сунула руку в карман, за сотовым. Вместе с телефоном в руке оказалось и удостоверение личности, которое она, к счастью, не переложила в бумажник после визита в клинику. Залусская положила перед полицейским кусок пластика и довольно улыбнулась, наблюдая за его застывающей физиономией.

– Это шутка?

– Я обратила внимание на ваше специфическое чувство юмора. Советую как можно быстрее выслать человека в клинику. Пациентка украла все мои деньги и документы. Если вы сейчас же этого не сделаете, то я подам жалобу вашему начальству и уж точно не в этом участке.

Блажей устался на ее удостоверение, как будто несколько раз вчитываясь в имя, фамилию и английский адрес. Наконец, он переписал данные в протокол и сунул ей на подпись. Услышав голос Франковского, который доносился из коридора, в ту же секунду выскочил из кабинета, словно за ним кто-то гнался. Дверь осталась открытой, поэтому Саша слышала их разговор. Франковский чихвостил подчиненного, называя его кроме прочего валенком и креатином. Из второго кармана Залусская вытащила сигареты и закурила, не утруждая себя тем, чтобы спросить разрешения. Ей было уже на все наплевать.

Вошел Джа-Джа. В руке у него был ее буклет, который он только что вынул из кармана и начал выпрямлять.

– Иди, сынок, отсюда. – Он прогнал Блажея жестом. – Можешь принести нам кофе. Сахар – в банке на сейфе. В той, из-под какао, о чем и свидетельствует надпись. Можешь заодно дать под зад Юлиану за то, что оставил меня без кабинета до июня. Мать предупреди, что я не приеду за ней. А если в течение месяца будешь бегать за пивом для папочки, то, может быть, я и не расскажу ей, как ты сегодня опозорился перед пани профайлером.

Он сел. Поставил на стол хрустальную пепельницу.

– Если та психованная украла документы, то мы их найдем. – Он многозначительно подмигнул ей. Стало ясно, что наконец она имеет дело с адекватным человеком.

– Очень на это надеюсь. Я осталась без копейки.

– У вас есть при себе оружие?

Саша побледнела и, подумав секунду, соврала:

– Я не ношу с собой оружие. В работе я пользуюсь исключительно интеллектом. Озвучиваю гипотезы, помогаю. Задержание подозреваемых – дело следователей.

Джа-Джа развалился на стуле, очень довольный собой.

– Вы можете найти труп?

– Первый или очередной?

– А это имеет значение?

– Все имеет значение, – заявила она. – В том числе и то, сколько времени прошло с момента исчезновения. Собранные виктимологические данные. Место. Тактика опрашивания связанных с жертвой людей. Все зависит от того, какие данные вы мне дадите и что я соберу сама. Вы ищете кого-то?

* * *

Банка с голубой краской опустела прежде, чем Ася Петручук закончила граффити. Ася потрясла пульверизатор, чтобы выжать еще хоть несколько капель, но удалось добыть лишь две жалкие кляксы. Она покопалась в поясной сумке. Вылезший из кармана мобильный отскочил от узкой доски строительных лесов и рухнул вниз так быстро, что Ася потеряла его из виду уже на уровне своих ступней. Девушка, скорее, представила, чем услышала глухой удар о бетон.

Она с трудом смирилась с утратой, подбодрив себя тем, что сама она жива и здорова. После полета с высоты двадцати восьми метров от нее остался бы лишь костно-мясной фарш. Надо быть осторожнее. Придержав зубами перчатку, она освободила одну руку. Потом до половины застегнула карман, чтобы из него больше ничего не выпало, и проверила еще раз наличие необходимых материалов. Что и требовалось доказать: лишь пустые упаковки. Что за невезение или, скорее даже, недалковидность. Восхождение на старую водонапорную башню на улице Скарповой и рискованный спуск на веревке с двумя старыми альпинистскими карабинами, которые могли и не выдержать ее пятидесяти килограммов, заняли почти час. На рисунок ушел еще час. Все продвигалось согласно плану, если не считать, что она не смогла закончить главную надпись, потому что не хватило одной банки краски. Придется вернуться сюда еще раз. Ася не была уверена, что у нее получится сделать это в темноте. Особенно ее пугал выход на наружную антресоль. Завтра ключи от башни придется вернуть на место. В понедельник из командировки возвращается ее отец, руководитель бригады, нанятой для ремонта башни.

Асе было известно, что до вечера понедельника рабочие разберут леса, которые сейчас закрывали ее производство от любопытных взглядов прохожих. Открытие клуба-кофейни было запланировано на вторник. Никто не знал, как будет выглядеть свежереотреставрированная башня. Это должно было стать для горожан сюрпризом. Мэр перережет ленточку, по лестницам будут ходить толпы зевак. Польские белорусы получили это здание, чтобы устроить здесь очередную ярмарку народного кича. Ася была сыта по горло пробелорусской политикой местных властей. Поляков в Хайнувке дискриминировали. Любой, кто решился открыто сказать

о том, что городской бюджет идет исключительно на национальные торжества, тут же оказывался в черном списке как польский фашист. Несколько школьных знакомых Аси уже получили такие ярлыки вместе с судебными разбирательствами за аморальные действия и подстрекательство. Как правило, они не делали ничего плохого. Например, вышли с транспарантом в День независимости либо осмелились на высоких тонах критиковать действия местной власти во время официальных празднеств. Полиция наказывала граждан даже за выкрики «Коммуна, вон» или «Слава героям».

Ася не была связана с этой группой. Никто и никогда не посмел бы отнести ее к местным скинхедам, несмотря на то что она носила черные штаны милитари и коротко стриглась. Дочь бывшего работника пилорамы, который сейчас занимался разного рода строительными работами по заказу местного совета, и примерная ученица третьего курса лицея, называемого в народе «поляком», поскольку в Хайнувке было только два общеобразовательных средних заведения. Каждый учебный год она заканчивала на «отлично», но все равно ее аттестат считался менее престижным, чем «корочка» другого лицея, с белорусским языком обучения. Это второе заведение было отлично оснащено, в нем молодежи предлагались различные дотации, стипендии, языковые факультативы, кружок кинолюбителей и собственная газета. Имелся даже волейбольный клуб, который играл в первой лиге и щедро финансировался, потому что белорусский лицей как учреждение, поддерживающее культуру национального меньшинства, получал кучу денег как от Евросоюза, так и от многочисленных министерств. Кроме того, у дирекции лицея имелись выгодные связи и возможность пользоваться помощью из-за восточной границы. Выпускники «белоруса» могли рассчитывать на стипендии из России, Белоруссии или других бывших соцстран. Учащиеся «поляка» не имели никаких шансов в соперничестве с белорусами, которые в этом городе на каждом шагу получали поддержку. Ася постоянно слышала дома нарекания отца.

– Здесь власть по-прежнему принадлежит советам, – повторял он, как мантру. – Хайнувка была и будет красной. Ничего не изменилось с тридцатых годов прошлого века. Это бывший рабочий поселок, территория потомков пролетариата. Несмотря на то что в стране у нас демократия, здесь все осталось как при коммунизме, потому что у руля были и есть гэбэшники и новые коммунисты, пусть они и выставляются под совсем другими знаменами. Что они, собственно, и делают.

Он подсовывал дочери различные публикации на тему, статьи из независимой прессы, высылал ссылки на электронную почту. Но ни разу так и не решился озвучить свое мнение на публике. Дочь соглашалась с отцом, но считала его трусом. Они отчаянно ссорились, когда Ася обвиняла его в конформизме. Отец так никогда и не объяснил своего поведения. Иногда лишь бессильно разводил руками, говоря, что у него, не в пример ей, уже нет никакого выбора. Он живет здесь с детства. Благодаря этой системе он сбежал из деревни, окончил вуз. Не уехал, когда для этого был подходящий момент. А теперь ему только и остается, что заботиться о семье, обеспечить ей, дочери, хороший старт во взрослую жизнь. Чтобы она как можно быстрее покинула этот город и не была вынуждена жить в обмане, как они с матерью.

– Ты поймешь это, когда вырастешь, – заканчивал он разговор.

– Я уже почти совершеннолетняя, – огрызалась Ася.

Отец лишь смеялся:

– С волками жить – по-волчьи выть.

А мать добавляла, что ласковое теля двух маток сосет.

– Или умирает с голоду, – парировала разозлившаяся Ася и закрывалась в своей комнате, чтобы почитать о настоящих героях. Людах, которые не притворялись даже во время войны, когда риск был несоизмеримо больше. Тогда они рисковали не потерей работы, знакомств, симпатии общественности, а собственной жизнью.

Ей imponировали их поступки. Она тоже хотела жить как они. Бескомпромиссно и смело делать выбор. Говорить то, что на самом деле думает, и упорно бороться за свои идеалы. Бурого, Инку, Лупашку, Железного и Акулу – «проклятых» или «отверженных» солдат, участников антикоммунистических подпольных организаций послевоенного времени – она носила в сердце, как семью, и поэтому именно их портреты нарисовала только что на фасаде башни. После того как с лесов будет снята защитная пленка, огромное граффити, представляющее «проклятых солдат», будет видно уже с перекрестка перед костелом.

Это была ее дань героям и одновременно собственный каминг-аут. Асе уже осточертело быть хорошей девочкой. Она признавала, что отец прав, и именно поэтому решила, что раз уж открытая борьба неэффективна, следует спуститься в андеграунд и сломать систему изнутри. Провокацию она придумала несколько дней назад, когда Братство православной молодежи пригласило учащихся местных школ на показ фильмов Ежи Калины. В рамках показа должна была состояться дискуссия на тему: «Бурый – не наш герой». Для местных белорусов Ромуальд Райе был лишь жестоким убийцей. Военным преступником, психопатом, которому доставляло удовольствие издеваться над неполяками. Факт, что его посмертно реабилитировали и наградили, а его деятельность изучали в школе местные дети, вызывал в Хайнувке немалое возмущение.

Ася была уверена, что в случае чего польские националисты поддержат ее. Конечно, она боялась. Надеялась, что ей удастся как можно дольше сохранять в тайне авторство граффити, а может быть, полиция никогда и не догадается, кто является его создателем, но на самом деле, в глубине души, она не могла дожидаться, чтобы знакомые из Исторического общества Дануты Седикувны узнали правду. Считала, что делает все правильно, даже если это закончится отчислением из школы или приговором суда. Если тайное станет явным, она возьмет всю вину на себя, потому что ее главный кумир – Инка – именно так бы и сделала.

Вдруг ее нога соскользнула, Ася закачалась, но успела схватиться за веревку. Карабин заскрипел, застежка зловеще затрещала, но не лопнула. Ей удалось удержать равновесие. Волей-неволей пришлось на секунду взглянуть вниз. Желудок сжался, ноги задрожали. Когда-то она очень боялась высоты. Мать даже не разрешала ей дома вешать шторы, потому что пару раз она чуть не упала со стремянки. Вся семья была в ужасе, когда Ася, единственная из всех учеников хайнувской школы, прошла конкурс на языковые курсы на паруснике «Погория» и заявила, что поплывет, несмотря на боязнь высоты. Корабль передвигался исключительно за счет силы ветра. Мотор «Бабушки», так ласково называли самый старый учебный парусник в Польше, включали только в случае шторма. Участники курса были и командой корабля. Под руководством опытных моряков они несли вахту, драили палубу, держали курс и готовили еду. После рейса, во время которого Ася была вынуждена залезать на мачты, ставить паруса, чтобы не упасть лицом в грязь и не подвести группу, девушка поняла, что акрофобию ей внушили и, кроме того, как и любой страх, ее можно победить. Лучше всего делать это на высоте нескольких десятков метров над землей.

Родителям, правда, Ася в этом так и не призналась. Уезжая, она пообещала матери, что никогда не поднимется на мачту, не упадет и не осиротит родителей. Она была единственным поздним ребенком Петручюков. Желанным, долгожданным, и поэтому ей нужно было жить за всех мертворожденных, которых потеряли ее родители, прежде чем она появилась на свет полуторакилограммовой недоношенной крохой. Мать практически ежедневно говорила ей, что она – самое главное, что есть у них в жизни, и, действительно, безопасность дочери была их пунктиком. Поэтому ради их же блага Ася соврала, что единственная из всей команды не была на марсе, площадке на самом верху основной мачты, которая на самом деле находилась гораздо ниже уровня ее ежедневного восхождения, и даже не заикнулась, что каждый день расправляла паруса на самой высокой, пятой мачте. Чувствовала она себя там просто прекрасно. Свободная,

как птица. Если бы мать узнала об этом, то сразу же умерла бы от инфаркта. Ася до сих пор, для всех, притворялась, что жутко боится высоты. Никто не был посвящен в ее тайну.

Сейчас же старый страх вернулся с удвоенной силой. Она закрыла глаза, подумала об Инке, Буром и Железном. А потом вспомнила атлантический бриз, соль на губах и мягко, по-кошачьи, сделала шаг в сторону с лесов. Она перенесла ногу за окно, отстегнула один из карабинов. Ободрала руку о раму, пока перебрасывала вторую ногу. Когда она уже была в безопасности, второй карабин лопнул и полетел вниз, вслед за телефоном. Ася с облегчением вздохнула и подумала, что ей опять повезло, хотя сердце вырывалось из груди.

Быстро спустившись по лестнице, она повернула ключ в дверях башни. Понимая, что нужно как можно скорее бежать с закрытой территории, Ася все-таки не смогла сдержаться, чтобы не посмотреть, производит ли ее граффити должное впечатление. Она задрала голову и довольно улыбнулась. С этого места было видно не так много. Защитная пленка закрывала ее произведение, но это как раз гарантировало, что никто не увидит рисунок до времени. Пока только она знала, что под белорусскими эмблемами, одобренными местными властями, на фасаде башни красуется изображение гигантских размеров с надписью «Сила Великой Польши – это мы» и лицами героев, которые в этом регионе считались убийцами. Черты солдат были переданы приблизительно, так как Ася не грешила художественными талантами, но здесь важна была сама идея. Не было никаких сомнений в том, что рисунок произведет в городе фурор.

Ася отстегнула сумку от пояса, бросила ее в военный рюкзак и обошла вокруг башни в поисках разбитого телефона. Она как раз нашла сломанный карабин и фрагмент корпуса телефона, когда вдруг услышала быстрые шаги. Волосы на затылке встали дыбом. Пришлось мигом нырнуть за угол. Ася благословила пленку, надежно скрывающую ее. Исключено, чтобы кто-либо мог заметить ее здесь, если только не сделал этого раньше, когда она выходила из здания башни.

– Ася?

Она замерла, сжав губы, и почти перестала дышать.

– Я знаю, что ты там. Я видел, как ты выходила из башни.

Ася закрыла глаза, судорожно размышляя. Она сунула перчатки в карман, расстегнула молнию куртки и спрятала в рукаве карабины и веревку, которые слегка выпирали, но все-таки хуже было бы, если бы все это находилось в поле зрения. Как бы поступила Инка в такой ситуации?

Она не успела ответить на вопрос, когда кто-то подошел прямо к ней и отодвинул пленку. Перед ней стоял учитель Закона Божьего из местной гимназии. Самый красивый учитель в школе.

– Что вы тут делаете? – только и смогла выдавить Ася и тут же пожалела, что задала такой дурацкий вопрос.

Когда-то она была в него безумно влюблена, как и почти все девочки старших классов. Лешек Крайнув тогда был еще женат, только-только стал отцом и, само собой, не обращал на нее внимания. Асе было известно, что сейчас его жизнь круто изменилась. Год назад он развелся и с трудом справляется с одиночеством, так как суд постановил, что дочь остается с матерью. Все в городе знали, что по этой причине, под видом культивирования веры, он поддерживает молодежь из неблагополучных семей. Оказывает детям финансовую помощь, организует «тайные общества», то есть так называемые домашние уроки истории, устраивает паломничества на знаменитую святыню Ясную Гору. Дом Крайнува всегда был открыт для молодежи, которой не чужды такие понятия, как «Бог, честь, отчизна». Говорили также, что он тайно командует вооруженной группой, которую обучает стрельбе и саботажу, чтобы в случае войны молодежь могла защитить близлежащую территорию.

Ася в это не верила. Крайнув был глубоко религиозен, очень умен и при этом миролюбив как апостол. Ему, единственному в городе, выпала честь получить аудиенцию у самого папы Иоанна Павла II. Но кацапы и не такое придумают, чтобы очернить поляков. Они искажают даже новейшую историю, лишь бы сохранить имидж угнетенного народа. А сами ни разу не организовали ни одного восстания. Кланяются Москве.

Девушка понятия не имела о том, что Крайнув так сильно ненавидит кацапов, что даже изменил фамилию с Крайнов, чтобы никому не пришло в голову, что у него тоже имеются белорусские корни.

– Гуляю. – Он, как всегда, обезоруживающе улыбнулся.

Учитель протянул в ее сторону армейский вещмешок и развязал веревку. Ася заглянула внутрь и увидела толстую стопку распечатанных на домашнем принтере листовок с изображением Ромуальда Раиса, голубую эмаль в аэрозоле и банки с черной смолой.

Ася в ответ протянула ключ от башни. Когда они наконец поднялись в главный зал, в котором должна была состояться церемония открытия, она молча схватила одну из кистей и обмакнула ее в смолу. На гербе белорусской «Погони» они вместе нарисовали символ Меча Храброго, а ниже, большими буквами, Ася дописала: СВО. Точно таким же шрифтом, как на эмблемах непобедимых солдат. Она чувствовала себя сейчас одной из них.

– Смерть врагам отчизны, – с пафосом произнесла она, когда они поднимались выше, чтобы разбросать листовки.

– Наша Инка. – Крайнув похлопал ее по плечу.

Даже на пятой реке, под ветром Атлантики, Ася не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас.

* * *

Мариуш Корч выключил зажигание в фургоне своих родителей и взглянул на Яугена Пашку, сидевшего рядом, на пассажирском месте, а потом повернулся и взял с заднего сиденья видеокамеру. Он включил аппарат на запись и навел объектив на группу скинхедов, оккупирующих вход в хайнувский Дом культуры «Шахтер». Над их головой находился монохромный плакат, изображающий ребенка, который с ужасом смотрел на солдата с карабином. Красная надпись гласила: «Бурый – не наш герой».

– Звонить Блажею? – спросил по-белорусски Корч.

– Пусти ему стрелу, – ответил Яуген. – Или лучше эсэмэсни. Если начнется акция, можешь не успеть ответить. Пусть сам решает, прислать ли нам подмогу.

Он посмотрел в окно.

– Похоже, сюда навезли всех типа фанатов «Ягеллонии».

– Скорее, краковской «Вислы», чувак, – пробормотал Мариуш и осмотрелся. – Кажется, их привезли на заказных автобусах. Номера не местные.

Он быстро написал сообщение, а потом тихонько сфотографировал собравшихся и выслал картинку в качестве подтверждения. Ответ пришел сразу же.

– Он высылает патрульную машину. – Мариуш разругался и положил в рот клубничную жвачку.

– Только одну?

– Он спрашивает, вооружены ли они, и просит оставить камеру в машине. За ней проследят.

– Ну уж нет. – Яуген покачал головой и вылез из машины.

Они двинулись в сторону толпы походкой ковбоев, входящих в салун. Издалека они были похожи на пару американских комиков, Лорела и Харди. Только Мариуш Корч, худой и очень высокий, для Стэна Лорела был слишком красив. Даже в приступах злости у него был взгляд

верного пса, и всем, без исключения, женщинам хотелось пожалеть и приласкать его. Длинные волосы Мариуша всегда были заплетены в косу на бабский манер, что еще больше смягчало черты его лица и придавало очарования, но на националистов действовало как красная тряпка на быка. Они, вне сомнений, держали его за педика. Что же до Яугена, то это был лысый качок, который спокойно мог бы поменяться местами с любым из персонажей из-за двери. Сегодня он, не в пример Корчу, не надел строгий костюм, поскольку такового у него не имелось. А в «погребальный» времен школьного выпускного бала не помещались его раздавленные раза в полтора плечи. Не надел он и черную футболку, обычно служившую вечерним нарядом. По одной простой причине – у него было только две таких и обе были грязные. Поэтому он пришел в рубашке поло от Фреда Перри, а на голову напялил кепку с надписью «Бандитская Пила». Едва Мариуш и Яуген появились на горизонте, лысые принялись скандировать, но, разглядев культовый лавр на груди Яугена, смиренно расступились.

Внутри, у двери в кинозал, уже ждала Марыся Софийская из Братства православной молодежи, она-то и организовала показ фильма. На экране – тот же плакат, что висел перед входом. Его смысл был ясен. Психопат в польском мундире вот-вот расстреляет беззащитное дитя.

Зал был полон несмотря на то, что наемные фанаты все еще толпились у входа. Яуген уселся в условленном месте на сцене и вытащил электронную сигарету. Рядом с ним расположился Мариуш, поправил шейный платок. Подошла Марыся, раздала микрофоны.

– Благодарю всех, кто сегодня с нами, – произнесла она. Представила социолога и режиссера. Яуген и Мариуш поклонились. – Но прежде, чем начать эту неоднозначную дискуссию, я приглашаю вас посмотреть документальные фильмы о кровавых преступлениях, совершенных на нашей земле бригадой под командованием Ромуальда Раиса, или Бурого.

Внезапно дверь распахнулась. Вошел Лешек Крайнув в сопровождении бритоголовой молодежи в черных куртках-бомберах и военных ботинках с красно-белыми шнурками. В компании было несколько девушек. Перед тем как войти сюда, девицы, по всей видимости, обнесли одну и ту же палатку на Рубль-плацу, потому что все были в одинаковых узких тренировочных штанах цветов польского флага.

– Я всего лишь оператор и даже не надеялся на такое количество зрителей, – пошутил Яуген, но никто не засмеялся, поэтому он добавил уже серьезно: – Режиссер фильма Ежи Калина заболел и просил его извинить за то, что не смог присутствовать здесь лично. Мы надеемся, что сумеем достойно его представить.

Загremели аплодисменты. Яуген хотел начать съемку, но Мариуш успел остановить его жестом.

– Блажей может выделить нам только один патруль. Не провоцируй.

Сидевший в первом ряду православный священник сорвался с места и встал при входе в зал, словно цербер. Авторитет сутаны не слишком подействовал на Крайнува и его хулиганов. Дошло до небольшой перепалки. Наконец святой отец прибег к крайним мерам.

– Тот мужчина нетрезв, – завопил он дискантом, после чего принялся ругаться с упитанным мужичком в стеганой ромбами куртке, который едва доставал ему до наперсного креста.

Крайнув дал знак своим подопечным, словно командир подразделения. Бритоголовые остановились в полушаге. Лешек подошел к мужичку, обнюхал его как пес, после чего ударил провинившегося ребром ладони в ухо.

– Подожди на улице, Конрад, – приказал он. – Поговорим после показа.

Пока бородатый гном выходил, с последних рядов прозвучало несколько издевательских реплик: «Левандовского вперед ногами!», «Собирают деньги на мессах, чтобы святому Бурому памятник поставить!», «Поляки – в костёл!», «Дайте Репе водки кто-нибудь!».

Обстановка стала куда менее напряженной, что разочаровывало, если принять во внимание тему сборища. Но все в городе знали упомянутого персонажа. Левандовский под псевдо-

нимом Репа или Речь Посполитая плевался националистическим ядом на интернет-форумах, писал в католическом «Нашем Журнале» и проплаченной правящей партией прессе. Это был известный нацист, сам себя называвший «польским фашистом». Во время последнего празднования Дня независимости его сфотографировали со свастикой на транспаранте, он немедленно выложил снимок на Фейсбуке и очень удивился, когда прокуратура вызвала его на допрос. Разумеется, он не преминул написать об этом в «Нашем Журнале».

Крайнув оглядел веселящуюся публику и сказал:

– Мы поляки и имеем право здесь находиться. Мы живем в свободном государстве. – А потом обратился к попу: – Это открытое мероприятие. Батюшка не имеет права нас выгонять.

Слово «батюшка» он особенно подчеркнул.

Поп покраснел.

– Только не хулиганить, пожалуйста. – И отошел в сторону.

– А кто здесь хулиганит? – Крайнув загадочно улыбнулся. И добавил на несколько тонов громче: – Ваши зрители.

В толпе националистов раздался ропот.

– Вы за них отвечаете, – заявил священник. И улыбнулся:

– Я надеюсь, мы договорились, пан Лех?

– За кого вы меня принимаете? – Крайнув с достоинством военачальника пошагал в первый ряд. Занял центральное место напротив приглашенных гостей и удовлетворенно подал знак остальным. Мариуш и Яуген наблюдали, как толпа хулиганов молча вливается в зал и распределяется вдоль стен, словно отряд охраны на футбольном матче. Никто из них не сел, но ни у кого не было в руках палки или иного оружия. Только сосредоточенные мины бритоголовых говорили о готовности к атаке. В зале воцарилась тишина. Притихшие националисты казались гораздо более опасными. Самые смелые из белорусов не решались даже пикнуть. Погас свет, появились титры, из динамиков громыхнули первые такты военного марша. Вдруг пленка оборвалась, повисла тишина. Снова загорелся свет.

Воспользовавшись паузой, Мариуш выложил фото колонны скинов на своей страничке и удовлетворенно наблюдал, как стремительно растет число лайков. Яуген еще перед выходом отключил звук в своем телефоне и положил камеру на колени, незаметно нажав на кнопку записи. Он напряженно пытался понять, как могут развиваться события. Толпа была очень большая, а хайнувские патриоты представляли собой горстку учащихся гимназии да пару пэт-эушников, которым больше хотелось выпустить пар во время драки, чем бороться за идею. Яуген знал их всех и видел сейчас в зале.

Его беспокоило другое: в сегодняшнем сопровождении Крайнува присутствовали визитеры из Белостока, Вельска Подляского и даже Кракова. Спортсмены-нацисты. Люди, которым наплевать на патриотические ценности и которые просто любят помахать кулаками. Яуген знал об этом лучше, чем кто-либо другой, потому что год назад снимал о них фильм для одного телеканала. Он провел рядом с ними почти полгода и знал их методы. Поэтому сейчас, глядя на тесную колонну бритоголовых вдоль стены «Шахтера», он чувствовал, что пахнет жареным. Даже если сегодня у них получится выйти целыми из этой переделки, то взрыв все равно неизбежен. Это лишь вопрос времени. Они с Мариушем решили поговорить об этом по дороге в Вельск. Его нюх подсказывал ему, что вскоре о маленьком городке под названием Хайнувка услышит вся страна. И на этот раз дело будет не в фестивале церковной музыки на телеканале «Полония». Это будет прайм-тайм. Все информационные программы будут греметь лишь об этом, а в бегущих строках появится надпись: польско-белорусская война. Он был в этом почти уверен.

Корч уже, видимо, вышел из Фейсбука, потому что махал телефоном перед глазами Яугена, а лицо его совсем побелело.

– Что? – прошипел он.

– Полиция была здесь, но уже уехала. Ищут какую-то подозреваемую, – пояснил Мариуш. – Только бы стекла в машине не разбили. Отец меня убьет.

– В случае чего, все будет снято. – Яуген развалился в кресле и показал, будто снимает на камеру.

Несколько лысых сразу же запротестовали. Марыся жестом предложила оператору положить камеру. Потом соединила руки как для молитвы и вытянула губы «клювиком».

– Я пошутил, Маня. – Яуген пожал плечами и нагнулся к Корчу. – Увидишь, сегодня ничего не будет. Это пока только демонстрация силы. Погром состоится в следующий вторник, если не подвернется более подходящего случая. Но повод для драки они уже ищут. Будь осторожен, выбирай выражения.

– Если что, за сценой есть боковой выход, – шепнул Корч. – Не хватало, чтоб мне разбили рожу прямо накануне предвыборной кампании. Машина будет на задней улице, возле церкви. Ищи меня там.

Яуген махнул рукой.

– Прорвемся. Главное, чтоб ты меня тут не бросил, трусишка, – пробормотал он, а потом указал куда-то пальцем.

Корч удивился, увидев в толпе националистов Асю Петручук. Она была дочерью его друга, который, взамен за помощь в получении контракта на строительные работы в городской управе, частично финансировал его предвыборную кампанию. Один из бритоголовых галантно отодвинулся, освобождая девушке место. Было видно, что наследница Петручука прекрасно себя чувствует в компании этих людей. Они похлопывали ее по плечу, относились по-свойски. Она зарделась, когда Заспа – неоднократно судимый за нарушение порядка во время выступлений старосты и обзывание его стукачом, коммунякой и красным пауком – отдал ей свою рубашку в клетку от Фреда Перри. Ася охотно воспользовалась предложением и встала на освободившееся место, с которого было лучше видно сцену. Яуген Пашко, видимо, читал мысли Корча, потому что наклонился к другу и заявил:

– Молодая совсем. Кровь бурлит. В таком возрасте все хотят воевать.

– Лучше бы она у нее бурлила в рамках Автономного движения Полесья. Нам пришлось бы очень кстати такие деятели. Андрей обещал мне ее в помощники, а тут на тебе. Так мы Малую Беларусь не создадим.

Пашко рассмеялся.

– Ведь этой партии нет. Не так давно, в интервью, ты отказывался от того, что хочешь передвинуть границу.

– Малая Беларусь пока не существует, но дай мне лет пять. Она будет. Автономное движение Полесья – это я. Пока лучше стартануть с Корвином-Микке. Мы с ним единогласны по многим вопросам.

– Белорусский фашист.

Красивое лицо Корча осветила широкая улыбка.

– И к тому же очень результативный.

Свет погас. На экране наконец появились первые титры и название: «Яко и мы отпускаем».

* * *

У ресторана «Царский» не оставалось мест, поэтому Романовская припарковалась на обочине и около ста метров прошла пешком. Башня старого железнодорожного вокзала, в которой молодожены должны были провести первую брачную ночь, была украшена живыми красно-белыми цветами, образующими белорусский орнамент. Романовская прошла мимо не останавливаясь. Башня не вызвала у нее такого восторга, как у постоянно толпящихся возле

нее туристов. Некоторые выходили из машин и делали селфи на ее фоне. У Кристины это надрывно разукрашенное строение ассоциировалось, в лучшем случае, с мрачным замком Синей Бороды.

На рельсах стояли отремонтированные локомотивы, приспособленные под ресторан, отель и банкетный зал. Несмотря на размеры и разбросанность комплекса, Романовская быстро догадалась, где будет проходить предсвадебный обед. У нее не было при себе приглашения, но она подумала, что вряд ли их будут проверять. Судя по маркам автомобилей, припаркованных у ресторана, в «Царский» прибыли сливки местного общества. Перед входом в бывший вокзальный зал ожидания стоял хор из двадцати человек. Вместе с молодым баянистом они ждали сигнал, чтобы начать припевки. Хор еще не издал ни звука, но Кристина уже знала, что голова у нее точно разболится.

Официантка с прической чеховской героини присела в зачаточном книксене при виде появившейся в дверях Романовской. В ответ на предложение раздеться, Кристина испепелила ее взглядом. Несмотря на то что она была не в мундире, ей даже в голову не пришло натянуть на себя какой-нибудь праздничный туалет, как, несомненно, сделают жены местных царьков. Черные узкие брюки, белая рубашка, с расстегнутыми тремя верхними пуговицами и смокинг-голый пиджак все равно выдавали ее принадлежность к слугам порядка. Спортивные наручные часы оставались на руке. Единственными дамскими элементами ее наряда были туфли на шпильке и лак для ногтей, которым она воспользовалась по случаю сегодняшнего торжества.

Интерьер был оформлен с большим вкусом. Стиль дореволюционной России дизайнеры воссоздали с музейной точностью. На столах – вязаные салфетки, кипящие самовары. Стены украшены картинами и фотографиями той эпохи, иконами. Никакого кича и перебора. Романовская была здесь как-то раз по работе и запомнила, что за чай с вареньем, грибной суп, блины с икрой и кусочек творожника заплатила, как за недельные покупки в супермаркете. Пирог, правда, хоть и не стоил таких бешеных денег, но просто таял во рту. Тогда ей хотелось уйти отсюда как можно быстрее, из страха испачкать накрахмаленную скатерть и понести за это материальную ответственность. Сейчас тот зал был пуст. Стулья стояли вдоль стены, открывая аутентичный паркет. Романовская догадалась, что завтра здесь будут танцы. В одном из боковых залов, предназначенных для камерных банкетов, мероприятие, судя по доносившимся возгласам, было в самом разгаре.

– Будь здоров, Гена! – услышала она тост, когда официантка открыла перед ней дверь.

Романовская поклонилась собравшимся. Несколько мужчин поднялись, чтобы поприветствовать ее. Она приклеила на лицо официальную улыбку и по очереди пожимала руки собравшимся. Неформальный совет старейшин был представлен семью мужчинами, занимающими почетные места за главным столом. Все они были зрелых, а некоторые даже преклонных лет.

Кристина сразу же узнала Адама Гавела, старосту района; Томаша Терликовского, бывшего начальника городской полиции по прозвищу Старый, кабинет которого она на данный момент занимала; Мундека Сулиму, хозяина кабельного телевидения, называемого Малым Дядькой из-за роста метр шестьдесят; Кшиштофа Сачко, директора частной клиники для душевнобольных «Тишина», а также Анатолия Пиреса, основателя лицея с белорусским языком обучения с его неизменным псом-сфинксом у ног, которому каждый из присутствующих кидал лучшие куски с барского стола. Шестого старца, одетого в поношенный залатанный костюм, но зато с заливчатой бабочкой в горошек, она прекрасно знала, хотя они в течение последнего десятка лет не перекинулись даже и парой слов. Седой ежик на голове мужчины был густой, как у терьера. Он единственный из всех собравшихся был гладко выбрит, без усов, что еще больше подчеркивало его избыточный вес. Ему было лет восемьдесят, если не больше. Седьмое место пустовало. Приборы были чистыми. Кристина догадалась, что этот стул зарезервирован для жениха – Петра Бондарука. Однако гости неплохо веселились и без хозяина.

Те, кому, как и Кристине, выпала сегодня честь быть приглашенными в «Царский», могли считать себя избранными. Они занимали столы поменьше, поставленные вокруг главного, словно планеты Солнечной системы. На самом деле власть в городе держали семь старцев, а не фигуранты из городской управы или даже сам мэр. Это было известно всем, даже первоклассникам. Но надо признать, что большинство более мелких чиновников оказались сегодня здесь и были уже в изрядном подпитии. Кристину усадили за боковой стол, рядом с главным, спиной к известному ей оборванцу в бабочке.

Она осмотрелась. Рядом с ней искренне смеялся над шутками пяти белорусских советников мэр города. Потом она увидела трех сыновей Бондарука. Все как один с кислыми минами. Разумеется, рядом обнаружили: ксендз; четыре священника; вечно надутый и с бегающим взглядом директор белорусского радио «Рацыя»; добродушный как Лабрадор хозяин Рубль-плаца; директор тюрьмы, жена которого арендовала у города первый этаж белорусского музея под ресторан «Лесной дворик»; директор больницы, похожий скорее на пациента; и, наконец, пятеро предпринимателей, в основном конкурентов Бондарука, которые периодически поглядывали на пустое место за главным столом и конфиденциально перешептывались. Большинство гостей, по всей видимости, провели здесь уже несколько часов, судя по покрасневшимся от выпитой водки лицам. Вдруг один из услужливых советников неловко пошатнулся на стуле и облил Романовскую красным вином. Она, правда, успела ловко отодвинуться и уберечь хотя бы белую рубашку. Содержимое бокала впиталось в мягкую обивку стула, пиджак и влилось в сумку.

– Какая реакция, – похвалил ее мэр. – Просто женщина-динамит.

– Я бы уже сидел весь в вине, – льстиво замурлыкал другой советник и принялся извиняться перед Романовской от имени коллеги. – Вапняк – слон в посудной лавке. Недаром спец по строительным делам.

– А ты, мой мальчик, не старайся так, – смеялся мэр. Он, кажется, веселился в этой компании активнее всех. – Если бы ты испортил блузку пани коменданту, пришлось бы тебя отстранить.

Романовская притворилась, что ей понравилась шутка. Она встала из-за стола, сняла пиджак и повесила его на спинку стула. Она хотела пойти в туалет, чтобы слегка подсушиться и проверить, как чувствует себя ее пистолет после стакана вина, но гостю, сидящему за ее спиной, как раз пришла в голову та же идея, потому что он отодвинул стул одновременно с ней и перекрыл ей выход.

– Дед Миколай. Мясник, – представился он хриплым голосом и уважительно поклонился.

– Нестерук и компания, – прозвучало из глубины зала. – Лучшая колбаса в городе. И сольтисон в кишке. Попробуйте, на блюде еще что-то осталось. Но с чесноком.

Опять смех.

– Мы знакомы, – ответила Кристина и протянула ему руку. – Кристина Романовская. Из полиции. Я немного изменилась.

Мясник принадлежал к поколению, которое женщинам руку не пожимало. Он взял ее за кончики пальцев и чмокнул, ко всеобщему веселью.

Официантка поставила перед Кристиной чистые приборы, налила водки в объемистый стакан. Стоя в самом центре пиршества, Романовская огляделась и поняла, что она тут единственная женщина.

В этот момент к самому младшему, субтильному и красивому сыну Бондарука – светловолосому Томику, подбежал официант. Он подал запечатанный конверт на серебряном подносе, а потом деликатно наклонился и что-то прошептал Томику на ухо. Раздались приглушенные возгласы.

Томику трижды ударил ножом по хрустальной рюмке. Несмотря на то что ему едва исполнилось двадцать, он был в курсе всех тайн и планов предприятия и считался правой рукой

отца. Из-за этого братья Василь и Фион не переваривали его и объединились против любимчика в единый фронт. Однако если бы им пришлось бороться между собой за наследство, они утопили бы друг друга в ложке воды. Все сыновья Бондарука были от разных матерей.

– Все собрались. Можем начинать, – объявил Томик. Руки его подрагивали. Романовская думала: с перепоею или от волнения? – Отец занят важными делами по бизнесу, поэтому попросил меня прочесть вам документ, содержание которого для меня тоже является загадкой. Я впервые вижу это письмо.

Он хитро улыбнулся и продемонстрировал печать на документе. Гости оторвались от еды. В течение какого-то времени никто не пил и не наливал. Всем было ясно, что отсутствие жениха сулит неприятности. Вдруг зазвонил телефон у главного редактора местной газеты. Сережа Миколаюк, шеф «Гостинца», вышел, держа аппарат возле уха и плотно закрывая ладонью трубку.

Томик вскрыл конверт, вынул лист писчей бумаги и быстро пробежал по нему глазами. Потом развернул его в сторону гостей, чтобы все могли убедиться, что текст довольно короткий и написан от руки. Бондарук не пользовался компьютерами, не вел электронную переписку. Все дела он решал лично либо по телефону. Номер его мобильного знали буквально несколько человек в городе. Даже иностранные бизнес-партнеры сначала связывались с его ассистентами.

К удивлению Романовской, текст был написан по-белорусски. Разумеется, она знала этот язык. Она жила здесь достаточно долго, чтобы выучить его. И все-таки слегка побаивалась, что во фразах посложнее нюансы ускользнут от нее, а переводить письмо на польский никто не собирался. Гости в нетерпении смотрели на молодого Бондарука, предчувствуя сенсацию.

«Я, Петр Бондарук, сын Станислава и Алины, рожденный в Залешанах в 1948 году, сегодня заключаю брак с Ивонной Бейнар, двадцати пяти лет. Это будет мой первый и последний семейный союз. Если Бог даст мне еще детей, в чем я очень сомневаюсь, буду этому очень рад и позабочусь о том, чтобы они были обеспечены до конца своих дней, так же, как их мать и ее семья.

Я очень прошу прочесть это письмо полностью, до самой последней строки, в присутствии всех гостей. Несмотря на личное отношение каждого из вас к его содержанию. Я хочу, чтобы моя воля стала достоянием общественности, а это возможно лишь в присутствии городских властей.

Отдавая себе отчет в своей скорой смерти, заявляю, что с завтрашнего дня, уже в качестве мужа Ивонны Бейнар, я ухожу на заслуженный отдых. Буду удить рыбу, пить самогон на террасе и закусывать салом, игнорируя рекомендации кардиолога. Предприятие же я передаю в молодые руки, чтобы оно и дальше успешно развивалось.

Каждый из моих троих сыновей получит по нотариально подтвержденному документу, в котором будут перечислены унаследованные блага. Однако фабрикой, которая принадлежит как мне, так и всей здешней общественности, поскольку пилораму мы построили вместе, а я в течение долгих лет лишь развивал ее, должен руководить человек компетентный. Ни один из моих сыновей на эту роль не подходит. Томик хоть и образован, но труслив».

Томик запнулся. Откашлялся. В помещении стояла звенящая тишина.

– Не знаю, что себе думал отец, когда писал это письмо, – сказал он по-польски.

– Отец приказал читать, так читай, братишка, – поддел Томика Василь.

– Ты сам этого хотел, – буркнул младший брат и снова распрямил лист.

«Фион спустит все деньги на юбки, а Василь никогда не интересовался фабрикой, поэтому и сейчас я не стану его принуждать. В связи с этим со всей ответственностью заявляю, что свое имущество я решил передать моему четвертому внебрачному сыну. Все присутствующие наверняка знают его. Это редактор Миколаюк. Сережа, извини, что ты узнаешь об этом таким образом. Такова была воля твоей матери».

В зале поднялся шум. Романовская наблюдала за лицами гостей, и ее разбирал смех. Казалось, что она находится в театре, в центре какой-то постановки. Сыновья уже сжимали кулаки от злости. Теперь они, скорее всего, сорвут свадьбу и подадут на отца в суд. Миколаюк ей нравился. Это был шуплый, безвредный плут, способный договориться с кем угодно. Он частенько поставлял ей неофициальные данные. Когда-то такой вид услуг назывался доношением. Однако времена изменились. Сейчас это просто одолжение. Романовская бесконечно сочувствовала ему. С таким бременем парню придется нелегко. Решение Бондарука официально никто критиковать не станет, но сплетни, конечно, пойдут. Ситуация, мягко говоря, опасная. Для Кристины это означало повышенную боевую готовность во время свадьбы богача. Она вынула телефон и написала эсэмэску Джа-Дже, чтобы тот как можно быстрее прислал патрульную машину к ресторану «Царский». На всякий случай. Дополнительная осторожность не будет лишней. Такая новость на фоне алкогольных возлияний может закончиться трагедией. Франковский сразу же ответил, что машина уже стоит, но сам прибыть не сможет, потому что у него есть более срочное дело. После чего добавил в качестве постскриптума: «Какой-то гад спер герб с „Шахтера“. Директор дома культуры висит у меня на проводе». Она не ответила. Раз у него столько работы, то лучше ему не мешать.

– Продолжайте. Водка стынет, – обратился к Томику разохотившийся мэр. Ему было крайне интересно, что еще придумал непредсказуемый Петя. Мэру казалось, что все это глупая шутка. Что отец таким образом проверяет своих сыновей, компаньонов и союзников. Это было вполне в его стиле. Бондарук всегда делал, что хотел и когда хотел, не обращая внимания на то, что скажут люди. Он был человеком, которого можно было бы охарактеризовать тремя словами: Я МОГУ ВСЕ, и это, действительно, было так. Скорее всего, благодаря своей твердости и бескомпромиссности в стремлении к цели, он и стал магнатом. Но сегодня он просто сам себя переплюнул. Это был его лучший номер. У чувака явно имелись яйца. – Отец приказал читать независимо от обстоятельств. Так читайте же, либо я дочитаю, – пожурил он юнца.

Младший сын Бондарука смерил мэра ледяным взглядом, но все-таки поднял лист и продолжил:

«Если Сережа пожелает работать с моими сыновьями, то я разрешаю оставить их на должностях, которые они до сих пор занимали. Если же он откажется от принятия моего места, то нужно будет объявить конкурс, в котором сможет принять участие каждый горожанин, независимо от пола. Условия конкурса: белорус по национальности, не старше пятидесяти лет, знания и опыт в управлении деревообрабатывающим предприятием. Если кто-либо из присутствующих соответствует этим требованиям, то может поучаствовать в конкурсе. Удачи. В случае моей неожиданной смерти, естественной либо похожей на таковую, управляющего предприятием назначит дед Миколай Нестерук. Воля моя является окончательной, данное решение было принято в здравом уме, твердой памяти и состоянии трезвости. Хотя, во время прочтения вами этих слов, трезвым я уже не буду. Так же как и вы.

Петр Бондарук».

Толик положил письмо на стол. Налил себе стакан водки, выпил. Мэр тут же налил ему второй, но Толик не дотронулся до него. Он набрал в легкие воздуха, видимо желая что-то сказать, и опустил на стул.

– Папка с ума сошел, – только и выдавил он.

– Спокойно, – засмеялся мэр, разочарованный тем, что в письме не было какого-нибудь пасквиля или пикантного признания. – Это просто страх перед женитьбой. Маладая дзячынка, требовательная, а батя-то уже слегка трухляв, вот и пошел легкий сдвиг по фазе. После свадьбы все встанет на свои места. Пока нет нотариально заверенных документов, не о чем переживать, валенки. Давайте выпьем.

– Ну что ж, господа хорошие, – пробормотал Анатолий Пирес, бывший директор лицея и знаменитый хайнувский банкрот. Несколько лет назад он пытался конкурировать с Бонда-

руком в деревообрабатывающем деле, но окончательно проиграл и потерял все. – Я соответствую всем требованиям, кроме возраста. Давайте подправим немного в бумагах, и кто знает, не будете ли вы вскорости заказывать у меня лестницы и паркет. Я месяца за два положу «Нью Форест Хайнувка» на лопатки. Аз есмь Пирес.

Раздался приглушенный смех. После чего снова повисла тишина. Одни, похихикивая, возвращались к еде, другие возмущались и перешептывались:

– Не придет? Что за беспардонность!

Василь и Фион, два старших сына Бондарука, демонстративно встали из-за стола и вышли не прощаясь. Вслед за ними побрел и Томик. Впервые все трое продемонстрировали такую сплоченность. Потом вышли еще несколько гостей, которые волю Бондарука сочли возмутительной. Остальные продолжили банкет. Один из городских советников начал разливать водку по стаканам, обращаясь к собравшимся:

– Знаешь анекдот, дед Коля? – И, не дожидаясь ответа Нестерука, начал рассказывать: «Прьязжай у суботу на вёску! Не хачу. Чаму? Будзе піва, шашлыкi, дзяучата, гармошка. Красата! Тато! Другі раз я не пападуся. Капайце самі сваю картошку».

Никто не отреагировал. Но как только помещение очистилось от оппозиционеров Бондарука, празднующие почувствовали себя свободней. Романовская подозревала, что некоторые из присутствующих уже знали волю магната. Он должен был согласовать свое решение с властями города. Наверняка старцы, сидящие за центральным столом, были прекрасно осведомлены. На их лицах читался триумф вместо удивления или шока. Кристина сама не очень хорошо понимала, что происходит, и не знала ответа на вопрос: что с этим делать? Глубоко вздохнув, она улыбнулась старику Миколаю, который невозмутимо сидел все в той же позе. Он моргнул ей в ответ, хотя это мог быть лишь нервный тик. Осмелев, она взяла вилку, положила себе внушительную порцию жаркого из зубра. В корчме «Село Буды», где подавали этот деликатес, за один кусочек нужно было заплатить около ста злотых. Надо пользоваться случаем, раз уж пришла.

В этот момент в зал вернулся Сережа. Глаз у него был подбит, из носа текла кровь. Мэр при виде его сорвался с места, усадил пострадавшего на стул, стал вытирать и прикладывать лед из ведерка с шампанским, которое как раз подали.

– Садись, сынок. Не хлюпай носом. Такая судьба у людей власти. Большинство друзей превращается во врагов. Сегодня твой день. Король умер. Да здравствует король!

– Я не сын пана Петра, – шепнул Сережа ломающимся голосом. – Я сделаю анализ ДНК, докажу. Это какое-то недоразумение.

– Откуда такая уверенность? И кого, собственно, интересует правда? – подал голос Миколай. Взгляды гостей обратились теперь в сторону мясника. Он очень редко выступал на публике. По правде говоря, никогда. – А Петру этого будет достаточно, чтобы начать погром.

* * *

Утренний эфир «Польского радио» заглушился рокотом мотоциклетного двигателя. Божена Бейнар, в нарядном персиковом платье из тафты со множеством оборок и кружев, подошла к окну. Нахмутив брови, она смотрела на красивого молодого блондина, сидящего на желтом спортивном байке. Как только дочь вышла из ванной, мать задернула шторы.

– Даже не вздумай выходить, – прошипела она, снимая с головы бигуди.

Ивона не ответила. По ее лицу, однако, блуждала довольная и с трудом скрываемая улыбка. Ей не нужно было подходить к окну, чтобы понять, кто приехал. Она без труда узнала знакомый звук. Братья наверняка уже побеседовали с Кваком, и на церемонии он не появится. Не потому что трусил. Наоборот, у тридцатилетнего Юрки дух борьбы был в крови, но он разбирался в том, против кого бороться можно, а против кого не следует. Бондарук принадле-

жал к первой лиге таких людей в их городе. И несмотря на то, что поведение бывшего жениха очень импонировало ей, факт, что он здесь появился, предвещал серьезные неприятности. И ей и ему. Значительно более серьезные все-таки ему. Надо обязательно с ним поговорить.

Она быстро надела свой наряд, прибывший утром от портнихи. На этот раз и юбка, и блузка сидели идеально. Пахли лавандой. Ивона завязала на талии специальный пояс, но, увидев в зеркале куклу в народном костюме, сняла фартук и бросила его на стул. Затем приступила к расчесыванию мокрых волос. Мать тем временем набирала номер с мобильного, пытаясь до кого-то дозвониться, но этот кто-то не отвечал. Когда она пошла на кухню, чтобы попробовать позвонить с городского телефона, Ивона по-прежнему стояла перед зеркалом. Невеста старательно наносила на ресницы тушь, красила губы красной помадой. Кваку нравилось, когда она была сильно накрашена.

– Все-таки приперся, – шепнула в трубку Божена. – Я бы тоже не поверила, но он стоит у хаты и тарахтит этой своей тарахтелкой.

Потом она долго молчала. Извлекла из пачки последнюю сигарету и перевернула все на столе в поисках зажигалки. Наконец наклонилась над газовой плитой и прикурила, чудом не устроив пожар, потому что одна из папилюток раскрутилась и упала на пламя.

– Я прослежу за ней, – пообещала Божена и выключила газ. Пламя окончательно погасло. – Пусть у тебя из-за этого голова не болит, сынок. Свою землю ты получишь. Мы все этого хотим, Ивонка тоже старается.

Раздался стук. Божена бросила трубку и в одну секунду оказалась в комнате. Тюлевая занавеска от мух, висящая перед входной дверью, трепетала на сквозняке. От Ивонки остался только фартук на стуле. Ритмично постукивала незапертая фанерная дверь. Мотоцикл загрохотал громче, и через несколько секунд на фоне образовавшейся тишины снова зазвучал утренний эфир «Польского радио». Прогноз погоды предрекал очередное жаркое воскресенье. Июнь в этом году обещал быть теплым и сухим. Через три недели в Хайнувке начнется фестиваль церковной музыки. В это же время в Белостоке будет проходить конкурирующее с фестивалем мероприятие, которое отказался благословить архиепископ Савва. Божена в бешенстве выключила радио.

* * *

– Я передумал, – объявил Квак, когда они остановились у сарая в самой середине невспаханного поля.

Мотоцикл забуксовал в сухом песке. Квак уж было подумал, что придется идти пешком, когда ему удалось наконец выбраться на слежавшуюся почву. Эта земля не обрабатывалась уже много лет. В молодости мать Юрки сажала здесь картошку. Еще в восьмидесятых большую часть земли она отдала государству, и долгое время они жили на небольшую ренту. Себе она оставила только это картофельное поле. До войны здесь была самая богатая деревня – Залусское. Дом ее предков был самым большим, а мужчины ее рода до третьего поколения были в деревне старостами. Во время войны село было полностью сожжено, люди погибли в огне либо от пуль. Те немногие, кому удалось выжить, переехали в другие деревни или в город. Мать Квака, Дуня Ожеховская, в девичестве Залусская, тоже так поступила. Купила старый домик лесничего под Хайнувкой и поселилась в нем. Там до сих пор нет водопровода и ванной. Потребности ее невелики. Она живет молитвой, посещением церкви, помогает другим. Ее называют шептуньей, бабкой, знахаркой, хотя сама она говорит, что ничем не отличается от любой другой старухи из деревенского хора. К Богу она пришла только в старости, но дар, сила, говорят, были у нее с самого детства. Приходящим к ней страждущим она говорила, что это не она лечит, а вера болящего. Если ее нет, то и Господь не поможет.

Многие беженцы из деревни Залусское лишь к старости вернулись к своей религии. Православие после войны было не в моде. Польско-белорусские антагонизмы существовали по-прежнему. Белорусы не могли простить полякам, что те выдали их родню бандитам. Во времена демократии городские жители начали массово скупать землю. Тогда можно было за бесценок приобрести участок третьего класса в несколько гектаров. Дуня мечтала, чтобы ее единственный сын построил дом на земле, пропитанной кровью предков, и вместе с семьей занимался хозяйством. Но Квак брезговал работать в поле, стыдился своего происхождения. «Деревня» в его устах звучало как оскорбление. Напрасно Дуня пыталась убедить сына, что на самом деле большинство горожан происходят из деревень. Аристократы и мещане погибли на полях сражений. Землевладельцев раскулачили, а беднота, безземельные батраки, пошли на заводы и фабрики и, прикрывшись вывеской «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», получили свои квартиры и машины.

Продавать последний кусок земли было слишком поздно. Более дальновидный хозяин посадил бы здесь деревья и ждал, пока они вырастут, чтобы потом продать их паркетной фабрике или хотя бы на дрова. В те времена лишь немногие имели центральное отопление. Соседи, может, и хотели бы присоединить этот участок к своим полям, но были бедны как церковные крысы. Они слишком мало предлагали за последнее, кровное. А позже, когда Евросоюз стал помогать фермерам деньгами, они потратили их не на землю, а на новые авто, плоские телевизоры и современные комбайны. Квак даже не стал участвовать в проекте «Молодой фермер» несмотря на то, что его шансы на получение безвозмездной материальной помощи были очень высоки. Проходных баллов набралось бы даже больше, чем нужно. Можно было бы купить еще земли и жить, как Бог велел. Но нет, он не хотел. Из принципа. Юрка жил в городе, в съемной комнате. Матери стыдился. Когда она спросила его, прошел ли он в проект, он буркнул в ответ, что неправильно заполнил бланк. Потом продать этот участок становилось все менее реально. Все местные знали, что это *пяичыны* — песчаная земля самого низкого класса, годится только для выращивания картошки. Земля Залусских в течение многих лет была заброшена, дом почти развалился. И ничто не предвещало перемен к лучшему.

Квак галантно подал Ивоне руку. Она грациозно сошла с мотоцикла. Во время езды ей пришлось задрать полосатую юбку до середины бедер. Сейчас она поправила ее, с удовольствием лоя его жадный взгляд. Они не виделись с зимы, когда она навестила его в СИЗО.

– Ты уже загорала? – спросил он, притворяясь равнодушным, и заметил, что она все еще носит его обручальное кольцо, но никак это не прокомментировал.

– Немного, за домом, – ответила Ивона. – Давай спрячемся, пока никто нас не увидел и не донес братьям. Зря ты приехал, – пожурила она Юрку.

Квак втолкнул мотоцикл внутрь сараюшки, а Ивона тем временем скрылась у самой дальней стены, ожидая, что сейчас он, изголодавшийся, бросится на нее, пользуясь моментом. Но он даже не попытался обнять ее, что немного обеспокоило Ивону.

– В чем дело? – Она склонила голову. – Ты злишься?

– Я передумал, – повторил он упрямо, но все-таки подошел ближе и, взяв ее за подбородок, поднял голову. Этот жест был не нежностью, а, скорее, демонстрацией власти. Она поддалась. Согласие было воспринято как разрешение на продолжение. Теперь он очень ласково погладил ее по щеке. Она прильнула к его ладони, потом сжала ее в своей руке. Наклонившись, он поцеловал ее в макушку. В этом была настоящая нежность. Взглянув на него, она увидела в его глазах страсть. Несмотря на это, он твердо заявил:

– Я не согласен с теми условиями. Я не буду тебя ждать.

Ивона встrepенулась.

– Мы же договорились.

– Ты сама все решила, – парировал он. – Это был твой план.

– Ты согласился.

Ивона подошла к единственному окну со стеклом, засиженным насекомыми. Мертвые мухи громоздились на импровизированном подоконнике, образуя хитиновую подушку. Ей хотелось открыть окно, впустить хоть чуть-чуть свежего воздуха, потому что внутри было очень душно. Но придется потерпеть, чтобы ни у кого из посторонних не возникло подозрений, что в сарае кто-то есть.

Ивона быстро пошла вглубь, в помещение для сельхозтехники. Открыла дверцы загона, в котором когда-то содержался скот. Окон не было. Вокруг царил мрак, хоть глаз выколи. Однако она быстро привыкла к темноте. У стены она заметила контуры деревянных емкостей, наполненных черной жижой. Видимо, это были старые корыта для кормления свиней. Лучше не знать, что за субстанция находится в них сейчас.

В углу помещения, за сеновалом, в пятне света, просматривался небольшой треугольник. Подойдя ближе, девушка увидела пузатые дорожные сумки, три свертка, видимо спальные мешки, канистру солярки, примус и военный рюкзак – это он отсвечивал издали. Квак упаковал в него крупы, макароны, консервы и флягу питьевой воды. Если они будут экономить, то этих запасов должно им хватить на пару недель. Потом все равно придется сменить место. Возможно, даже раньше, если получится найти машину. Воду Юрка будет приносить по ночам из «святой речки» неподалеку. Когда они проводили здесь вместе каникулы три года назад, ручей нес вотивные платки, которыми православные верующие, молящие, чтобы «живая вода» исцелила их хвори, обмывались на Преображение. Источник оживал только раз в году и принимал толпы верующих. Ивона в эти сказки не верила, в отличие от Квака, выросшего в православной семье. Поэтому, выловив из речки итальянский шелковый платок, она без колебаний постирала его и носила до тех пор, пока уголки его не истрепались. Мать Квака утверждала, что это принесет ей несчастье. Что она взяла на себя чужие проблемы, которые кто-то смыл. Но Ивона считала это бредом.

Покопавшись в рюкзаке, она вынула фонарик и направила луч света в лицо Кваку.

– Прекрати, Ивуся! – Он закрыл лицо. – С ума сошла?

Она засмеялась и опустила фонарик. Пол был черный, местами сырой. Ивона провела носом своей красной туфли по нескольким палкам, торчащим из земли, и увидела горки песка и траву. Они стояли на земляном полу. Только сейчас до нее дошло, что ей предстоит провести здесь ближайший месяц. Где она будет спать? Тут не было даже надувного матраса или туристического коврика. Уж не сошла ли она с ума? Внезапно на нее нахлынули сомнения. Вдруг в поле ее зрения попал металлический стол. Современный, блестящий и чистый, словно тщательно отполированный. Стол был единственным элементом интерьера, напоминающим о том, что на дворе XXI век. Под столом стоял металлический чемодан. Ивона не знала, что Квак хранит в нем, и сейчас ее это не интересовало. Она взяла один из спальных мешков и расстелила на столе. Юрка покачал головой, поэтому она перенесла мешок на сено и легла на него.

– Иди сюда. – Она поманила его жестом, но он не сдвинулся с места, все еще сомневаясь. – Мой самый лучший и любимый Квачок!

Она подошла к нему и шепнула:

– Я твоя, только твоя. Ты же знаешь.

Ивона потянула его за собой, положила его руку на свою грудь и одновременно поцеловала в губы. Юрка не остался равнодушным. Ясно было, что он принимает игру. Он пыхтел, тщетно стараясь расшнуровать ее свадебную блузку, поэтому Ивоне пришлось помочь ему. Юбку и белье она сняла уже без его помощи, а он любовался, как ловко она избавляется от одежды. Гардероб оказался на старом крюке для подвешивания туш. Мясо во время разделки должно быть хорошо обескровлено. Это продлевает срок его хранения. Ивона знала это, благодаря нескольким месяцам практики на мясокомбинате Нестерука. Несмотря на хорошую характеристику и высокие шансы на получение работы, от предложения пришлось отказаться. Хозяин платил ей ветчинами и мясом. Ивона была вегетарианкой, поэтому польза от ее работы

была лишь братьям. Сейчас она подумала, что крюк, скорей всего, заржавел за долгие годы, и слегка переживала, что на блузке останутся следы ржавчины. Но еще больше ее пугало, что в шерстяную ткань юбки набьются частицы соломы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.